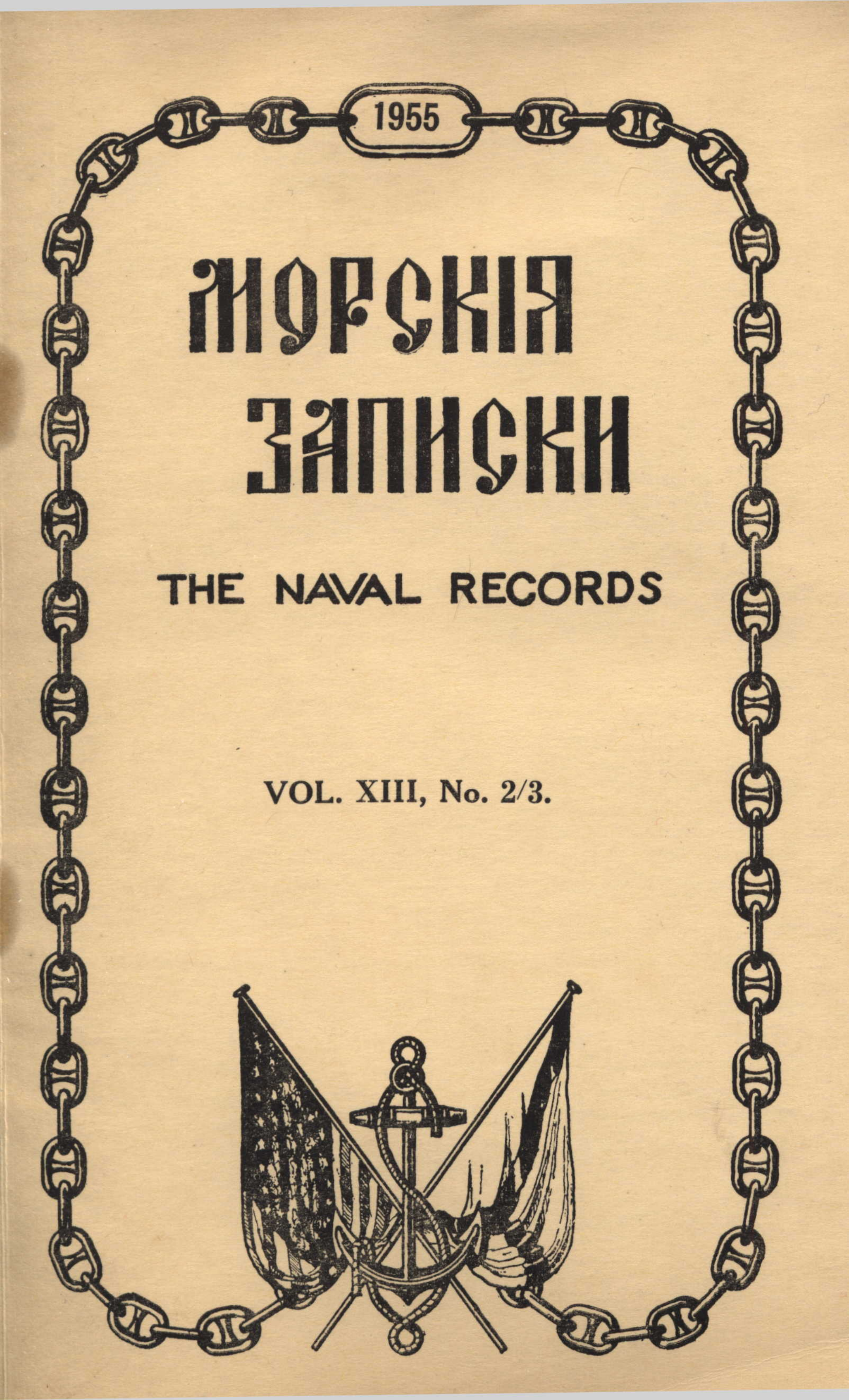

1955
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XIII, No. 2/3.

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ
Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго флота въ Америкѣ подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ.
465 Лексингтонъ авеню Нью Іоркъ, С. Ш. А.

THE NAVAL RECORDS
Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.
G. N. Taube, Editor.
465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XIII, No. 2/3. Price $ 3.00 yearly August, 1955.

Содержаніе:

	Стр.
Краткій очеркъ дѣйствій флота при эвакуаціи Крыма въ ноябрѣ 1920 года	3
Крейсеръ I ранга „Владиміръ Мономахъ" въ бою съ японцами у о-ва Цусима 14/15 мая 1905 г. М. П. Корецкій	23
Тѣни прошлаго... (Продолженіе) П. А. Свѣтликъ	40
Каспійская военная флотилія, 1918-1919	54
Отчетъ о дѣятельности Сибирской Флотиліи 1921-1922 г. (Продолженіе) Контръ-адмиралъ Ю. К. Старкъ	68
Къ 100-лѣтію Крымской кампаніи. Князь Я. К. Тумановъ.	82
Гибель тральщика № 7 Инж. Мех. Кап. I. р. В. П. Орловъ-Діаборскій	84
Первая военно-морская школа въ Россіи. Д. М. Красовскій	88
40 лѣтъ тому назадъ. „Завоеванія революціи"	90
Досадное недоразумѣніе Черноморъ	92

Contents:

	Page
A brief summary of the activities of the Navy during the evacuation of Crimea in November 1920	3
Cruiser "Viadimir Monomakh" in the battle of Tsusima 14/27 May 1905. M. P. Koretsky	23
Shadows of the past... (Cont.) P. A. Svetlik	40
The Caspian flotilla 1918-1919	54
Report on the activities of the Siberian flotilla during 1921-1922. (Cont.) Rear admiral Y. C. Stark	68
One hundred years ago. The Crimean campagn. Prince Y. C. Tumanoff	82
The loss of Minesweeper No. 7 Eng. Capt. V. P. Orlov-Diaborsky	84
The First Naval Academy in Russia. L. M. Krassovsky	88
40 years ago. "Conquests of the Revolution"	90
An Embarrassing Misunderstanding. Tchernomor	92

ВНИМАНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ ВО ФРАНЦІИ
и французскихъ колоніяхъ:

Представителемъ „Морскихъ Записокъ" во Франціи и французскихъ колоніяхъ любезно согласился быть Кап. 2 р. Владиміръ Владиміровичъ Скрябинъ

Mr. W. Skriabine
38, Boulevard de la Republique
Boulogne sur Seine (Seine), France
Cheques Postal — 12056-28

Просьба вносить ему подписную плату и обращаться къ нему по всѣмъ вопросамъ касающихся „Морскихъ Записокъ".

Printed By ALL SLAVIC PUBLISHING HOUSE
33 Bond St., New York 12, N. Y.
Phone: AL 4-5478

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ДѢЙСТВІЙ ФЛОТА ПРИ ЭВАКУАЦІИ КРЫМА ВЪ НОЯБРѢ 1920 Г. И ПРЕБЫВАНІЕ ЕГО НА ЧУЖБИНѢ.

1. СОСТОЯНІЕ ФЛОТА ПЕРЕДЪ ЭВАКУАЦІЕЙ.

СОСТАВЪ ФЛОТА. Состояніе флота, какъ военнаго, такъ и коммерческаго въ Крыму въ 1920 г. было далеко неудовлетворительное. Военный флотъ представлялъ собой остатки Черноморскаго Императорскаго флота и состоялъ изъ: одного линейнаго корабля „Генералъ Алексѣевъ" (бывш. „Императоръ Александръ III", бывш. „Воля"), одного крейсера — „Генералъ Корниловъ" (бывш. „Кагулъ"), посыльнаго судна-яхты „Алмазъ", трехъ нефтяныхъ эскадренныхъ миноносцевъ по 1.100 тоннъ — „Дерзкій", „Безпокойный" и „Пылкій", пяти угольныхъ миноносцевъ — „Капитанъ Сакенъ", „Живой", „Жаркій", „Звонкій" и „Зоркій", четырехъ подводныхъ лодокъ — „Буревѣстникъ", „Утка", „Тюлень", „АГ-22" и транспорта-мастерской „Кронштадтъ". Къ этому надо прибавить небольшое число вспомогательныхъ судовъ различныхъ назначеній. Эти остатки флота съ начала революціи прошли всѣ этапы развала смутнаго времени, послѣдовательно перебывавъ въ рукахъ большевиковъ, нѣмцевъ и союзниковъ. Съ переходомъ флота въ концѣ 1918 — началѣ 1919 года (а нѣкоторыя суда даже въ 1920 г.) въ составъ противобольшевистскихъ силъ сначала Добровольческой Арміи, а потомъ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи, суда, абсолютно всѣ нуждавшіяся въ капитальномъ ремонтѣ, начали оборудоваться и приводиться въ боевую готовность. Всѣ остальныя военныя суда представляли изъ себя либо корпуса совершенно еще не достроенные и находившіеся главнымъ образомъ въ Николаевѣ, либо остовы судовъ совершенно запущенные, разграбленные и со взорванными англичанами въ апрѣлѣ 1919 г. машинами, а потому совершенно непригодные. Работа по возстановленію боевыхъ судовъ шла медленно и не всегда планомѣрно. Этой работѣ препятствовали: 1) — обстановка, въ которой суда находились, т. к. Севастополь, единственная база флота, представлялъ ближайшій тылъ арміи и даже въ 1919 г. на три мѣсяца былъ нами эвакуированъ. 2) — скудныя техническія средства разграбленнаго и большевиками и нѣмцами и со-

юзниками портоваго завода Морского Вѣдомства. 3) — малое количество квалифицированной рабочей силы, 4) — почти полное отсутствіе на нашей территоріи необходимыхъ матеріаловъ, 5) — скудные запасы угля, 6) — ограниченность денежныхъ средствъ и 7) — совершенная неопытность вновь набираемыхъ судовыхъ командъ. Съ другой стороны, боевая обстановка все больше и больше требовала содѣйствія флота и даже самостоятельныхъ его операцій, а потому приходилось: 1) — ограничиться лишь частичнымъ, самымъ необходимымъ, ремонтомъ военныхъ судовъ, благодаря чему корабли выходили часто изъ строя, иногда даже въ самую нужную минуту. 2) — прибѣгнуть къ импровизаціи флота, т. е., сообразуясь съ обстановкой въ данномъ раіонѣ, вооружать разные, преимущественно малаго тоннажа, коммерческія суда, баржи и катера, обращая ихъ въ канонерскія лодки и посыльныя суда. Изъ такихъ судовъ были разновременно составлены наши рѣчныя флотилии, а также нашъ II-ой отрядъ Азовскаго моря, базировавшійся на Керчь. Изъ катеровъ и буксировъ, какъ Морского Вѣдомства, такъ и частныхъ, былъ въ 1920 г. сформированъ и дивизіонъ тральщиковъ. Хотя мобилизація вышеупомянутыхъ частновладѣльческихъ судовъ и уменьшала коммерческій тоннажъ, главнымъ образомъ каботажный, тѣмъ не менѣе суда этого типа давали тѣ преимущества, что они во 1) — были весьма экономичны въ смыслѣ расхода угля и воды, во 2) — обладали малой осадкой, въ 3) — требовали меньше командъ и, наконецъ, въ 4) — благодаря простѣйшей конструкціи своихъ маханизмовъ и котловъ, могли легче обслуживаться неопытными, молодыми командами. Такимъ образомъ, военный флотъ лѣтомъ 1920 г., раздѣленный на три отряда, состоялъ изъ слѣдующихъ судовъ (Приказъ Коман. Черном. Флотомъ отъ 20 іюня № 4896):

1-ый Отрядъ.

Линейный корабль „Генералъ Алексѣевъ"

Бригада крейсеровъ:

Крейсеръ 1-го ранга „Генералъ Корниловъ"

Вспомогательный крейсеръ „Алмазъ"

" " „Бугъ"

Минная бригада:

1-ый дивизіонъ эскадренныхъ миноносцевъ:

Эс. м-цы: „Безпокойный", „Гнѣвный", „Дерзкій", „Пылкій"

2-й дивизіонъ эскадренныхъ миноносцевъ:

Эс. м-цы: „Капитанъ Сакенъ", „Жаркій", „Живой", „Звонкій", „Зоркій".

Транспортъ „Водолей"

Подводный дивизіонъ:

Под. лодки: „Буревѣстникъ", „Тюлень", „Утка", „АГ 22".

Дивизіонъ тральщиковъ:
„Альбатросъ", „Бакланъ", „Дмитрій Герой", „Березань 2", „Скифъ 1" и „Язонъ".
При первомъ отрядѣ транспортъ-мастерская „Кронштадтъ".

2-ой Отрядъ.

Дивизіонъ морскихъ канонерскихъ лодокъ:
кан. лод. „Терецъ", „Грозный", „Стражъ".
2-й дивизіонъ рѣчныхъ канонерскихъ лодокъ:
кан. лод. „Георгій", „Алтай", „Уралъ", „Кавказъ".
Дивизіонъ вооруженныхъ ледоколовъ:
в. л. „Всадникъ", „Гайдамакъ", „Джигитъ".
2-й дивизіонъ сторожевыхъ катеровъ:
СК-11, СК-12, СК-13, СК-14, СК-15, СК-16, СК-17 и СК-18.
Дессантный дивизіонъ:
катера: „Марія", „Азовецъ", „Никола Пашичъ", „Меотида", „Пантикапея" и „Дмитрій".
Болиндеры: №№ 442, 443 и 445.
2-й Гидроавіаціонный отрядъ:
Плавучая батарея „Ростиславъ".

3-й Отрядъ

1-й дивизіонъ рѣчныхъ канонерскихъ лодокъ:
рѣч. кан. лод.: „Кача", „Салгиръ", „Альма".
1-й дивизіонъ вооруженныхъ баржъ:
Б-1, Б-2, Б-3 и Б-4.
1-й дивизіонъ сторожевыхъ катеровъ:
СК-1, СК-2, СК-4, СК-5, СК-6, СК-7 и СК-8.
3-й дивизіонъ вооруженныхъ катеровъ:
„Кіевъ", „Полтава", „Сѣчь" и „Мичманъ Ковалевскій".
1-й Гидроавіаціонный отрядъ:
Посыльное судно „Атаманъ Калединъ".
Вооруж. катера: „Смѣлый", „Работникъ", „Пушкарь" и № 51.

Отдѣльныя соединенія.

Дивизіонъ легкихъ катеровъ:
ЛК-1, ЛК-2, ЛК-3, ЛК-4, ЛК-5 и при нихъ 16 гребныхъ судовъ.
Морская охрана побережья Крыма:
посыльныя суда: „Летчикъ", „Днѣпровецъ", катера „Тайфунъ", „Василій", „Петръ".
Тральные катера: „Стрижъ", „Роксана" и легкій катеръ СК-3.

Посыльное судно „Лукуллъ" (въ распоряж. Команд. Флотомъ).
Гидрографическое судно „Казбекъ".
Посыльное судно Службы Связи „Севастополь".

Къ военному флоту надо причислить также и транспорты Морского Вѣдомства. Всего по списку въ 1920 г. такихъ транспортовъ было 31. Изъ этого числа нѣсколько пароходовъ были во фрахтѣ. Около 25 проц. всѣхъ транспортовъ Мор. Вѣд. находились за проливами. Другіе 25 проц. были заняты перевозками казенныхъ грузовъ по Черному морю. Остальные транспорты находились въ портахъ Крыма, при этомъ нѣсколько пароходовъ ремонтировалось въ Севастополѣ. Состояніе всѣхъ транспортовъ было тоже мало удовлетворительнымъ, т. к. суда были сильно изношены во время большой войны, а послѣ революціи и развала Россіи они почти не ремонтировались.

Списокъ транспортовъ Морского Вѣдомства къ октябрю 1920 г.

Въ Севастополѣ: „Сарычъ", „Инкерманъ", „Морякъ", „Шилка", „Ингулъ" (въ ремонтѣ), „Дунай" (въ ремонтѣ), „Заря" (во фрахтѣ у Ропита), „Крымъ", „Осторожный" (въ ремонтѣ), „№ 412".
Въ Тендрѣ: „№ 411", „Добыча" (при III отрядѣ).
Въ Керчи: „Самара".
Въ Феодосіи: „Поти", „Ялта", „Донъ".
Въ Константинополѣ: „Ріонъ", „Екатеринодаръ", „Артимида", „Баку", „№ 410".
Въ Зунгулдакѣ: „Орфей".
За проливами: „Далландъ", „Трапезундъ" (во фрахтѣ), „Днѣпръ" (въ Италіи), „Ольга", „Родосто" (въ Италіи арест.), „Починъ" (въ Греціи), „Надежда" (въ Греціи), „Тендра" (во фрахтѣ), „Мечта".

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ: Что касается личнаго состава, то онъ заставлялъ желать много лучшаго. Офицерскій составъ, хотя и сильно преуменьшенный въ сравненіи съ дореволюціоннымъ временемъ, все же былъ болѣе чѣмъ достаточнымъ для укомплектованія боевыхъ судовъ. Но на практикѣ этого не было. Кадровое офицерство не представляло уже изъ себя столь сплоченной среды, какъ раньше. Вліяніе революціи сказывалось. Пониженная мораль, борьба за существованіе, упадокъ дисциплины и такъ называемая „партизанщина" часто заставляла нѣкоторую часть офицерства стремиться въ тылъ, переходить въ другія вѣдомства и предпочитать скорѣе получить мѣсто на берегу или транспортѣ, чѣмъ быть назначеннымъ на плавающій корабль.

Поэтому, далеко не всѣ корабли были сплошь укомплектованы кадровыми флотскими офицерами. Для укомплектованія приходилось прибѣгать къ офицерамъ новѣйшихъ формацій изъ офицеровъ по Адмиралтейству, офицеровъ Военнаго Времени и офицеровъ корпуса Корабельныхъ Офицеровъ. Этотъ послѣдній корпусъ былъ созданъ въ 1919 г. и комплектовался главнымъ образомъ изъ произведенныхх въ офицеры бывшихъ кондукторовъ флота

разныхъ спеціальностей. Эта часть корпуса по своимъ спеціальнымъ знаніямъ и опыту была удовлетворительной, но за то другая часть — переводимые въ корпусъ офицеры военнаго времени и офицеры сухопутные всѣхъ родовъ оружія, безъ всякаго опыта и знаній, была ниже всякой критики. Такой пестрый составъ, конечно, тоже не могъ увеличить сплоченности среди офицерства. Кромѣ того, чувствовался недостатокъ въ офицерахъ средняго служебнаго стажа, а именно: достаточно прослужившихъ лейтенантовъ и старшихъ лейтенантовъ, для занятія должностей старшихъ офицеровъ на судахъ 2-го ранга и старшихъ специалистовъ. У молодежи, почти не служившей въ нормальныхъ условіяхъ во флотѣ и мало изъ-за революціи плававшей, совершенно отсутствовалъ опытъ, и вахтенная служба бывала часто не на должной высотѣ. А служба была далеко не легка. Такъ какъ наши суда въ техническомъ отношеніи сильно хромали, а на ремонтъ нельзя было особенно расчитывать, то приходилось постоянно перебирать механизмы и производить мелкій ремонтъ судовыми средствами, часто даже на позиціяхъ и въ виду непріятеля. Кромѣ того, ввиду все большей и большей потребности въ содѣйствіи флота, суда находились постоянно въ морѣ, и изъ нихъ, такъ сказать, выжимались всѣ соки до послѣдняго. Приходилось стоять и даже зимовать во льдахъ (Азовское море). Изъ экономіи угля на стоянкахъ въ портахъ и на рейдахъ суда стояли безъ паровъ и отопленія съ температурой въ жилыхъ помѣщеніяхъ чуть ли не ниже 0. Обмундированія вообще, а теплой одежды въ частности было мало. Подвозъ провизіи тоже не всегда возможенъ былъ аккуратнымъ, а потому приходилось и недоѣдать, оставаясь иногда по нѣсколько дней безъ хлѣба и даже сухарей. Все это изнашивало личный составъ, отражаясь на его нервной системѣ, и тоже служило одной изъ причинъ малочисленности плавающаго состава.

Еще хуже обстояло дѣло съ командами: нельзя создать матроса, а тѣмъ болѣе спеціалиста, за одинъ годъ. Судовыя команды приходилось набирать самимъ командирамъ, т. к. Черноморскій Флотскій Экипажъ могъ давать только новобранцевъ, а существовавшія спеціальныя школы не успѣвали въ такой срокъ выпускать спеціалистовъ. Поэтому команды представляли чрезвычайно пестрый составъ. Настоящихъ матросовъ стараго флота было самое ограниченное число, большинство же составляло учащаяся молодежь: гимназисты, кадеты, студенты, затѣмъ техники и мастеровые, словомъ, люди всѣхъ профессій, положеній и возрастовъ, совершенно непривычные къ тяжелой физической работѣ и къ морю. Кромѣ того, большой процентъ командъ составляли подъ разными предлогами увиливавшіе отъ фронта офицеры, солдаты и казаки и, кромѣ того, солдаты и офицеры, уволенные по категоріямъ изъ строя для службы въ тылу. Всѣ эти лица тоже не обладали ни соотвѣтствующими знаніями, ни опытомъ. Набравъ такимъ образомъ команду, командирамъ приходилось учить свою команду, лишь каждаго своей узкой спеціальности, а такъ какъ время и обстановка рѣдко это допускали, то приходилось учить прямо

въ боевой обстановкѣ, подъ огнемъ. Нерѣдко поэтому бывали такіе случаи, когда въ началѣ плаванія корабля почти вся команда укачивалась, паръ садился и корабль стопорился. Были случаи, когда изъ-за неопытности командъ сжигались котлы или портились механизмы, были несчастные случаи у орудій. Часто молодежь не выдерживала тяжелой службы въ машинахъ и у котловъ и заболѣвала малокровіемъ и даже туберкулезомъ. Особенно трудно было съ такими командами плавать на современныхъ боевыхъ судахъ, съ сложнѣйшими и нѣжнѣйшими механизмами, требующими большихъ знаній и опыта и самаго внимательнаго ухода. Съ матеріальной стороны команды были обставлены очень плохо. Получаемое денежное содержаніе, кромѣ морского довольствія (пайка), шедшаго въ котелъ и не выдаваемаго на-руки, было такими грошами при все возраставшей дороговизнѣ, что о немъ и говорить не приходится. Не удивительно поэтому, что при первой возможности люди, особенно семейные, уходили на берегъ, ища болѣе сносныхъ условій существованія. Команды транспортовъ и коммерческаго флота были почти все старыя, состоящія изъ опытныхъ настоящихъ матросовъ торговаго флота, благодаря чему имъ легче было справляться съ техническими дефектами своихъ судовъ, а потому пароходы меньше хромали. Матеріально эти команды были поставлены тоже лучше, т. к. ходили и за границу, да и занимались своими личными коммерческими дѣлами.

Однако, несмотря на перечисленные дефекты личнаго состава, какъ офицерскаго, такъ и командъ, плавающій личный составъ, въ своемъ цѣломъ, съ честью преодолѣвалъ всѣ трудности, связанныя съ боевой службой и плаваніемъ при столь ненормальныхъ тяжелыхъ условіяхъ, безпристанно борясь, такъ сказать, на два фронта: съ непріятелемъ съ одной стороны и съ плохимъ техническимъ состояніемъ своихъ судовъ, съ другой, неизмѣнно являя величіе духа, исполняя долгъ свой не за страхъ, а за совѣсть, результатомъ и доказательствомъ чего явилась столь хорошо проведенная, безпримѣрная въ исторіи, эвакуація Русской Арміи изъ Крыма.

КОММЕРЧЕСКІЙ ФЛОТЪ. Коммерческій флотъ на югѣ Россіи былъ далеко немногочисленъ. Крупнѣйшими пароходными компаніями были: Русское Общество Пароходства и Торговли (Ропит), Россійское Общество (Росстранс) и Добровольный Флотъ.

Общества эти, растерявъ, какъ за время войны, такъ и революціи, много лучшихъ своихъ пароходовъ, путемъ перехода ихъ подъ иностранный флагъ, переживали тяжелый кризисъ. Пассажирскихъ линій почти не было, а грузовыхъ операцій, кромѣ правительственныхъ, было мало. Только небольшое количество пароходовъ выгодно эксплуатировалось за границей, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Большинство же пароходовъ стояло въ портахъ безъ дѣла и ремонта, должая все больше и больше своимъ командамъ. Отсюда совершенно ясно вытекало стремленіе почти всѣхъ пароходныхъ обществъ какъ можно больше перевести своихъ пароходовъ за проливы, дабы

эксплуатировать и ихъ. Съ другой стороны необходимо было постоянно имѣть достаточный тоннажъ и въ Черномъ морѣ для перевозки государственныхъ грузовъ, какъ военно-оперативныхъ, такъ и правительственно-продовольственныхъ. Поэтому, для урегулированія всѣхъ этихъ вопросовъ и для контроля надъ распредѣленіемъ тоннажа было образовано Управленіе Морскимъ Транспортомъ, начальникъ котораго (Намортран), подчиненный непосредственно во всѣхъ отношеніяхъ Командующему Флотомъ, вѣдалъ всѣми транспортами и перевозками. Транспортами Морск. Вѣдом. Намортран распоряжался непосредственно, а тоннажемъ частныхъ пароходныхъ обществъ только въ оперативномъ отношеніи, черезъ посредство Тоннажъ-Бюро. Это Тоннажъ-Бюро состояло изъ представителей всѣхъ пароходныхъ обществъ и назначеніе его состояло въ распредѣленіи тоннажа для выполненія морскихъ перевозокъ по нарядамъ Намортрана. Намортран, получая отъ различныхъ управленій заданія на перевозки государственныхъ грузовъ, какъ оперативныхъ, такъ и продовольственныхъ, въ случаяхъ невозможности выполненія этихъ перевозокъ на транспортахъ Морского Вѣдомства, давалъ нарядъ Тоннажъ-Бюро, при чемъ въ такихъ случаяхъ Тоннажъ-Бюро само выбирало необходимыя для данныхъ перевозокъ суда. Въ случаяхъ же оперативнаго характера, Намортран самъ указывалъ наименованіе судовъ. Кромѣ того, въ случаяхъ, если Намортран находилъ представленное Тоннажъ-Бюро для перевозокъ судно неподходящимъ, то Намортран опротестовывалъ и требовалъ другое судно. Такимъ путемъ Командующій Флотомъ въ лицѣ Намортрана контролировалъ движеніе русскаго морского транспорта съ точки зрѣнія военно-оперативной и съ этой же точки зрѣнія выходъ судовъ за проливы допускался только съ согласія Командующаго Флотомъ. Когда, лѣтомъ 1920 г., численный составъ Русской Арміи увеличился и по заданіямъ Главнаго Командованія, при составленіи на всякій случай, плана эвакуаціи, находящагося въ Черномъ морѣ тоннажа не хватало, Командующій Флотомъ привлекъ въ черноморскій бассейнъ дополнительное количество судовъ различныхъ пароходныхъ обществъ, соотвѣтствующее новымъ цифровымъ заданіямъ состава арміи.

УГОЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ И СНАБЖЕНІЕ. Съ потерей нами въ концѣ 1919 г. Донецкаго Угольнаго Бассейна, вопросъ съ углемъ на югѣ Россіи сталъ критическимъ. Единственнымъ источникомъ полученія угля оставалась заграница, при этомъ уголь приходилось пріобрѣтать либо путемъ товарообмѣна на хлѣбъ, либо на наличныя деньги въ иностранной валютѣ. Для этой цѣли въ Константинополь былъ посланъ представитель Морского Управленія, который совмѣстно съ Начальникомъ Русской Морской Базы въ Константинополѣ долженъ былъ вѣдать закупками угля. Къ сожалѣнію, ввиду ограниченности валюты въ распоряженіи Главнаго Командованія, уголь пріобрѣтался въ количествѣ лишь самомъ необходимомъ. Въ немъ постоянно нуждались и желѣзныя дороги и заводы и городъ и населеніе, не говоря уже о флотѣ, который углемъ въ своихъ операціяхъ былъ связанъ буквально по рукамъ.

Экономія всюду была доведена до максимума. Корабли на стоянкахъ стояли безъ паровъ, а потому безъ отопленія и освѣщенія. Часто въ разныхъ вѣдомствахъ, благодаря непредвиденнымъ расходамъ угля, выходили изъ нормъ, а потому, путемъ передачи угля изъ одного вѣдомства въ другое, постоянно приходилось покрывать его недостатки, дабы не стопорились дороги или заводы и не страдали бы оперативныя заготовки, передвиженіе и снабженіе. Флоту, кромѣ всего прочего, необходимо было еще постоянно имѣть, такъ называемый, оперативный запасъ угля. Этотъ запасъ долженъ былъ быть неприкосновеннымъ для обезпеченія, въ случаѣ эвакуаціи, перевозки изъ Крыма за границу Русской Арміи, учрежденій и населенія. Количество угля оперативнаго запаса все возрастало въ зависимости отъ увеличенія арміи и числа лицъ, подлежащихъ эвакуаціи по заданіямъ Главнаго Командованія, и достигало до полумилліона пудовъ для одного лишь транспортнаго флота, не считая флота военнаго.

Добычи нефти на территоріи Крыма тоже не было, а потому нефть, необходимая во флотѣ, главнымъ образомъ для миноносцевъ, пріобрѣталась покупкой же въ Батумѣ и за границей и нефти было тоже въ обрѣзъ. Доходило до того, что нефтяные миноносцы, какъ это было въ сентябрѣ-октябрѣ въ Азовскомъ морѣ, плавали безъ паровъ, на буксирѣ угольныхъ судовъ, съ правомъ разводить пары, иначе говоря — становиться боеспособными, лишь при непосредственномъ столкновеніи съ флотомъ противника. Почти также обстояло дѣло съ машиннымъ масломъ и другими смазочными матеріалами. Ихъ тоже приходилось пріобрѣтать на сторонѣ, и въ нихъ тоже постоянно чувствовался недостатокъ. Для оперативнаго запаса машиннаго масла приходилось имѣть неприкосновенный запасъ въ 1.500 пудовъ для одного лишь транспортнаго тоннажа.

Что касается снабженія судовъ по части инвентаря и шхиперской, то это снабженіе было весьма примитивно. Буквально во всемъ чувствовался недостатокъ. Настолько суда были разграблены за время смуты что, напримѣръ, по части штурманской, пришлось посылать въ Англію для покупки мореходныхъ инструментовъ: часовъ, секстановъ, биноклей и трубъ.

Въ смыслѣ снабженія судовъ флота боевымъ запасомъ, дѣло обстояло тоже не совсѣмъ благополучно. Главнымъ образомъ чувствовался недостатокъ въ снарядахъ среднихъ калибровъ: часть боевыхъ запасовъ Морского Вѣдомства была уничтожена нѣмцами, часть была дана флотомъ на бронепоѣзда и позиціонную артиллерію. Особенно мало было снарядовъ 100 мм. для орудій большихъ миноносцевъ и канонерскихъ лодокъ. Корабль могъ расчитывать получить новый боевой комплектъ 100 мм. снарядовъ, лишь посылая періодически, по мѣрѣ расхода артиллерійскаго комплекта, стрѣляныя гильзы въ Севастополь въ артиллерійскую лабораторію Сухарной Балки, гдѣ эти гильзы вновь снаряжались и возвращались на суда.

Техническое оборудованіе и производительность Портоваго Завода Морского Вѣдомства въ Севастополѣ и транспорта-мастерской ,,Кронштадтъ" были сильно понижены. Эти два учрежденія — единственныя въ Севастополѣ, да и вообще въ Крыму, работавшія на оборону, были завалены работой, какъ своего Морского вѣдомства, такъ и вѣдомствъ военнаго и путей сообщенія. Порту и ,,Кронштадту" приходилось ремонтировать бронепоѣзда, танки, вагоны и паровозы и изготовлять для арміи все снаряженіе вплоть до пикъ и подковъ. Понятно поэтому, что всѣ эти срочные заказы другихъ вѣдомствъ тяжело отзывались на нуждахъ флота — ремонтѣ кораблей, столь имъ необходимомъ. При вообще уменьшенномъ количествѣ мастеровыхъ порта и болѣе худшемъ ихъ качествѣ, въ сравненіи съ дореволюціоннымъ временемъ, доходило до того, что общее количество мастеровыхъ, работавшихъ на флотъ, равнялось 33 проц. ихъ общаго числа.

Вотъ, вкратцѣ состояніе флота, состояніе, явно заставляющее желать много лучшаго, при которомъ наступила эвакуація Крыма, въ которой флоту пришлось сыграть столь крупную, рѣшающую роль.

II. ПОДГОТОВКА ЭВАКУАЦІИ

ДИСЛОКАЦІЯ ФЛОТА КЪ МОМЕНТУ ЭВАКУАЦІИ. Участь флота и его дислокація въ борьбѣ Русской Арміи на югѣ Россіи съ красной арміей вытекали изъ географическаго положенія Крыма. Пока шла оборона перешейковъ и Русская Армія реорганизовывалась въ Крыму послѣ всѣхъ неудачъ конца 1919 - начала 1920 г., флотъ поддерживалъ фланги перешейковъ. Правый флангъ прикрывался 2-мъ Отрядомъ Судовъ, базировавшимся на Керчъ и поддерживавшимъ наши части на Арбатской Стрѣлкѣ у Геническа. Лѣвый флангъ обезпечивался 3-имъ Отрядомъ Судовъ — болиндерами и мелкосидящими канонерскими лодками, дѣйствовавшими въ Перекопскомъ заливѣ. Съ выходомъ арміи весной за перешейки и распространеніемъ ея въ Сѣверной Тавріи, на долю флота выпала задача во первыхъ, — прикрытіе и высадка дессантовъ, какъ въ Хорлахъ и Скадовскѣ, такъ и со стороны Азовского моря — у Кирилловки и, во вторыхъ, поддержка новыхъ фланговъ арміи при ея продвиженіи, обезпеченіе вывоза зерна изъ Геническа и воспрепятствованіе высадкамъ красныхъ десантовъ въ тылъ нашимъ частямъ, — словомъ, владѣніе Азовскимъ моремъ и блокада Днѣпро-Бугскаго лимана. Эта задача и выполнялась соотвѣтственно 2-мъ и 3-мъ Отрядами Судовъ. Въ теченіи лѣта 1920 г., въ зависимости отъ измѣненія обстановки и при самостоятельныхъ операціяхъ, какъ, напримѣръ, высадка дессанта на Кубань, эти оба отряда иногда усиливались судами 1-го Отряда, базировавшагося вообще на Севастополь. Для усиленія блокады Днѣпро-Бугскаго лимана къ 3-му Отряду были присоединены крейсеръ ,,Генералъ Корниловъ" и миноносцы, а одно время и корабль ,,Генералъ Алексѣевъ", а въ Каркинитскій заливъ былъ посланъ

вспомагательный крейсеръ „Алмазъ", ходившій такъ же къ берегамъ Кавказа за отрядомъ генерала Фостикова. Когда же на Азовскомъ морѣ силы краснаго флота возросли до того, что перешли даже къ агрессивнымъ дѣйствіямъ, то послѣ боя 2-го сентября судовъ нашего 2-го Отряда съ краснымъ флотомъ, нашъ 2-ой Отрядъ былъ усиленъ миноносцами, какъ большими , такъ и малыми. Эта обстановка такъ и продержалась до самаго конца, почти безъ измѣненій, и потому дислокація нашего военнаго флота передъ эвакуаціей къ 26-му октября (ст. ст.) была слѣдующая:

Каркинитскій заливъ: вспом. крей. „Бугъ", Тральщ. „Скифъ" и „Язонъ", кан. лод. „Альма", пос. суд. „Атаманъ Калединъ", воор. кат. „Работникъ", воор. баржи Б-1, Б-2, Б-3 и Б-4, плав. маякъ „Песчаный".

Акъ-Мечеть: воор. кат. „Кіевъ" и „№ 51".

лин. кор. „Ген. Алексѣевъ", „Георгій Побѣдоносецъ", крейсеръ „Ген. Корниловъ", вспом. крей. „Алмазъ" подв. лод. „АГ.-22", „Тюлень", „Утка", „Буревѣстникъ" кан. лод. „Терецъ", „Кубанецъ", „Алтай", „Кавказъ", „№ 411" и „№ 412".

эск. минон. „Гнѣвный", „Пылкій", „Строгій", „Свирѣпый", „Кап. Сакенъ", „Жаркій", „Звонкій", „Цериго" (брандвахта).

пос. суд. „Лукуллъ", „Днѣпровецъ", „Севастополь"

тральщ. „Бакланъ", „Березань", „Ипполай".

трал. кат. „Коршунъ", „Чигиринъ"

воор. кат. „Сѣчь", „Полтава", „Мичманъ Ковалевскій", „Смѣлый", „Пушкаръ", „Тайфунъ".

стор. кар. СК-1, СК-3, СК-5, СК-6, СК-7, СК-8.

воор. лед. „Гайдамакъ"

Маякъ „Бѣглицкій"

б. спас. п-х. „Черноморъ"

Морского корпуса: яхта „Забава" и пар. шх. „Бризъ".

тр. маст. „Кронштадтъ".

Ялта:

катера „Петръ", „Василій"

Феодосія:

катера „Доброволецъ", „Помощникъ"

болиндеръ „№ 441"

Керчъ:

эск. мин. „Живой", „Зоркій"

кан. дол. „Кача"

десс. кат. „Силачъ", „Марія", „Меотида", „Пантико-

пея", „Азовецъ", „Дмитрій", „Николай Пашичъ", „Петрель", „Ногайскъ", „Дружный", „Очаковскій Каналъ".
тральщики: „Альбатросъ", „Черногорія".
трал. кат. „Стрижъ", „Роксана"
букс. кат. „Херсонесъ"
стор. кат. „СК-11", „СК-12", „СК-13", „СК-14", „СК-15", „СК-16", „СК-17", „СК-18".
налив. шхуна „Кара Керменъ"
база отряда „Вѣха"
плав. маякъ „Тузлинскій"
брандвахта „Фанагорія"
плав. батарея „Ростиславъ"

Азовское море:

эск. мин. „Безпокойный", „Дерзкій"
кан. лод. „Стражъ", „Грозный", „Уралъ"
воор. лед. „Джигитъ", „Всадникъ"
тральщикъ „Чурубашъ"
транспортъ „Водолей".

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ТРАНСПОРТНАГО ТОННАЖА ПО ПОРТАМЪ ПО ПЛАНУ ЭВАКУАЦІИ.

Съ момента перенесенія всей борьбы въ Крымъ и назначенія Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи Генерала Врангеля, было приказаніе, на случай нашего неуспѣха на фронтѣ перешейковъ, выработать планъ эвакуаціи арміи, флота и учрежденій изъ Крыма въ Константинополь.

Секретнымъ отношеніемъ Начальника Штаба Главнок. Воор. Силами на югѣ Россіи отъ 4 апрѣля 1920 г. за № 002430, на имя Командующаго Флотомъ, Главнокомандующій приказалъ, соблюдая полную секретность, въ кратчайшій срокъ подготовить соотвѣтствующій тоннажъ для перевозки, въ случаѣ необходимости, 60-ти тысячъ человѣкъ въ Константинополь. Для этого предлагалось распредѣлить нужный тоннажъ по предполагаемымъ портамъ посадки съ такимъ расчетомъ, чтобы было можно начать посадку на суда черезъ 4-5 дней послѣ начала нашего отхода съ перешейковъ. При этомъ давались слѣдующія данныя по портамъ:

изъ Керчи	12.000 чел.
" Феодосіи	15.000 "
" Ялты и Севастополя	20.000 "
" Евпаторіи	13.000 "

А такъ какъ предполагалась переброска Донского Корпуса изъ Евпаторіи въ раіонъ Акманайскихъ позицій, то по окончаніи ея, количество грузящихся въ Евпаторіи должно было уменьшиться до 3.000, а въ Феодосіи соотвѣтственно возрасти до 25.000. Кромѣ того, Командующему Флотомъ предлагалось, въ предѣлахъ его власти, заготовить необходимое количество угля, надежно обезпечивающее эвакуацію. Этотъ уголь предполагалось погрузить на суда заранѣе, вмѣстѣ съ запасами продовольствія и медикаментовъ изъ расчета на одинъ мѣсяцъ на всѣхъ людей подлежащихъ эвакуаціи. По этимъ заданіямъ было составлено слѣдующее расписаніе тоннажа по портамъ и исчисленно необходимое для него количество угля:

	суда	людей	угля	всего угля
Евпаторія				
	2 шхуны Ропита или 2 судна изъ оставленныхъ въ резервѣ	3000 по	6000 п.	12.000 п.
Севастополь				
20.000	„Далландъ”	3000 ”	8000 ”	
	„Цес. Георгій”	2000 ”	8000 ”	
	„Алмазъ”	1500 ”	12000 ”	
	„Ріонъ”	6000 ”	25000 ”	
	„Донъ”	5000 ”	18000 ”	75.000 ”
	„Кронштадтъ”	3000 ”	10000 ”	
Ялта				
5000	„Добыча”			
	„Віолетта”	5000		28.000 ”
	п/х. Ространса			
	п/х. Ропита			
Феодосія				
	„Херсонъ”	4000 по	18000 п.	
	„Николай”119	2500		
	„Маргарита”	3000 ”	21000 ”	
	„Екатеринодаръ”	3000		
	„Поти”	1500 ”	7000 ”	
	„Корниловъ”	3000 ”	8000 ”	
	„Морякъ”	” 4000	6000 ”	95.000 п.
	п/х. Ропита		7000	
	„Мечта”	2500 ”	7000 ”	
	„Шилка”	1500 ”	6000 ”	
	„Бугъ”	”	8000 ”	
	„Дообъ”	1500	6000 ”	

	суда	людей	угля	всего угля
Керчъ				
12.000	,,Ростиславъ"	4000		
	10 мелк. судовъ	8000		50.000 п.
65.000		66500		260.000 п.
			10% на запасъ	26.000 "
			Всего . . .	286.000 п.

Суда не вошедшія въ расписаніе			
,,Колыма"	1500 ч.	6000 п.	
,,Витимъ"	2000 "	6000 "	
,,Саратовъ"	5000 "	18000 "	
,,Дунай"	1000 "	8000 "	
п/х. Ропита	2000 "	7000 "	
п/х. Ропита	1000 "	7000 "	
п/х. Ространса	1500 "	7000 "	
5 шхунъ	3000 "	25000 "	
буксиры		30000 "	
	17000 ч.		115.000 п.
		10%	11.500 "
			126.500 "
на суда по расписанію			286.000
		Всего . . .	412.500 п.

Однако это расписаніе не могло оставаться такимъ долго, т. к. численный составъ арміи мѣнялся, особенно увеличившись въ апрѣлѣ.

Секретнымъ отношеніемъ отъ 9 мая 1920 г. № 003084, Начальникъ Штаба Главнокомандующаго извѣстилъ Командующаго Флотомъ о нижеслѣдующихъ измѣненіяхъ въ первоначальной директивѣ отъ 4-го апрѣля.

Общее число, подлежащее перевозкѣ, возрасло съ 60.000 чел. до 98.000. Пункты посадки остались прежними, но численное распредѣленіе войскъ по портамъ сводилось къ слѣдующимъ цифрамъ:

Керчъ (при благопріятной погодѣ и Кызъ-Аулъ)	7.000 чел.
Феодосія	40.000 "
Ялта и Севастополь (при благ. пог. и Алушта)	30.000 "
Евпаторія	21.000 "

Соображенія о переброскѣ Донского Корпуса изъ Евпаторіи въ Акъ-Манаю отмѣнялись. Всѣ прочія указанія, касавшіяся заготовки угля и погрузки на суда этого оперативнаго запаса, а также продовольствія и медикамен-

товъ, соотвѣтствующее новымъ цифровымъ даннымъ, оставались въ силѣ. Кромѣ того, Командующій Флотомъ былъ запрошенъ по слѣдующимъ вопросамъ: 1) — въ какой мѣрѣ нашъ флотъ, при настоящемъ его тоннажѣ, въ состояніи справиться съ одновременной перевозкой 98.000 чел., и если въ этомъ встрѣчаются затрудненія, то какія необходимы для этого мѣропріятія. 2) — на сколько флотъ обезпеченъ углемъ на случай эвакуаціи и какія необходимы для этого мѣры, если достаточнаго запаса угля еще не имѣется. 3) — выполнено ли требованіе Главнокомандующаго о погрузкѣ на суда неприкосновеннаго запаса угля.

На эти новыя заданія Командующій Флотомъ отвѣтилъ секретнымъ отношеніемъ на имя Начальника Штаба Главнокомандующаго отъ 14-го мая за № 225, что при настоящемъ наличіи тоннажа въ Черномъ морѣ, какъ казеннаго, такъ и частнаго, включая и всѣ мелкія паровыя суда, не представляется возможнымъ поднять для единовременной перевозки цифру 98.000 человѣкъ. Что наибольшее число, которое можно поднять для такой перевозки при полномъ напряженіи всѣхъ транспортныхъ средствъ и при условіи незамедлительнаго ихъ подхода въ порта посадки по приказанію, будетъ 75.000 чел., принимая въ расчетъ всѣ суда, находящіяся въ плаваніи въ Черномъ морѣ, а равно и занятыя перевозкой угля. Сосредоточеніе всѣхъ судовъ въ портахъ посадки въ срокъ 4-5 дней оказывался возможнымъ лишь при условіи, если главная часть тоннажа (75 проц.) будетъ заранѣе привязана къ портамъ назначенія въ Крыму. Кромѣ того, долженъ быть обезпеченъ постоянный правильный подходъ судовъ для рейсовъ изъ Константинополя, Батума и друг., что, какъ выяснилось практикой, являлось трудно исполнимымъ. Затѣмъ Командующимъ Флотомъ было указано, что изъ назначенныхъ портовъ Евпаторія представляла много трудностей къ посадкѣ 21.000 чел., даже при своевременномъ подходѣ транспортовъ, по причинамъ открытаго рейда, отсутствія пристаней и мелководія. Угля для перевозки 75.000 чел. для однихъ лишь транспортовъ заготовить нужно было 315.000 пудовъ, при чемъ этотъ оперативный запасъ угля долженъ былъ бы храниться въ портахъ посадки, а именно въ Севастополѣ (для Севастополя, Ялты и Евпаторіи) — 117.000 пуд., для Феодосіи — 95.000 пуд. и для Керчи — 50.000 пуд., а не грузить этотъ уголь вмѣстѣ съ неприкосновеннымъ запасомъ провіанта и медикаментовъ на суда заранѣе, т. к. такой погрузкой пришлось бы заполнить цѣлые трюмы, связавъ этимъ пароходы и погруженное подвергалось бы порчѣ и расхищенію. Для успѣшнаго же выполненія новыхъ заданій, Командующій Флотомъ полагалъ:

1) — Для увеличенія тоннажа истребовать въ Черное море отъ Добровольнаго Флота пароходы „Саратовъ", „Владиміръ" и еще одинъ большой типа „Иртышъ"; отъ Ропита — не менѣе 4-хъ большихъ судовъ пассажирскаго типа; отъ Ространса — 2 товаро-пассажирскихъ парохода типа „Русланъ" и отъ частныхъ судовладѣльцевъ — 5 судовъ большого тоннажа.

2) — Заготовить угля, въ видѣ неприкосновеннаго запаса, кромѣ 315.000 пуд., еще 117.000 для судовъ, кои необходимо истребовать въ Черное море, а всего 435.000 пудовъ для судовъ назначенныхъ для перевозки, не считая судовъ боевыхъ.

3) — Заготовить, въ видѣ неприкосновеннаго запаса, такъ же и машиннаго масла въ размѣрѣ 1500 пудовъ.

4) — Имѣть въ виду запасъ денежныхъ знаковъ для операціи.

5) — Увеличить срокъ приготовленія судовъ до 10 дней отъ момента отдачи приказанія, т. к. представлялось совершенно невозможно произвести всѣ вспомогательныя дѣйствія (погрузка угля и провизіи), сосредоточеніе и разстановку судовъ для погрузки въ столь короткій срокъ.

6) — Выработать заранѣе военную сторону посадки, охрану портовъ посадки, поддерживаніе порядка въ портахъ и, главнымъ образомъ, сохраненіе дисциплины и подчиненности.

7) — Измѣненіе распредѣленія числа людей по портамъ посадки въ зависимость отъ мѣстныхъ условій, а именно, исходя изъ срока посадки 4-5 дней:

Евпаторія		10.000 чел.
Севастополь		20.000 "
Ялта		10.000 "
Феодосія		50.000 "
Керчъ		8.000 "
	Всего	98.000 чел.

Эвакуація этого количества людей возможна лишь при условіи прихода въ Черное море и своевременномъ, дополнительно требуемыхъ судовъ. Кромѣ того, Командующій Флотомъ подтвердилъ о необходимости распоряженія о выходѣ судовъ за проливы производить только изъ Севастополя.

Выполняя эту директиву Главнаго Командованія, и исходя изъ цифры 98.000, распредѣленіе тоннажа было составлено слѣдующее, въ которое еще должны были войти суда, истребованныя дополнительно въ Черное море.

	Число людей и суда	Угля
Евпаторія		
	по 1500 ч. „Аю-Дагъ", „Бештау", „Араратъ", „Херсонесъ", „№ 411", „412"	36.000 п.
	по 1000 ч. „Херсонесъ"	
	по 800 ч. „Аскольдъ"	
Севастополь		
	по 6000 ч. „Ріонъ"	
Ялта		
	по 5000 ч. „Донъ"	
	по 4000 ч. „Саратовъ"	115.000 п.

	Число людей и суда	угля
	по 3000 ч. „Кронштадтъ", Віолетта"	
	по 2500 ч. „Лазаревъ"	
	по 2000 ч. „Цес. Георгій", „Россія"	
	по 1500 ч. „Алмазъ", „Добыча"	
Феодосія		
	по 4000 ч. „Херсонъ"	
	по 3000 ч. „Маргарита", „Корниловъ" „Екатеринодаръ"	
	по 2500 ч. „Николай II", „Мечта"	120.000 п.
	по 2000 ч. „Морякъ", „Труворъ"	
	по 1500 ч. „Поти", „Шилка", „Колыма", „Витимъ"	
	по 1000 ч. „Бугъ", „Дообъ", 4 малыхъ шхуны.	
Керчь		
	по 3000 ч. „Ростиславъ"	45.000 п.
	4000 ч. 10 шхунъ и друг. суда	
	Всего людей 73.000	316.000 п.
	10%	31.600 п.
	Всего угля	348.000 п.

Въ связи съ составленіемъ плана плаванія судовъ торговаго флота въ черноморскомъ бассейнѣ и демобилизаціи судовъ, Генералъ-Квартирмейстеръ 15-го іюня былъ запрошенъ Штабомъ Флота о слѣдующихъ свѣдѣніяхъ:

1) — Какой тоннажъ необходимъ на случай дессантныхъ операцій?

2) — За какое время будетъ предупрежденъ флотъ о срокѣ дессантной операціи?

3) — Какой тоннажъ необходимъ на случай эвакуаціи?

4) — Время, потребное на сосредоточеніе судовъ въ портахъ посадки?

Между тѣмъ, видимо въ силу предполагавшихся дессантныхъ операцій на Кубань и другихъ соображеній, цифровыя данныя, изложенныя въ директивѣ отъ 9-го мая, стали измѣняться. 23-го іюня 1920 г. Начальникъ Штаба Главнокомандующаго отношеніемъ за № 005836 на имя Командующаго Флотомъ, извѣщая, что Флоту будетъ дано приказаніе о сосредоточеніи судовъ въ случаѣ дессантной операціи за недѣлю, а въ случаѣ эвакуаціи арміи за двѣ недѣли, сообщилъ, что количество эвакуируемыхъ Главнокомандующій опредѣляетъ въ 25.000 чел. Въ этомъ же сношеніи просилось сообщить, какое количество сверхъ указанной цифры, по состоянію тоннажа судовъ и при срокѣ сосредоточенія ихъ двѣ недѣли, можетъ быть посажено на суда для эвакуаціи. Поэтому, въ отвѣтъ на сношеніе отъ 23-го іюня, Штабъ Флота 28-го іюля за № 314-оп. увѣдомилъ Штабъ Главнокомандующаго, что флоту необходимы точныя заданія о числѣ лицъ подлежащихъ вывозу изъ Крыма въ случаѣ эвакуаціи. Что эти данныя нужны для составленія заданій торговому

флоту для разныхъ перевозокъ и, главнымъ образомъ, оперативныхъ, необходимыхъ для расчета тоннажа, который надо всегда имѣть готовымъ въ портахъ Крыма или, въ надеждѣ на хорошую связь и точность исполненія приказанія, который можно отпускать въ плаваніе до Константинополя. Въ окончательномъ видѣ оперативныя заданія Штаба Главнокомандующаго опредѣлять суда, которымъ можно разрѣшить свободное плаваніе до Константинополя и даже за проливы. Такъ какъ въ послѣдней директивѣ указывалась цифра 25.000, но тутъ же задавался вопросъ, какое число можетъ быть перевезено сверхъ этой нормы и это количество свыше 25.000 не указывалось, то Штабъ Флота, полагая со своей стороны, достижимой цифры 60.000, считалъ необходимымъ все же получить вполнѣ опредѣленныя заданія. Эти заданія должны были лечь въ основу для выработки, совмѣстно съ Управленіемъ Торговли и Промышленности, общаго плана для использованія торговаго флота въ черноморскомъ бассейнѣ. Въ отвѣтъ на изложенный выше вопросъ, телеграфно, 9-го іюня Штабъ Флота былъ извѣщенъ, что число лицъ подлежащихъ вывозу — 40.000. Это заданіе оставалось въ силѣ до конца сентября. 30-го сентября Генералъ-Квартирмейстеръ извѣстилъ Начальникча Штаба Флота отношеніемъ срочнымъ, внѣ очереди, за № 009784, что въ измѣненіе всѣхъ прежде сообщавшихся свѣдѣній, надлежитъ принять за норму, при расчетахъ потребнаго намъ тоннажа:

20.000 пѣхоты
до 4.000 всадниковъ
до 4.000 лошадей и конницы и
до 5.000 лошадей артиллерійскихъ.

Эта норма опредѣлялась одинаковой, какъ для дессанта, такъ и для эвакуаціи. Срокъ сосредоточенія судовъ для дессанта — одна недѣля, для эвакуаціи — двѣ недѣли. Наконецъ, 25-го октября, т. е. за нѣсколько дней до эвакуаціи, Командующій Флотомъ былъ извѣщенъ Начальникомъ Штаба Главнокомандующаго отношеніемъ за № 0010446, что въ случаѣ посадки на суда, распредѣленіе войскъ по портамъ будетъ слѣдующее:

Въ Керчи	25.000	чел.
„ Феодосіи	13.000	„
„ Ялтѣ	10.000	„
„ Севастополѣ	20.000	„
„ Евпаторіи	4.000	„
Всего	72.000	чел.

Изложенное, по приказанію Главнокомандующаго сообщалось для руководства при распредѣленіи тоннажа между портами. Далѣе сообщалось имѣть въ виду, что вслѣдствіе небольшого размѣра нашей территоріи и наличія у противника крупной конницы, групировка судовъ должна быть закончена для

Евпаторіи черезъ два дня, остальныхъ портовъ черезъ 4-5 дней,послѣ оставленія нами перешейковъ. По этой разбивкѣ арміи по портамъ посадки, было приказано на Керчь отступать Донскому и 2-му корпусамъ, на Феодосію — Кубанскому корпусу, на Ялту — Конному корпусу, на Севастополь — двумъ дивизіямъ 1-го корпуса и на Евпаторію — одной дивизіи 1-го корпуса. 28-го октября это рѣшеніе было измѣнено для 2-го корпуса, которому приказано было грузиться въ Севастополѣ., а не въ Керчи, что уменьшало общее число садящихся въ Керчи до 20.000, а въ Севастополѣ соотвѣтственно увеличивало до 25.000.

Между тѣмъ въ это время, а именно къ 26-му октября нашъ и иностранный транспортный тоннажъ находился по слѣдующимъ портамъ:

Евпаторія:

Пароходы: „Дыхтау", „Лазаревъ", „Заря", „Ельпидофоръ", греч. пароходъ „Никола Канилопусъ"

Севастополь:

Транспорты: „Кронштадтъ", „Морякъ", „Ріонъ", „Крымъ", „Сарычъ", „Добыча", „Ялта", „Инкерманъ", „Ингулъ", „Осторожный", „Казбекъ", „Дунай".

Пароходы: „Херсонъ", „Саратовъ" „Аскольдъ", „Бештау", „Херсонесъ", „Доофъ", „Веста", „Хриси", „Волга", „Адмиралъ Кашерининовъ", „Генералъ Рузскій" „Кіевъ", „Черноморъ", „Сулинъ", „Неожиданный".

Паровыя шхуны: „Аджадеръ", „Истріянъ", „Узу-Кале"

анг. трансп.: „Цезаръ", франц. трансп. „Сіамъ"

греч. пароходы: „Кефалонія", „Зитносъ"

итальян. пароходъ: „Глорія"

Польскій пароходъ: „Полонія"

Ялта:

Пароходы: „Сурожъ", „Алушта", „Гурзуфъ"

паров. шхуна: „Петръ"

Судакъ:

паров. шхуна: „Алкивіадисъ"

по пути въ Феодосію: „Румянцевъ", „Фениксъ"

Феодосія:

Транспорты: „Донъ" , „Екатеринодаръ"

Пароходы: „Владиміръ", „Корниловъ", „Хараксъ", „Петръ Регирь"

американ. трансп.: „Фараби"

итальянс. пароходъ: „Маркъ Аврелій"

Керчъ:

Паровыя шаланды: „Ахиміонъ", „Гордипія", „Конка", „Корсунь", „Танаисъ",
пароходы: „Бабушка", „Вѣстникъ", „Королевичъ" Александръ", „Принципъ",
паров. шхуны: „Астрея", „Павелъ", „Пандія", „Св. Николай", „Яковъ", „Любовь".

Въ Азовскомъ морѣ:

Транс. пароходы: „Самара", „Поти", „Мечта"

Въ этотъ перечень транспортнаго тоннажа къ 26-му октября входило нѣсколько малыхъ судовъ, находившихся въ ремонтѣ, а также нѣсколько судовъ, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и мореходнымъ качествамъ, совершенно непригодныхъ къ перевозкѣ войскъ.

Изъ всего списка транспортнаго тоннажа мобилизованнаго въ разное время до эвакуаціи было 10 различныхъ частновладѣльческихъ пароходовъ. Въ октябрѣ 1920 г., когда положеніе фронта русской арміи стало тревожнымъ и армія отошла въ Крымъ, Командующій Флотомъ, на случай эвакуаціи, мобилизовалъ еще слѣдующія суда:

18 октября: Пароходы: „Херсонъ", „Владиміръ", „Херсонесъ", „Хараксъ", „Аскольдъ",
паров. баржи: „Пандія", „Алкивіадисъ", Фениксъ", „Астрея"
буксиръ: „Успѣхъ"

25 октября: паров. баржа „Хриси"

26 октября: Пароходы; „Бештау", „Саратовъ", „Дообъ"

27 октября: Пароходы: „Лазаревъ", „Александръ Михайловичъ",
пар. баржа „Ельпидофоръ"

28 октября: Пароходы: „Румянцевъ" „Румынія", „Адм. Кашерининовъ"

29 октября: Пароходъ „Цесаревичъ Георгій"

31 октября: Пароходы: „Дыхтау", „Русь"

1 ноября: Пароходы: „Мечта", „Араратъ", „Петръ Региръ"
паров. баржи: „Яковъ", „Павелъ"

Въ Константинополѣ были мобилизаваны и вызваны въ Крымъ:

29 октября: пароходъ „Константинъ",

30 октября: пароходъ „Россія"

Всего мобилизовано было для эвакуаціи 30 судовъ.

27-го Командующій Флотомъ, получивъ приказаніе о сосредоточеніи судовъ по портамъ для посадки и, исходя изъ данныхъ о мѣстонахожденіи транспортовъ по портамъ къ 26-му октября, отдалъ окончательныя распоряженія о перемѣщеніи судовъ между портами для сосредоточенія необходимаго тоннажа по портамъ посадки, по новымъ заданіямъ, мобилизуя, какъ выше было сказано, частновладѣльческіе пароходы и вызвавъ изъ Константинополя Ропита „Константинъ" и Ространса „Россію". Такимъ образомъ, окончательно

для посадки войскъ въ портахъ были сосредоточены слѣдующія суда:

Евпаторія:

транспорты: „Добыча", „№411", „№ 412"
пароходъ „Ельпидифоръ"

Севастополь:

транспорты: „Ялта", „Сарычъ", „Ріонъ", „Инкерманъ", „Морякъ", „Кронштадтъ", „Якутъ".
пароходы: „Херсонъ", „Бештау", „Саратовъ", „Александръ Михайловичъ", „Херсонесъ", „Дообъ", „Осторожный", „Кіевъ", „Генералъ Рузскій", „Неожиданный", „Псезуапе", „Заря", Румянцевъ", „Араратъ"
франц. пароходы: „Сіамъ", „Сежетъ"
норвеж. пароходъ „Модигъ"
греческ. пароход: „Сфиносъ"
польскій пароход „Полонія"

Ялта:

транспортъ „Крымъ"
пароходы: „Цесаревичъ Георгій", „Русь", „Хриси", „Константинъ"
итальянс. пароходъ „Корвинъ"

Феодосія:

транспортъ „Донъ"
пароходы: „Владиміръ", „Корниловъ", „Аскольдъ", „Петръ Региръ".

Керчъ:

транспорты: „Екатеринодаръ", „Поти", „Самара".
пароходы: „Мечта", „Дыхтау", „Хараксъ", „Россія"
паров. шхуны: „Алкивіадисъ", „Пандія", „Яковъ", „Павелъ", „Астрея", „Фениксъ", „Фанагорія".

Когда же, по ходу посадки, обнаружилось, что и войскъ и бѣженцевъ гораздо больше предполагаемаго числа, то стали грузить и на всѣ военныя суда, особенно въ Керчи на суда 2-го Отряда.

Продолженіе слѣдуетъ.

М. П. Корецкій

КРЕЙСЕРЪ I РАНГА „ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ”

въ бою съ японцами у о-ва Цусима 14-15 мая 1905 г.

Приступая къ настоящему повѣствованію о быломъ, прошломъ, я долженъ передъ этимъ напомнить Вамъ, что это повѣствованіе болью должно отозваться въ каждой русской душѣ.

Успѣхъ и неудача идутъ рука-объ-руку, и къ нимъ надо быть готовымъ.

Вотъ объ одной такой неудачѣ, которая постигла Россію 14-го мая 1905 г., я хочу разсказать Вамъ. Я хочу прочитать Вамъ маленькую страничку о томъ странномъ, небываломъ пораженіи, которое потерпѣла Россія на морѣ во время японской войны.

Эта страничка была написана мною черезъ мѣсяцъ послѣ рокового 14 мая 1905 г.

Тогда я, молодымъ мичманомъ, имѣлъ честь служить подъ роднымъ Андреевскимъ флагомъ на крейсерѣ I ранга „Владимиръ Мономахъ”, который оказался одной изъ многочисленныхъ жертвъ этого кроваваго дня.

Я не буду касаться всего похода эскадры адмирала Небогатова, которая вышла изъ Либавы 2-го февраля 1905 г. Это слишкомъ длинно и къ данной темѣ не относится.

Я упомяну лишь ея составъ:

Броненосецъ „Николай I” — флагъ контръ-адмирала Небогатова,
— командиръ, капитанъ I ранга Смирновъ.

Брон. берег. обороны „Адмиралъ Апраксинъ” — ком. кап. Ір. Лишинъ.
„ „ „ „Адмиралъ Сенявинъ” — ком. кап. Ір. Григорьевъ
„ „ „ „Адмиралъ Ушаковъ” — ком. кап. Ір. Миклуха-Маклай

Крейсеръ I ранга „Владимиръ Мономахъ” — ком. кап. Ір. Поповъ
Госп. судно „Кострома” — присоединившееся позже
Буксиръ „Свирь”
Транспорты: „Куронія”, „Ливонія”

Суда эти никакими боевыми качествами не обладали. Броненосецъ „Николай I" былъ старъ, три броненосца береговой обороны были предназначены только для плаванія вблизи береговъ Балтійскаго моря, а ужъ про старика „Мономаха" и говорить нечего — это былъ раньше парусный фрегатъ, передѣланный впослѣдствіи въ крейсеръ съ ходомъ въ 14 узловъ.

Поставили на него новыя пушки, нагрузили снаряды, набрали команду изъ новобранцевъ 1905 г. и пошли.

Куда и зачѣмъ пошли, никто не любопытствовалъ спрашивать. Пошли — и ладно.

Представляете ли вы себѣ, что новобранцевъ 1905 г., уже тронутыхъ разложеніемъ революціи, намъ приходилось учить по дорогѣ считать до ста, чтобы умѣли разобраться въ прицѣлахъ при орудіяхъ, у которыхъ старыхъ комендоровъ было лишь по одному или по два.

Въ случаѣ убыли изъ строя одного, его замѣнялъ сѣрый мужикъ, до того времени не видавшій ни одной пушки. Вотъ такимъ-то составомъ былъ укомплектованъ нашъ крейсеръ при 26 офицерахъ. Какъ бы тамъ не было, но мы пошли и, къ изумленію всего міра, пришли въ кратчайшій срокъ къ назначенному мѣсту, т. е. ровно черезъ три мѣсяца, совершивъ небывалый до того времени переходъ, при страшно тяжелыхъ условіяхъ.

1 мая 1905 г. мы присоединились къ эскадрѣ адмирала Рожественскаго, который ожидалъ насъ въ бухтѣ Ван-Фонг, недалеко отъ Сіама, гдѣ нашъ крейсеръ, приказомъ адм. Рожественскаго, былъ переведенъ въ крейсерскій отрядъ подъ командой контръ-адмирала Энквиста, державшаго свой флагъ на крейсерѣ „Олегъ".

Погрузившись углемъ и забравъ свѣжей провизіи, которую не имѣли цѣлый мѣсяцъ, 2 мая 1905 г. эскадра вышла въ море съ тѣмъ, чтобы никогда больше не вернуться въ родныя воды.

102 дня прошло съ момента нашего выхода изъ Либавы, и въ этотъ 102-ой день, на 25-мъ году существованія, старый крейсеръ нашъ отдалъ жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество, благодаря легкомыслію и невѣжеству нѣсколькихъ лицъ, близко стоявшихъ къ Престолу и упивавшихся своей собственной властью.

По выходѣ изъ Ван-Фонга эскадра взяла курсъ на сѣверъ. Гдѣ, когда будетъ бой — никто не зналъ. Мы, мичмана, думали, что наши старые крейсера пошлютъ въ обходъ Японіи, чтобы отвлечь часть японскихъ силъ отъ нашей главной эскадры, и были увѣрены, что никто изъ насъ не вернется. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ адмиралъ Небогатовъ намъ, офицерамъ, передъ выходомъ изъ Либавы, со свойственной ему грубостью и простотой. „Вы приносите себя въ жертву", говорилъ онъ, „приготовьтесь умереть, исполнивъ свой долгъ до конца".

Всѣ понимали, что сражаться на такомъ кораблѣ, какъ „Мономахъ", равносильно самоубійству. Не сказалъ бы, чтобы слова адмирала произвели на

насъ особое впечатлѣніе. Было почему-то страшно пріятно и весело стать жертвой, что и выразилось въ томъ, что черезъ нѣсколько дней всѣ авансы и собственные капиталы остались въ Либавѣ, где мѣста для нихъ было болѣе чѣмъ достаточно. „Все равно погибать, на кой чертъ намъ деньги!" — говорили мы. Къ стыду своему, я не только не сдѣлалъ себѣ штатскаго платья для берега, но и жалованіе получилъ первый разъ уже будучи въ плѣну, да и то отъ французскаго правительства — 50 іенъ. Штатское же платье меня не смущало, т. к. мало куда должны были заходить. На форменное платье одѣвалось чье нибудь пальто — и это въ тропикахъ — и все. Мнѣ и сейчасъ жарко дѣлается, когда вспоминаю объ этомъ.

Весь походъ до Цусимы, который продолжался безпрерывно 14 дней, съ двумя погрузками угля въ открытомъ морѣ, мы провели на вахтѣ и при орудіяхъ. Вы поймите ту страшную усталость, которую чувствовали люди, имѣя возможность спать только 2-3 часа въ сутки въ теченіи двухъ недѣль, послѣ чего попасть прямо въ бой, безпримѣрный въ исторіи, продолжавшійся почти два дня. Но духъ людей не умиралъ. Жили одними нервами, вѣрили въ побѣду, не представляли себѣ возможность пораженія.

Несмотря на страшную усталость, мы, молодежь, иногда даже забавлялись по-своему. Вмѣсто того, чтобы въ свободное время итти спать, мы въ каютъ-компаніи вспоминали веселые дни Петербурга. Ставилась бутылка бѣлаго вина (кромѣ пива и бенедиктина у насъ ничего не было) на одномъ столѣ, на другомъ бенедиктинъ и кофе. Одинъ столъ изображалъ „Аквариумъ", другой — „Медвѣдь" или „Контанъ". И вотъ, мы путешествовали съ одного на другой на воображаемыхъ лихачахъ съ воображаемыми дамами, со всѣми аттрибутами, присущими такого рода увеселеніямъ.

Надо отдать справедливость, пили очень немного. Въ 11 часовъ надо было расходиться, т. к. каждую минуту можно было ожидать минныхъ атакъ японскихъ миноносцевъ. Но все прошло благополучно до 13 мая. Здѣсь начинается преддверіе Цусимского боя.

13 мая, по старому стилю, въ 4 ч. 45 м. дня былъ сдѣланъ сигналъ съ флагманскаго броненосца „Князь Суворовъ" — „Приготовиться къ бою", что и было исполнено.

Весь день 13 мая прошелъ въ эволюціяхъ и перестроеніяхъ, которыя, конечно, были весьма не важны, т. к. это были первыя и послѣднія попытки эволюціи всей эскадры, состоящей изъ различнаго типа судовъ, обладавшихъ совершенно различной скоростью. Но адмиралъ Рожественскій дѣлалъ все, что могъ. Ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не согласился бы вести эту „непобѣдимую армаду" за 15 тысячъ миль, чтобы сразиться съ опытнымъ японскимъ флотомъ, бывшимъ у себя дома, абсолютно свѣжимъ и тренированнымъ. Помню, какъ вся наша эскадра перестроилась въ этотъ день въ строй фронта и довольно красиво шла такъ нѣкоторое время.

Мы думали, что такъ и пойдемъ въ бой. Но не суждено было! Невидимые глаза замѣтили наши маневры, и черезъ нѣсколько минутъ адмиралъ Того, командующій японскими силами, зналъ, что мы здѣсь, и конечно, принялъ свои мѣры.

Островъ Цусима лежитъ какъ разъ посреди между Корейскимъ берегомъ и Японіей. Адмиралъ Рожественскій рѣшилъ итти проливомъ между Цусимой и Японіей, называемымъ проливомъ Крузенштерна. 13 мая прошло спокойно. Ночью я стоялъ у своихъ орудій на бакѣ съ 12 до 6 ч. утра. Смѣнившись, я пошелъ къ себѣ въ каюту немного отдохнуть, т. к. къ 8 часамъ утра все равно нужно было вставать. Не успѣлъ я задремать, какъ въ каюту вбѣгаетъ мой сотоварищъ по каютѣ, мичманъ баронъ Остенъ-Сакенъ: — „Вставай, японцы показались!" Мнѣ было совершенно все равно, кто показался, т. к. постоянно насъ будили такими сообщеніями, и я послалъ его „къ черту", куда онъ немедленно и скрылся. Только когда черезъ нѣсколько минутъ пришелъ вѣстовой и сказалъ: „старшій офицеръ, приказали вставать, т. к. отрядъ японцевъ виденъ справа", этого посланца я уже „къ черту" не посылалъ, а мигомъ вскочилъ съ койки (спали не раздѣваясь) и помчался наверхъ.

Дѣйствительно, въ началѣ восьмого часа 14 мая на горизонтѣ, справа по траверзу, замѣтили въ туманѣ, въ разстояніи 50 каб. непріятельскаго развѣдчика, крейсеръ 2-го класса „Идзуми", который былъ сильнѣе насъ всего, можетъ быть, на одну-двѣ пушки. Смотрѣлъ я, какъ гусь на молнію, со своего полубака на японскій крейсеръ и, убѣдившись, что онъ въ одиночествѣ, успокоился совершенно, думая только какъ бы удрать спать хоть бы еще на часокъ. Въ 8 часовъ утра слѣва по траверзу увидѣли, въ разстояніи 45 каб., отрядъ японцевъ изъ четырехъ развѣдчиковъ, которые медленно обгоняли нашу эскадру. Горизонтъ былъ мглистый и едва можно было различить силуэты судовъ. Въ это время пробили боевую тревогу и всѣ встали по расписанію. Такъ безъ чая я и остался. Почему-то безумно хотѣлось хлѣба съ масломъ и сыромъ. Ни мы, ни японцы не стрѣляли, а смотрѣли другъ на друга въ бинокли.

Въ 10 ч. 25 м. утра съ флагманскаго крейсера „Олегъ" сигналомъ было приказано: — „Мономаху быть съ правой стороны транспортовъ".

Эскадра наша шла въ кильватерной колоннѣ. Сначала первый броненосный отрядъ, за нимъ второй, третій и крейсера, а справа шли транспорта. Мы вышли изъ строя и полнымъ ходомъ начали занимать свое мѣсто справа отъ транспортовъ, которые были: „Камчатка", „Иртышь", „Анадырь", „Свирь" и „Русь". За ними влѣво шли „Изумрудъ" и „Уралъ", у котораго была сильная станція безпроволочнаго телеграфа.

Справа отъ насъ по носу былъ островокъ Ики, который, мы думали, былъ заминированъ. Крейсеръ „Идзуми" все время шелъ справа, приближаясь къ этому острову, какъ бы заманивая насъ. Въ 10 ч. 30 м. дали командѣ повахтенно обѣдать. Въ это время съ крейсеровъ „Олегъ" и „Дмитрій Донской"

открыли огонь по японскимъ развѣдочнымъ судамъ слѣва; они, отвѣчая, скрылись во мглѣ. Я командовалъ первымъ носовымъ плутонгомъ, гдѣ у меня были одна носовая 6” пушка Канэ и двѣ 75 мм. съ бортовъ. Приготовивъ все къ бою, зарядивъ орудія, я пошелъ въ каютъ-компанію позавтракать. Тамъ уже сидѣла публика и оживленно бесѣдовала и смѣялась. Пили водку, закусывали какъ ни въ чемъ не бывало. Удивительно это равнодушіе къ предстоящей опасности у русскихъ людей. Вѣдь какой нибудь часъ отдѣлялъ насъ отъ перехода въ лучшій міръ, отъ невѣроятныхъ страданій и мукъ! Выпивъ рюмку водки (больше, откровенно говоря, не лѣзло въ горло) и закусивъ кускомъ пирога съ рисомъ, я тоже принялъ участіе въ общемъ разговорѣ, который, надо отдать справедливость, былъ не особенно пріятенъ всѣмъ, но никто и виду не показывалъ. Говорили, гдѣ кого убьетъ. Тема не совсѣмъ веселая. Мнѣ, почему-то, предрѣшено было быть убитымъ въ уборной, которая какъ разъ находилась подъ моими орудіями. Какъ это ни смѣшно, но въ теченіе боя я ни разу внизъ подъ прикрытіе не заходилъ, предпочитая оставаться на открытомъ мѣстѣ, гдѣ я могъ все видѣть. Подкрѣпившись немного, всѣмъ захотѣлось отдохнуть, и вотъ, кто въ креслѣ, кто по два человѣка на диванахъ, прикурнули здѣсь же въ каютъ-компаніи. Усталость была ужасная. Не спавъ всю ночь, да еще послѣ рюмки водки и завтрака, было неземное наслажденіе притулиться въ креслѣ и закрыть глаза. Ни грезъ, ни мыслей, ничего не было. Была только одна животная усталость и сладость животнаго отдыха. Но это, увы, продолжалось всего нѣсколько минутъ.

Шумъ въ каютъ-компаніи привелъ меня въ себя. Оказалось, приближаются японцы. Я выскочилъ наверхъ. Наши броненосные отряды въ одной колоннѣ шли слѣва, а транспорта и развѣдчики справа. Въ 12 часовъ дня дали курсъ Нордъ-Остъ 23. Въ 1 ч. 25 м. опять слѣва показались непріятельскія суда. Въ 1 ч. 40 м. показались слѣва же всѣ японскія силы. Погода была мглистая и свѣжая. Вѣтеръ балловъ 5 — 6. Ходъ имѣли 10 узловъ. Волна заливала иногда полубакъ, и въ одну секунду я промокъ до нитки. По уставу полагалось вступать въ бой въ полной парадно-походной формѣ, поэтому я былъ при саблѣ и револьверѣ. Команда же сама съ утра переодѣлась въ чистое и первый срокъ. Вѣдь 14 мая былъ день Священнаго Коронованія Государя Императора! Большіе стеньговые флаги развѣвались на мачтахъ. Всѣ были сосредоточены и спокойны. Я въ это время былъ на ютѣ на мостикѣ и наблюдалъ за японцами. Но вотъ раздался выстрѣлъ, одинъ, другой, и въ 1 ч. 45 м. дня знаменитый бой закипѣлъ.

Кто-то изъ матросовъ громко сказалъ: „Господи благослови, начинается!” Я перекрестился и побѣжалъ на свое мѣсто. Чувство было неважное и, откровенно скажу, мнѣ было страшно, но, конечно, никто этого замѣтить не могъ по моему лицу. Сердце билось учащенно, и какое то ноющее чувство охватило душу.

Мы шли все время справа отъ эскадры, а въ разстояніи 50 каб. шелъ японскій крейсеръ „Идзуми" параллельнымъ курсомъ. Когда разстояніе до него уменьшилось до 40 каб., мнѣ было приказано пристрѣляться къ нему. Черезъ нѣсколько выстрѣловъ я замѣтилъ попаданіе и тогда весь правый бортъ крейсера открылъ по нему огонь, который былъ настолько удаченъ, что черезъ 20 минутъ „Идзуми" повернулъ и съ пожаромъ и креномъ на правый бортъ исчезъ въ туманѣ. Въ бинокль прекрасно было видно, куда ложились снаряды. Одинъ мой снарядъ попалъ въ мостикъ, другой въ полубакъ, а третій въ корму, гдѣ и произошелъ пожаръ. Этотъ моментъ былъ самымъ лучшимъ. Я почти былъ счастливъ и крикнулъ своему комендору: — „молодецъ, Пучка!" — „Радъ стараться Ваше Высокоблагородіе!" радостно отвѣтилъ онъ. Всѣ сразу оживились. Отъ прежняго страха не оставалось и слѣда. Вотъ что значитъ маленькій успѣхъ! Какъ онъ поднимаетъ духъ состава и какъ удачно можно использовать такіе моменты. Я даже подумалъ въ душѣ, что, если такъ будетъ продолжаться, то мы японцамъ накэпаемъ. Увы, это были мечты...

Съ „Идзуми" не было ни одного попаданія, хотя снаряды ложились очень близко, давая при разрывѣ густой черный дымъ. Сдѣлавъ свое дѣло и отогнавъ отъ транспортовъ непріятельскій крейсеръ, мы вступили въ 2 ч. 35 м. по сигналу контръ-адмирала Энквиста въ кильватеръ „Дмитрію Донскому" и открыли огонь лѣвымъ бортомъ по непріятельскимъ крейсерамъ въ разстояніи 42 каб. Надо сказать, что наши орудія могли стрѣлять только на 60 каб., а японцы на 80. Поэтому, во время боя получались весьма симпатичныя положенія, когда васъ бьютъ, какъ хотятъ, а вы только смотрите на дискъ разстояній и ждете, когда наконецъ увидите желанные 60 каб. Иногда въ теченіе 20-30 минутъ приходилось бездѣйствовать, не имѣя возможности отвѣчать. Ясно, что все это дѣйствуетъ на нервы, въ то время какъ при работѣ вы многое совершенно не чувствуете и не переживаете.

Въ 2 ч. 45 м. прапорщикъ Джоржъ (грекъ), котораго мы въ шутку звали Кефалонія и который былъ на форъ-марсѣ у пулеметовъ, закричалъ, что у насъ подъ кормой идетъ мина. Ему было хорошо видно сверху. Моментально положили право руля и разошлись съ ней очень близко. Откуда она взялась, такъ мы и не узнали. Можетъ быть, съ нашихъ миноносцевъ, которыхъ сильно валяло, а можетъ быть, съ японскихъ. Около 3 ч. дня отъ непріятельскихъ судовъ отдѣлился отрядъ крейсеровъ въ составѣ „Касаги", „Читозе", „Цусима", „Нитаки", „Матсушимо" и флагманского крейсера „Нанива", который вступилъ съ нашими крейсерами въ бой и буквально сталъ засыпать снарядами.

Въ 3 ч. дня японская эскадра, пользуясь преимуществомъ хода, зашла намъ слѣва, сзади и справа, вслѣдствіе чего намъ пришлось стрѣлять съ обоихъ бортовъ и съ кормы.

Разстояніе мѣнялось ежеминутно. Я смотрѣлъ на циферблатъ указателя и видѣлъ, какъ съ 35 каб. стрѣлка постепенно дошла до 19 каб. Это былъ какой-то ураганъ огня.

Такъ какъ головнымъ былъ у насъ „Олегъ" съ контръ-адмираломъ Энквистомъ, то ясно, что мы шли все время за нимъ. И вотъ тутъ-то, въ разстояніи 19 каб., въ вихрѣ непріятельскаго огня, нашъ командиръ разсмѣшилъ всѣхъ. Онъ поднялъ руки кверху и воскликнулъ: „Куда завелъ насъ нѣмецъ проклятый!" Это было по адресу Энквиста. Надо отдать справедливость командиру нашему, кап. Ір. Попову, что онъ все время стоялъ на мостикѣ, такъ какъ, откровенно говоря, боевая рубка наша скорѣе была похожа на скворечницу и, я думаю, достаточно было бы для нея одного 6" снаряда, чтобы перехлопать всѣхъ находившихся въ ней.

Вообще, мѣста чтобы укрыться не было никакого, да и лучше гораздо, когда видишь все самъ.

Замѣчательно то, что хотя мы и отдѣлались весьма скромными поврежденіями за день, такъ какъ я не думаю, чтобы кто нибудь обращалъ вниманіе на нашъ старый крейсеръ, палуба на полубакѣ у меня вся была испещрена осколками. Я же не только не былъ раненъ, но и сапоги мои были совершенно цѣлы. Только сабля здорово мѣшала. Поэтому я снялъ ее, поверхъ бѣлаго кителя одѣлъ тужурку, ибо отъ холодной воды я совершенно замерзъ. Револьверъ же я оставилъ при себѣ на всякій случай.

Таблицы стрѣльбы, которыя были у меня въ рукахъ, скоро превратились въ комокъ мокрой бумаги, и я ихъ выбросилъ и устанавливалъ цѣликъ по памяти. Какъ я знаками не показывалъ младшему артиллеристу, мичману Павлову, что надо мнѣ другія, онъ только моталъ головой, а потомъ просто показалъ кулакъ. Видя такое отношеніе къ своей особѣ, я показалъ ему языкъ и отвернулся съ негодованіемъ. Видѣлъ ли командиръ мой неприличный жестъ, сказать не могу, но что онъ могъ его замѣтить, объ этомъ я сообразилъ только послѣ.

За работой я не замѣтилъ, что у меня на бакѣ накопилось столько пустыхъ гильзъ отъ 75 мм. патроновъ, что цѣлыя горы ихъ наросли на полубакѣ. Мнѣ, конечно, пришло въ голову, что если снарядъ попадетъ въ эту кучу, то только еще больше понадѣлаетъ осколковъ. Не долго думая, я приказалъ выбросить ихъ за бортъ, что съ удовольствіемъ было исполнено. Но не успѣлъ я выкинуть и десятокъ, какъ съ мостика раздались такіе вопли, крики и родные русскія выраженія, что я почувствовалъ себя неважно. Обернувшись, я увидѣлъ на мостикѣ старшаго артиллериста лейт. Н. Н. Нозикова и младшаго артиллериста мичмана Павлова, отъ которыхъ исходили эти неприличныя выраженія:

— „Не смѣть выбрасывать гильзы! — ихъ надо сдать во Владивостокѣ! Сколько выбросилъ? Записать надо немедленно!" Гдѣ ужъ тутъ, у меня и карандаша съ собой не было. Волей-неволей пришлось подчиниться, несмотря

на то, что я знаками объяснялъ всю нелѣпость такого приказанія. И дѣйствительно, ходить было трудно изъ-за этой кучи мѣдяшки.

Этотъ моментъ, когда мы были окружены японской эскадрой со всѣхъ сторонъ, былъ самый ужасный. Ничего не было видно изъ-за рвавшихся снарядовъ: попаданій нельзя было разобрать совершенно — это былъ какой-то страшный хаосъ. Вспышки отъ выстрѣловъ мелькали по всѣмъ направленіямъ. Я помню, что выбралъ себѣ какой-то ближайшій крейсеръ типа ,,Кассуга" и стрѣлялъ по немъ изъ моихъ пушекъ почемъ зря. Я увѣренъ, что вреда ему особеннаго этимъ не принесъ.

Къ этому времени относится и гибель ,,Ослаби", котораго я видѣлъ у насъ слѣва по носу. Японцы сосредоточили весь огонь по немъ. Бѣдный броненосецъ, съ большимъ креномъ на лѣвый бортъ, вышелъ изъ строя. Рвавшіеся около него снаряды покрывали его сплошнымъ чернымъ дымомъ и столбами воды. Я не имѣлъ возможности слѣдить за нимъ, такъ какъ самъ былъ занятъ у орудій. Въ это время ко мнѣ подошелъ мичманъ Г. Н. Пелль, бывшій у подачи снарядовъ и вышедшій на бакъ посмотрѣть картину боя. ,,Ослабя" погибъ — сказалъ онъ и по его лицу, блѣдному какъ смертъ, я угадалъ, что это была правда. Когда я обернулся, то на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше былъ ,,Ослабя", я увидѣлъ столбъ дыма и множество плававшихъ человѣческихъ головъ.

Все это было такъ внезапно, такъ ужасно, что не было возможности опомниться. ,,Мономахъ" шелъ какъ разъ на эту кучу плававшихъ людей и только успѣлъ положить руля, чтобы миновать ее.

Я видѣлъ искаженныя лица, слышалъ крики о помощи, кое-гдѣ кричали почему-то ,,ура". Какое ужасное состояніе, когда вы видите гибнущихъ людей и не можете помочъ имъ. Все что я сдѣлалъ, это сбросилъ всѣ спасательные круги и пояса, которые находились у меня подъ руками. Но и тутъ снаряды находили несчастныхъ и много изъ нихъ погибло въ водѣ.

Миноносецъ ,,Буйный" подъ командой кап. 2 р. Коломейцева геройски подбиралъ тонущихъ, спустивъ вельботъ съ мичманомъ Храбро-Василевскимъ. Это была тяжелая работа, такъ какъ японцы засыпали снарядами, и море было очень неспокойно.

Какое-то смутное предчувствіе сдавило мнѣ грудь — я понялъ, что все погибло и намъ не уйти отъ нашей жестокой судьбы.

Въ это самое время вышелъ изъ строя ,,Князь Суворовъ", безъ мачтъ, безъ трубъ, весь въ дыму. Онъ геройски продолжалъ бой, стрѣляя изъ оставшейся пушки. Сквозь густой дымъ были изрѣдка видны вспышки одиночныхъ выстрѣловъ изъ единственной пушки, которая уцѣлѣла. Команда отстрѣливалась даже изъ ружей.

Японскіе миноносцы бросились въ атаку на израненный броненосецъ и потопили его.

Адмиралъ Рожественскій былъ спасенъ со своимъ штабомъ еще въ 5-омъ часу миноносцемъ „Буйный", который подошелъ къ борту „Суворова". Итакъ, остался одинъ адмиралъ Небогатовъ! Адмиралъ Фелькерзамъ умеръ еще 10 мая на броненосцѣ „Ослабя", но этого никто не зналъ. Не хотѣли волновать команду. Флагъ его все время развѣвался на броненосцѣ. Послѣ выхода изъ строя „Ослабя" и „Суворова" началась просто бойня. Одинъ за другимъ тонули транспорта „Уралъ", „Камчатка", „Русь", производя безпорядокъ и мѣшая управляться боевымъ судамъ.

Вотъ мимо насъ промчался крейсеръ „Свѣтлана" съ громадной пробоиной въ носу, за нимъ „Дмитрій Донской", у котораго подъ носомъ почему-то очутился миноносецъ „Громкій". Моментъ былъ критическій — слѣва „Мономахъ", сзади „Дмитрій Донской". Но командиръ „Громкаго", кап. 2 р. Кернъ не растерялся и скомандовалъ „полный назадъ"! Лихо развернулся, подобралъ упавшаго въ воду матроса и, почему-то дико крича „ура!" скрылся. У насъ орали „ура!" тоже — зачѣмъ, не знаю самъ.

Громадные транспорта „Корея" и „Анадырь", ловко лавируя среди этого ада, старались не мѣшать боевымъ судамъ. Маленькая „Свирь" подбирала тонувшихъ людей съ погибшаго „Роланда" („Русь"), который только что спасъ людей съ „Урала". Огонь въ этотъ моментъ былъ ужасный. Вода кипѣла отъ снарядовъ кругомъ насъ, и разобраться въ чемъ-нибудь не было никакой возможности. Въ это время была перебита вся прислуга лѣваго 120 мм. орудія и само оно выведено изъ строя. Разворотило кондукторскія каюты лѣваго борта. Ранило лейт. князя Максутова, мичм. Павлова и одного изъ кондукторовъ, были перебиты всѣ шлюпки, кромѣ двухъ барказовъ, парового катера и четверки. Забавно, что я только успѣлъ пройти шканцы, какъ 6" снарядъ вкатилъ туда за моей спиной. Счастье, что каждое орудіе мы сами загородили проволочными сѣтками, между которыми уложили командныя койки. Такимъ образомъ, осколки разлетались на очень небольшое пространство.

Около 6 ч. вечера съ миноносца „Буйный" подняли сигналъ: „Адміралъ передаетъ командованіе контръ-адмиралу Небогатову". „Ну, конецъ", подумалъ я, „приходится строиться къ расчету". Не было никакой надежды вырваться изъ этого ада.

Были моменты, когда я думалъ — авось проскочимъ на сѣверъ, — но нѣтъ — головные корабли тонули одинъ за другимъ, а слѣдующіе занимали ихъ мѣста и опять поворачивали на непріятеля. Опять градъ снарядовъ и адъ. Пользуясь преимуществомъ въ ходѣ, японцы дѣлали съ нами что хотѣли. Въ 6 ч. броненосецъ „Императоръ Николай I" поднялъ сигналъ: „Курсъ Нордъ-Остъ 23", т. е. во Владивостокъ, но развѣ можно было прорваться? Уже наступила темнота, но японцы, постепенно затихая, все еще осыпали насъ тяжелыми снарядами.

Вскорѣ погибъ „Бородино", который шелъ головнымъ броненоснаго отряда справа отъ насъ. Онъ былъ весь въ дыму и видны были только вспышки

отъ выстрѣловъ. Вдругъ ничего не стало и только густая пелена чернаго дыма нависла надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ горделиво и смѣло шелъ лихой броненосецъ. Съ „Орла", который шелъ ему въ кильватеръ, разсказывали послѣ, что по днищу „Бородина" метались обезумѣвшіе люди, ища спасенія. Ихъ смывало волной и они попадали подъ винты, которые еще вращались! Ужасная, потрясающая душу картина!

Казалось, теперь наступила очередь „Орла", который вступилъ на мѣсто „Бородина", но стало быстро темнѣть и непріятельскія силы стали отходить на Остъ. Стрѣльба постепенно затихала.

Справа по носу показались непріятельскіе миноносцы, которые должны были совершить свою ночную работу, т. е. уничтожить остатки нашей эскадры, которая шла въ двухъ кильватерныхъ колоннахъ: слѣва крейсера: „Олегъ" (флагъ к. а. Энквиста), „Аврора", „Мономахъ" и „Донской"; справа шелъ броненосный отрядъ: „Орелъ", „Николай I", „Сисой Великій", „Наваринъ", „Апраксинъ", „Сенявинъ", „Ушаковъ" и „Нахимовъ". Миноносцы, крейсера „Жемчугъ" и „Изумрудъ" шли между нами.

Увидя японскіе миноносцы, адмиралъ Небогатовъ повернулъ послѣдовательно влѣво на 8 румбовъ и, пройдя у насъ подъ кормой, легъ на прежній курсъ Нордъ-Остъ 23, но уже подъ защитой крейсеровъ справа.

Дневной бой кончился. Наступила эта ужасная, полная тревогъ ночь, которую я не хотѣлъ бы пережить еще разъ. Несчастные броненосцы были совершенно истерзаны. Убыль людей была колоссальная. Когда „Наваринъ" проходилъ мимо, то видно было, какъ изъ шпигатовъ лилась красная вода. Все же тамъ почему-то орали „ура!".

Въ 8-мъ часу вечера мы все еще продолжали итти на Нордъ-Остъ 23. Въ разстояніи 50 каб. слѣва отъ насъ шли непріятельскіе крейсера. Здѣсь я потерялъ счетъ времени. Помню, что былъ сигналъ съ „Олега": „слѣдовать за мною", что мы, крейсера, и исполнили. Адмиралъ Энквистъ повернулъ на югъ. „Олегъ" и „Аврора" дали не меньше 21 узла. Темнота наступала очень быстро и я, стоя на бакѣ, едва могъ отличить кильватерную струю „Авроры". Съ мостика то и дѣло спрашивали меня, вижу ли я „Аврору", но гдѣ же нашему старику, съ 14-ти узловымъ парадным ходомъ, было угнаться за нашими крейсерами. Пришлось мнѣ, въ концѣ концовъ, отвѣтить, что не вижу больше „Авроры" и „Олега", которые вѣроятно совершенно забыли о нашемъ существованіи. Тогда командиръ собралъ офицеровъ на мостикѣ и спросилъ, куда итти. Конечно, рѣшили итти во Владивостокъ, что мы и сдѣлали, повернувъ на обратный курсъ, сознавая, что впереди насъ ждутъ японскіе миноносцы и что, если и не такъ много, то во всякомъ случаѣ достаточно времени потеряно на это безцѣльное путешествіе на югъ.

Въ это время случился маленькій инцидентъ, который могъ бы окончиться весьма печально. „Донской", слѣдовавшій за нами слѣва и сзади, вдругъ выскочилъ изъ темноты и полнымъ ходомъ шелъ на нашъ лѣвый бортъ.

Всѣ, кто были на этомъ борту, инстинктивно отскочили назадъ, въ томъ числѣ и я. Тишина стояла полная, но командиръ не растерялся и, положивъ право руля, отвелъ корму, которую „Донской" срѣзалъ почти вплотную и сейчасъ же открылъ огонь изъ орудій лѣваго борта по японскимъ миноносцамъ. Трудно было вообще разобрать, кто стрѣляетъ и по комъ. Темнота была адовая. Видны были огоньки выстрѣловъ, зловѣще вспыхивавшіе въ темнотѣ. Кое-гдѣ свѣтили уцѣлевшими боевыми фонарями и этимъ сами себѣ произносили смертный приговоръ. Былъ полнѣйшій хаосъ, разобраться въ которомъ не было никакой возможности.

Пользуясь небольшимъ затишьемъ, я сбѣгалъ въ каютъ-компанію, гдѣ успѣлъ только захватить большой кусокъ пирога съ рисомъ, который былъ для насъ приготовленъ съ утра. Такъ съ пирогомъ въ карманѣ я и побѣжалъ обратно къ своимъ орудіямъ на полубакъ, гдѣ все уже было готово къ миннымъ атакамъ.

Первый разъ мы были атакованы восемью миноносцами, по которымъ мы открыли жестокій огонь, отчего они повернули и скрылись въ темнотѣ, не доходя до насъ 8-10 каб.

Часовъ въ 8 вечера насъ атаковали еще 6 миноносцевъ, но и эту атаку мы отбили своимъ огнемъ.

Въ 8 ч. 15 м. вечера къ намъ подошелъ миноносецъ „Громкій" (кап. 2 р. Кернъ). Такъ какъ опознательныхъ огней онъ не показывалъ, то, конечно, былъ обстрѣлянъ нами, что заставило его ихъ срочно показать. Подойдя къ намъ вплотную, онъ передалъ намъ, что по приказанію адмирала онъ долженъ безотлучно находиться при насъ.

Въ 8 ч. 25 м. вечера насъ атаковало два миноносца. Передній, 4-хъ трубный, подошелъ къ намъ кабельтова на два и былъ потопленъ нами сразу, задній же скрылся.

Въ 8 ч. 40 м. справа за кормой показались 3 миноносца, по которымъ мы открыли огонь, но тогда они показали опознательные огни — зеленый и красный. Мы сейчасъ же прекратили стрѣльбу. Передній подошелъ на разстояніе кабельтова и уменьшилъ ходъ до нашего. Съ мостика у насъ начали спрашивать, какой миноносецъ. Оттуда что-то кричали, но что, разобрать было нельзя. Въ этотъ моментъ я услышалъ крики: „мина! мина! открыть огонь!", что и было исполнено, но черезъ секунду — страшный ударъ въ правый бортъ, громадный столбъ воды до самаго форъ-марса, вотъ все, что я замѣтилъ, такъ какъ былъ сшибленъ съ ногъ и при паденіи, ударившись головой о 6" орудіе, потерялъ сознаніе. Единственно, что я успѣлъ подумать — это: „Конецъ всему, погибаемъ". Когда я очнулся, то не могъ сообразить сначала въ чемъ дѣло. Голова тупо болѣла, а изъ праваго уха текла какая-то жидкость. Конечно, кромѣ всего прочего, я абсолютно перестал слышать. Единственно что я сознавалъ, это — что я живъ, что „Мономахъ" идетъ полнымъ ходомъ и не собирается переворачиваться. Мой комендоръ Пучка объяснилъ мнѣ, что ми-

носецъ, пустившій мину въ насъ, сразу же былъ утопленъ нашими снарядами, разломившись пополамъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось слышать навѣтъ на „Мономахъ", что это былъ нашъ миноносецъ „Безупречный", но какъ же это могло случиться, что онъ не разобралъ силуэта нашего крейсера и пустилъ мину именно тогда, когда мы прекратили огонь?

Сразу же послѣ взрыва, когда я очнулся, то меня удивило, что кромѣ моего комендора 6" орудія никого изъ прислуги не оказалось. 75 мм. орудія были брошены. Прошло можетъ быть нѣсколько минутъ, когда начали появляться снизу фигуры, разодѣтыя въ спасательные пояса. „Кто вамъ, черти, разрѣшилъ спускаться внизъ и кто приказалъ надѣть пояса?" „Такъ что скоро тонуть будемъ, Ваш-бродь", отвѣтили мои фигуры. Но здѣсь я свѣта не взвидѣлъ отъ злости и, никогда до тѣхъ поръ не дравшійся, началъ бить растерявшихся комендоровъ и прислугу по мордамъ. „Снимай сейчасъ же пояса, такіе-сякіе!", оралъ я „я вамъ покажу, какъ тонуть!". Быстро снятые пробковые пояса я собственноручно выкинулъ за бортъ и тогда немного успокоился. „Это они, сволочи, молодые, обладѣли, Ваш-бродь", говорилъ мнѣ Пучка въ утѣшеніе, „теперь больше не надѣнуть". Да и въ дѣйствительности, что можно было ожидать отъ новобранцевъ прямо изъ деревни, до сихъ поръ никогда не бывавшихъ въ морѣ. Я не зналъ еще одной вещи, что эти же новобранцы изволили удариться въ панику послѣ взрыва и отправились въ каютъ-компанію, гдѣ разбили офицерскій буфетъ, выпили все пиво и спиртное, конечно перебивъ при этомъ все, что попадалось подъ руку. Правда, это было меньшинство, которое воспользовалось суматохой и отсутствіемъ людей въ офицерскихъ помѣщеніяхъ. Еще утромъ на слѣдующій день можно было увидѣть съ десятокъ совершенно пьяныхъ голубчиковъ, едва стоявшихъ на ногахъ. Это было уже новое поколѣніе новаго соціалистическаго направленія 1905 года, уже отравленное ядомъ пропаганды и свободы.

Получивъ пробоину въ одну изъ угольныхъ ямъ передней кочегарки, крейсеръ накренился на 4 градуса, но хода не уменьшалъ. По осмотру оказалось: въ жилой палубѣ броневая палуба разошлась на 23 фута, по шву подъ малыми рундуками на 9 футъ. Пиллерсы 2-ой и 3-ій были оторваны отъ палубы. Пробоина, полученная противъ 2-ой угольной ямы, захватила 1-ую и 3-ю. Внутреннія стѣнки выпучились и разошлись по швамъ, повредивъ котелъ № 1. Пары въ котлѣ пришлось прекратить. Вода изъ вентиляторныхъ трубъ, проходившихъ черезъ угольныя ямы, стала вливаться въ кочегарку. Одинъ изъ бимсовъ переломился въ соединеніи его съ боковой стѣнкой и изъ отверстія била вода. Водоотливныя средства не поспѣвали откачивать воду, которая начала заливать жилую палубу около 11 ч. ночи.

Съ момента взрыва стали подводить пластырь, но это намъ не удалось. Пришлось стопорить машины. Оба раза показывались японскіе миноносцы, опять давали полный ходъ и уходили отъ нихъ. Конечно, концы лопались,

чему еще болѣе способствовала отставшая во многихъ мѣстахъ мѣдная обшивка, которая, какъ ножомъ, перерѣзала ихъ.

Замѣтивъ впереди еще нѣсколько силуэтовъ, командиръ повернулъ на обратный курсъ, пока мы не потеряли ихъ изъ вида. Больше пластыря не подводили и задѣлывали пробоину кое-какъ изнутри.

Это была ужасная ночь... Съ пробоиной мы носились, какъ угорѣлые, во всѣ стороны, спасаясь отъ непріятельскихъ атакъ. Кренъ постепенно увеличивался. Люди устали до послѣдней степени и совершенно автоматически исполняли свои обязанности.

Дошло да того, что мнѣ пришлось лично смѣнить два раза ударникъ у 75 мм. пушекъ, т. к. люди не соображали, что нужно дѣлать. Чтобы прекратить стрѣльбу, нужно было хватать комендоровъ за шиворотъ и оттаскивать отъ орудія, тогда только они слушали приказанія. Я вымокъ до нитки, т. к. еще днемъ заливало водой полубакъ. Чтобы согрѣться, я садился на бухту троса около вентилятора изъ камбуза и курилъ одну папиросу за другой, вопреки всякимъ военно-морскимъ правиламъ. Мнѣ было все равно — спастись невозможно, чѣмъ скорѣе конецъ, тѣмъ лучше. Но моментами меня охватывала жажда жизни и я снова надѣялся на спасеніе. Я не могъ себѣ представить, что я умру, что меня не будетъ и я изчезну навсегда. Съ любовью вспоминалъ свою уютную комнату въ домѣ отца, со злобой вспоминалъ Майнъ-Рида, Жюль Верна, Капитана Маріетта, которые такъ много значатъ въ жизни мальчиковъ... Главное же, это была мысль о безславной гибели, о гибели всего флота и о томъ позорѣ, который завтра будетъ извѣстенъ всему свѣту. Въ этотъ моментъ я сталъ старше, я сталъ понимать, что значитъ жертва, что значитъ война, что значитъ жизнь каждаго изъ насъ передъ такими ударами судьбы, какими она наградила нашу несчастную эскадру. Наружно же я былъ совершенно спокоенъ и старался больше говорить съ командой, чтобы отвлечь ихъ отъ печальныхъ мыслей.

Кое кто изъ офицеровъ навѣщали меня на нѣсколько минутъ. Пришелъ мичманъ баронъ Остенъ-Сакенъ и съ дрожью въ голосѣ разсказывалъ, какъ во время взрыва, давленіемъ воздуха, выкинуло изъ полупортика 120 мм. орудія его лучшаго комендора, какъ смертельно ранило матроса минера, стоявшаго у манипулятора боевого фонаря на мостикѣ, какъ нельзя было спасти перваго, который утонулъ на его глазахъ. Приходилъ ревизоръ, мичманъ Пелль, который ничего не говорилъ, а только курилъ папиросу за папиросой.

Не обошлось и безъ комичныхъ эпизодовъ. Дѣло въ томъ, что папиросъ у насъ было очень мало въ запасѣ, а господа, у которыхъ они были, прятали ихъ отъ насъ, неимущихъ, и неохотно угощали.

Однимъ изъ такихъ господъ былъ младшій докторъ А. Лобода, симпатичный, веселый парнишка и мой большой пріятель, но папиросы отслюнивалъ весьма рѣдко, хотя и имѣлъ порядочный запасъ. Сижу это я въ промежуткѣ между атаками на своей бухтѣ и вижу, идетъ ко мнѣ Лобода. „Ну, какъ дѣла?”

говоритъ онъ. „Да ничего, все то же". „А я", говоритъ, „принесъ тебѣ кое-что для развлеченія". И съ этимъ протягиваетъ мнѣ полную, въ 250 штукъ, коробку папиросъ. Я страшно обрадовался и съ благодарностью принялъ щедрый даръ, но тутъ же пришло въ голову, что такой скупердяй на папиросы, какъ докторъ, никогда безъ цѣли этого не сдѣлаетъ, а значитъ онъ догадывается или знаетъ, что скоро конецъ. Какъ не было мнѣ грустно, однако оба мы разсмѣялись, когда я высказалъ ему свою мысль, которую онъ, конечно, всячески отрицалъ. Во всякомъ случаѣ, онъ мнѣ доставилъ колоссальное удовольствіе и впослѣдствіи мы не разъ вспоминали этотъ эпизодъ.

Не помню, въ которомъ часу ночи это было, но миноносцы на время оставили насъ въ покоѣ. Кренъ постепенно увеличивался и первую кочегарку заливало водой. Я спустился въ каютъ-компанію, прокладывая себѣ путь черезъ несмѣтное количество пустыхъ гильзъ, обломковъ ящиковъ и растерзанныхъ коекъ, изъ которыхъ были вынуты пробковые матрасы. Въ горлѣ пересохло ужасно, хотѣлось пить, пить безъ конца. Въ каютъ-компаніи было уже нѣсколько человѣкъ, мрачно сидѣвшихъ на диванахъ. Въ то время вошелъ трюмный механикъ Эльсбергъ. „Ну, что, какъ?" набросились мы на него. „Да ничего особеннаго, вода больше не прибываетъ, успѣваемъ откачивать". У меня отлегло отъ сердца. Но это была только минута. Опять сомнѣніе и тоска гнѣтущая. Страшно. Никого нельзя было узнать, всѣ измѣнились, осунулись, да и было отчего. Помню, на диванѣ сидѣлъ нашъ батя, отецъ Апполинарій, невѣжественный, абсолютно необразованный монахъ. Все время боя онъ провелъ въ машинѣ и наверхъ совсѣмъ не поднимался. Сидѣлъ бѣдный батя и плакалъ. Почему-то мнѣ стало смѣшно и захотѣлось зло пошутить. „Ну что, батя, скоро тонуть будемъ?" обратился я къ нему. Батя еще пуще заплакалъ и закрестился. „Эхъ, ты, храбрецъ" сказалъ я и больше не обращалъ на него вниманія. Въ это время вошелъ въ каютъ-компанію старшій механикъ подполковникъ Корнильевъ съ бутылкой коньяку въ рукахъ и сразу всѣхъ насмѣшилъ. Самъ онъ былъ большой комикъ и другъ мичмановъ.

„Вы что же съ бутылкой путешествуете?" спросили его. „Нѣтъ больше мѣста прятать, эта единственная, которую я спасъ на всякій случай. Все подлецы выпили въ буфетѣ, а въ машинѣ оставлять нельзя. Вотъ и ношу ее съ собой. Да что коньякъ, соду, и ту выпили!". Посидѣвъ съ четверть часа въ каютъ-компаніи, я отправился къ себѣ наверхъ. Опять начались атаки, то справа, то слѣва. Опять стрѣльба и трескъ пулеметовъ съ марсовъ.

Въ передней кочегаркѣ прекратили пары и задраили водонепроницаемыя двери. Кренъ увеличивался. Пробовали уменьшать его продуваніемъ двухъ правыхъ котловъ — не удалось. Приходилось открывать краны, погружаясь при качкѣ судна съ головой въ воду. Идя на Вестъ и считая себя сѣвернѣе Цусимы, въ 1 ч. 10 м. ночи мы были атакованы съ кормы однимъ миноносцемъ, по которому открылъ сначала огонь „Громкій", а потомъ и мы, утопивъ его черезъ нѣсколько минутъ.

Около двухъ часовъ ночи начала появляться вода въ задней кочегаркѣ и въ машинѣ, такъ что мотыли правой машины уже работали въ водѣ. Паръ постепенно падалъ, ходъ уменьшался. Тогда командиръ рѣшилъ итти къ берегу, свезти раненыхъ и спасти команду на шлюпкахъ, а крейсеръ утопить.

Въ 3 ч. 50 м. насъ въ послѣдній разъ атаковали два миноносца, пройдя контръ-галсами, одинъ справа, другой слѣва, но безъ результата. Въ 5 ч. замѣтили берегъ, къ которому и пошли, принимая его за корейскій. Вскорѣ замѣтили сигналы фонаремъ Табулевича. То былъ „Сисой Великій", идущій къ намъ кормой съ дифферентомъ на носъ и съ громадной пробоиной и подведеннымъ пластыремъ. Помощи другъ другу оказать мы не могли, т. к. оба были въ критическомъ положеніи. Единственно, что сдѣлалъ командиръ, это приказалъ „Громкому" итти къ „Сисою" въ его распоряженіе. Передъ этимъ „Громкій" предлагалъ взять къ себѣ человѣкъ 200 и итти съ ними во Владивостокъ,но всѣ отказались, даже команда.

Подойдя къ берегу мили на 4, мы стали спускать шлюпки: 2 барказа, 2 паровыхъ катера безъ паровъ, шестерку и четверку. Хотя всѣ эти шлюпки были повреждены, но держаться на водѣ могли. Остальныя всѣ были разбиты.

Въ это время слѣва показался „Адмиралъ Нахимовъ" и два транспорта, которые оказались японскими, что мы поняли только тогда, когда они открыли по насъ огонь изъ 120 мм. пушекъ. Тогда старшій офицеръ В. В. Ермаковъ скомандовалъ: „Лѣвый бортъ по орудіямъ!" Я перекрестился и пошелъ къ себѣ, больше уже не разсчитывая остаться въ живыхъ. Да и дѣйствительно это было трудно. „Мономахъ" съ креномъ въ 18° на правый бортъ стоялъ, имѣя почти на лѣвой раковинѣ непріятеля и могъ дѣйствовать только двумя 75 мм. пушками, да и то при предѣльномъ углѣ.

Часть шлюпокъ была уже спущена, раненые вынесены наверхъ. Въ это время „Адмиралъ Нахимовъ" перевернулся и только сотни человѣческихъ головъ остались на поверхности. Японцы стали спасать команду, и стрѣлять такъ и не пришлось. Старшій офицеръ скомандовалъ продолжать спасаться, предварительно приказавъ уничтожить секретныя книги, радіо-телеграфъ и карты. Запасные флаги были утоплены. Барказъ, одинъ съ ранеными, подъ командой лейт. князя Максутова уже отвалилъ къ берегу, второй, подъ командой лейтенанта Мордвинова, послѣдовалъ за нимъ. Въ это время старшій офицеръ приказалъ мнѣ садиться на паровой катеръ № 3, который находился подъ барбетомъ 120 мм. орудія. Можно себѣ представить старый катеришко „огурецъ", безъ паровъ, съ 60 человѣками команды и 4 шестерочными веслами, на которыхъ, почему-то, сидѣли вѣстовые. Всѣ, конечно, были въ поясахъ, т. к. волна была довольно большая. Передъ тѣмъ чтобы садиться на шлюпки, командиръ приказалъ ревизору выдать каждому офицеру такое количество золота изъ сундука, какое онъ могъ взять. На мою долю выпало 100 фунтовъ, тяжесть изрядная, которую никому не хотѣлось брать въ карманъ, но спасать казенные деньги приходилось, ибо возможность все таки была. Завязавъ ихъ

въ носовой платокъ, я почувствовалъ, что для такого пловца, какъ я, золото это только способствуетъ моему стремленію ко дну; поэтому я крикнулъ на катеръ: „держи, ребята, узелокъ!" и бросилъ его внизъ. Деньги эти я сохранилъ до конца и они были переданы въ Кронштадтѣ командиру обратно.

Спустившись на катеръ я увидѣлъ, что дѣло неважно: люди набиты какъ сельди въ бочкѣ, воды набралось уже достаточно и выйти изъ подъ кренившагося барбета самостоятельно я не могу. Гнусное чувство охватило меня: „А вдругъ сейчасъ крейсеръ перевернется и прямо на насъ!" Я крикнулъ наверхъ, что выбраться самъ не могу, и старшій офицеръ приказалъ лейтенанту М. подать мнѣ съ его барказа буксиръ, который лейт. М., имѣя со мною счеты, было не хотѣлъ мнѣ подать. Вытащивъ меня, наконецъ, изъ подъ барбета, онъ вывелъ меня на чистую воду, но въ это время буксиръ лопнулъ, и я очутился въ совершенно безпомощномъ положеніи. Катеръ бросало какъ щепку, и вода прибывала. Тутъ еще нѣсколько пьяныхъ голубчиковъ, которыхъ я подобралъ изъ воды раньше, выли не своими голосами. Правда, имъ свои же товарищи набили рожи въ кровь, и они теперь лежали мокрые до нитки подъ котломъ. Всѣ мои просьбы къ лейт. М. подать мнѣ снова буксиръ не увѣнчались успѣхомъ и онъ, повернувшись ко мнѣ, сказалъ: „Вотъ тебѣ буксиръ" и показалъ мнѣ при этомъ знакомый всѣмъ масонскій знакъ. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ отъ меня нѣсколько словъ, которыя въ литературномъ языкѣ никогда не употребляются. И такъ я остался безъ буксира и хотя повернулъ къ берегу, но долженъ былъ сообразоваться больше съ волной, чѣмъ съ курсомъ, стоя собственно почти на одномъ мѣстѣ. Японцы, замѣтивъ меня, начали подходить ко мнѣ и что то орали. Это оказался транспортъ „Манжу-Мару". Онъ подошелъ ко мнѣ вплотную и спустилъ штормъ-трапъ. Катеръ такъ подбрасывало волной, что ухватиться за конецъ было возможно только съ большимъ рискомъ. Однако, кое-какъ команда словчилась, а пьяныхъ подняли на концахъ. Воспользовавшись суматохой, я приказалъ своему унтеръ-офицеру Марфину прорубить днище подъ котломъ катера бывшимъ у насъ топоромъ, что мы и сдѣлали незамѣтно. Послѣдними вылѣзли я и Марфинъ. Катеръ же японцы взяли на буксиръ.Каково же было ихъ изумленіе, когда онъ черезъ нѣсколько минутъ затонулъ и имъ пришлось обрубить конецъ.

На транспортѣ, оказавшимся бывшей „Манчжуріей" меня встрѣтилъ командиръ и нѣсколько офицеровъ держа руку подъ козырекъ. Поздоровавшись, командиръ извинился что не имѣетъ предложить намъ настоящей ѣды, т. к. онъ самъ уже болтается больше недѣли въ морѣ, а что есть у нихъ коньякъ, кофе и бисквиты, на что мы и навалились. Подкрѣпившись въ каютъ-компаніи, насъ, офицеровъ, (нѣкоторые были спасены раньше меня) проводили въ каюты перваго класса. Еще раньше мы видѣли какъ перевернулся нашъ старый „Мономахъ", честно прослужившій 25 лѣтъ родному флоту. Когда подобрали всѣхъ

людей, транспортъ далъ ходъ и пошелъ въ Сасебо, гдѣ насъ всѣхъ перевели въ карантинные бараки.

Такъ кончилась наша эпопея, давшая тяжелый, кошмарный урокъ Россіи вообще, а въ частности русскому флоту, который послѣ этого сказочно быстро сталъ возрождаться и который, если бы не „великая безкровная", показалъ бы всему міру на что способенъ русскій геній, настойчивость и трудолюбіе.

СПИСОКЪ ОФИЦЕРОВЪ

Крейсера I ранга „ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ"

Командиръ,	Кап. Ір. Влад. Алекс. Поповъ
Стар. офицеръ	Кап. 2 р. Влад. Петр. Ермаковъ
Лейт. на окладѣ	Лейт. Дмит.Петр. князь Максутовъ
„ „	Лейт. Алекс. Павл. Мордвиновъ
Стар. штурманъ	Лейт. Вас. Иван. Орловъ
Стар. артил. офиц.	Лейт. Ник. Ник. Нозиковъ
Стар. минный офиц.	Мичманъ Влад. Григ. Антоновъ
Млад. штурманъ	Мичманъ Сергѣй Влад. Лукомскій
Млад. артил. офиц.	Мичманъ Алкс. Влад. Павловъ
И. Д. ревизора	Мичманъ Геог. Ник. Пелль
Вахт. офиц.	Мичманъ Серг. Ник. Мемноновъ
„ „	Мичманъ Гот. Ген. баронъ Остенъ-Сакенъ
„ „	Мичманъ Мих. Петр. Корецкій
Вахт. штурм.	Прапор. Вас. Пан. Джоржъ
„ „	Прапор. Алекс. Ив. Рытовъ
Стар. механикъ	Подполк. Евг. Александ. Корнильевъ
Трюм. механикъ	Поручикъ Евг. Роберт. Эльдбергъ
Пом. стар. инж. мех.	Поручикъ Германъ Мар. Опель
Вах. мех.	Прапор. Антонъ Казим. Ретько
„ „	Прапор. Илья Филип. Бойко
Комиссаръ	Тит. Сов. Ник. Георг. Кобысевъ
Ст. врачъ	Надв. Совѣт. Конст. Адольфъ Заржевскій
Млад. врачъ	Люкарь Алекс. Мих. Лобода
Священникъ	Іеромонахъ Отецъ Апполинарій
Вахт. офиц.	Мичм. Греческаго флота Метакса

П. А. Свѣтликъ.

ТѢНИ ПРОШЛАГО...

Продолженіе.

При производствѣ въ мичманы я былъ зачисленъ въ 13 Флотскій экипажъ въ Кронштадтѣ. Пріѣхавъ въ Кронштадтъ, я сначала заѣхалъ въ Морское Собраніе, чтобы узнать куда итти, кому являться, и т. д. Въ столовой собранія было пусто, было еще слишкомъ рано для завтрака. Я заказалъ себѣ кофе и, подозвавъ подававшаго матроса, спросилъ, не знаетъ ли онъ 13 Экипажъ. Матросъ, чуть улыбнувшись, сказалъ адресъ и прибавилъ:

— Такъ что, я вамъ, ваше благородіе, лучше извозчика кликну.

— А когда нужно являться?

— Командиръ къ 10 приходятъ, тогда и пожалуйте.

— А кому... еще... надо?

— Не могу знать. Такъ что, никому.

Я выпилъ свой кофе и поѣхалъ въ Экипажъ, поразившій меня мрачностью, затхлостью и какимъ то каменнымъ, пыльнымъ холодомъ. Совсѣмъ не помню фамиліи командира Экипажа, выслушавшаго мою явку холодно и приказавшаго мнѣ быть временно адъютантомъ экипажа. Единственно что меня здѣсь обрадовало, это поясненіе стараго чиновника, казначея:

— Вы къ намъ не назначены, а только зачислены. Скоро будете назначены куда нибудь на корабль.

— Куда же?

Да вѣдь тутъ есть Штабъ Главнаго Командира, Штабъ Старшаго Флагмана, Штабъ Младшаго Флагмана... Скоро узнаете...

Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ, что и какъ нужно будетъ дѣлать, и посовѣтовалъ временно комнату по знакомству. Этотъ старый, сгорбленный чиновникъ, сидящій за своей конторкой въ крошечной комнаткѣ, мнѣ показался однимъ изъ диккенсовскихъ клерковъ и мы потомъ съ нимъ вполнѣ подружились. Но я прослужилъ въ экипажѣ не болѣе недѣли и былъ назначенъ вахтеннымъ офицеромъ на учебное судно „Мининъ", Артиллерійскаго отряда. На немъ держалъ флагъ контръ-адмиралъ З. П. Рожественскій. Этотъ первый корабль моего офицерскаго плаванія я почти совсѣмъ забылъ, помню только командира Бергштрессера, и его всегда мрачное лицо. Кромѣ него никого

не помню изъ судового состава. Помню двухъ флагъ-офицеровъ, старшаго — Фогеля и младшаго — Щеглова. Помню потому, что самъ скоро былъ назначенъ чѣмъ-то вродѣ флагманскаго мичмана. Помню что жилъ въ двойной каютѣ съ товарищемъ по выпуску Гильдебрантомъ. О „Мининѣ" у меня сохранилось одно, такъ и не понятое даже впослѣдствіи, впечатлѣніе — какое то давящее чувство сдержанности, недоговоренности въ бесѣдахъ, недружности въ каютъ-компаніи и отчужденности насъ, младшихъ, отъ старшихъ. Старшаго офицера я помню только въ одномъ, совершенно исключительномъ, случаѣ: былъ какой-то авралъ, старшій офицеръ имъ командовалъ, вдругъ приказалъ подать шлюпку къ лѣвому трапу, сѣлъ въ нее и... я его больше, кажется, не видѣлъ. Слѣдующій по старшинству лейтенантъ заступилъ на его мѣсто по приказанію командира и больше объ этомъ никто не говорилъ даже въ каютъ-компаніи. И еще одинъ случай помню. Однажды я стоялъ якорную вахту и находился на верхней площадкѣ праваго трапа. Вышелъ адмиралъ, поднялся на свой кормовой мостикъ и оглянулся кругомъ. Вдали, ближе къ берегу, шелъ вельботъ, направляясь къ пристани. Адмиралъ громко спросилъ сигнальщика:

— Кто тамъ на вельботѣ?

— Командиръ „Ушакова", Ваше превосходительство! — немедленно, даже не посмотрѣвъ на вельботъ, отвѣтилъ сигнальщикъ.

— Попросите его ко мнѣ. — бросилъ мнѣ адмиралъ и сталъ ходить по мостику, будто командиръ Ушакова на кораблѣ и нужно было только ему доложить. Я взялъ рупоръ и во все горло заоралъ:

— На вельботѣ!.. Къ трапу!.. — и когда тамъ замѣтили, вѣжливымъ жестомъ пригласилъ.

Адмиралъ остановился, покривилъ губы сердитой улыбкой и сказалъ мнѣ громко:

— Такъ командировъ не приглашаютъ!

Но никто мнѣ потомъ не могъ сказать, какъ надо было мнѣ поступить, а старшій офицеръ прямо сказалъ, что это было въ тонъ и... ничего... И еще одно впечатлѣніе или даже воспоминаніе. Какъ я уже упомянулъ, у адмирала были два флагъ-офицера: лейтенанты Фогель и Щегловъ (надо же было судьбѣ эти двѣ фамиліи поставить рядомъ!). Эти два офицера были совершенно разныхъ характеровъ. Спокойный, насмѣшливый пессимистъ Фогель и горячій оптимистъ Щегловъ постоянно спорили на одну и ту же тему: реформы и управленіе флотомъ.

Щегловъ былъ фактическимъ основателемъ системы реформъ и идейнымъ основателемъ Морского Генеральнаго Штаба со спеціальной для него школой. Онъ именно тогда носился со своимъ подробно разработаннымъ планомъ новыхъ учрежденій и говорилъ на эту тему даже съ нами, молодыми мичманами, которыхъ въ то время даже не считали еще вполнѣ офицерами. Его основной пунктъ былъ, какъ я ясно помню, осмысленное строительство новыхъ

кораблей въ соотвѣтствіи съ стратегическими и политическими планами на моряхъ — Балтійскомъ, Черномъ, Каспійскомъ и Охотскомъ, обладаніе которыми онъ считалъ первѣйшей государственной задачей. Фогель надъ этимъ всегда смѣялся и помню иногда выражалъ свое отрицаніе такъ: историческій флотъ, это кристаллизація воли народа вовнѣ. Русскій народъ никогда этой воли не имѣлъ и не будетъ имѣть, т. к. она ему не нужна. Значитъ и флота не будетъ, какія бы мѣропріятія мы ни придумывали. Я только впитывалъ такіе положенія въ себя и потомъ размышлялъ. Подобное мнѣніе я слышалъ иногда и отъ другихъ, напримѣръ, старшій офицеръ „Гиляка" кап. 2 р. Фр. Андр. Винтеръ какъ-то сказалъ въ самомъ началѣ войны съ Японіей:

— Что же, побьютъ насъ япошки скоро и хорошо. Чтобы не совались не въ свое дѣло... колонизаціи. Далеконько отъ своей деревни забрались!

Вообще „Минина" я помню очень смутно, неположительно, какъ что-то промелькнувшее въ жизни... Артиллерійскій отрядъ каждое утро снимался на учебную стрѣльбу. Пройдя миль десять, дѣлалъ одинъ и тотъ же маневръ — спускали на ходу барказы, которые должны были подъ парусами итти обратно въ Ревель. Это было ученіе, за которымъ смотрѣлъ всегда самъ адмиралъ. На такой барказъ меня часто посылали. И вотъ, спустившись по талямъ, отваливъ отъ борта корабля и поставивъ паруса, я заваливался досыпать — въ тихую погоду до Ревеля можно было выспаться!

Но вотъ въ одинъ прекрасный день старшій офицеръ сообщаетъ мнѣ, что полученъ приказъ немедленно отправить меня въ Кронштадтъ въ распоряженіе Штаба Главнаго Командира. Я обрадовался, понявъ это не такъ, какъ оказалось. И вотъ почему: сразу послѣ производства мать моего товарища А. Бутакова позвала меня и другого нашего товарища, А. Нирода, къ себѣ обѣдать. За обѣдомъ она спросила насъ, куда кто хочетъ итти служить. Мы всѣ заявили желаніе итти на Дальній Востокъ. А это было уже почти исполненіе, т. к. г-жѣ Бутаковой, при ея высокомъ положеніи, какъ при Дворѣ, такъ и въ свѣтѣ, устроить насъ не представляло никакой трудности. И вотъ теперь, на пути въ Кронштадтъ, я былъ увѣренъ, что получу назначеніе на Дальній Востокъ. Однако, явившись въ Штабъ Главнаго Командира, я узналъ нѣчто совсѣмъ другое. Въ канцеляріи меня направили къ дѣлопроизводителю, чиновнику Черникову, который, спросивъ мою фамилію, широкимъ начальническимъ жестомъ пригласилъ сѣсть у его письменнаго стола и съ веселой улыбкой сказалъ, что изъ Главнаго Штаба требуютъ немедленно двухъ офицеровъ для отправки въ Бѣлое море въ съемку.

— Ну, я посмотрѣлъ въ списокъ только что выпущенныхъ и значитъ никому еще не нужныхъ — ха, ха, ха — и вдругъ вижу, — Свѣтликъ, и почти рядомъ по старшинству — Аквилоновъ... Ну скажите, можетъ ли быть удачнѣе сопоставленіе!?.. Свѣтлая вода... Бѣлое море, ха, ха, ха... Итакъ, вы назначаетесь въ Бѣлое море и ѣхать нужно немедленно. Аквилоновъ уже

ждетъ васъ, вмѣстѣ и отправитесь. Довольны? Интересное плаваніе... я сейчасъ прикажу выдать вамъ все, что нужно...

Я былъ ошеломленъ. — Мнѣ нужно явиться Начальнику Штаба?

— Нѣтъ нѣтъ, это кончено. — Позвонилъ, приказалъ написать мнѣ бумаги и направилъ къ казначею. Вотъ и все.

— Какъ же? думалъ я — Дальній Востокъ? Вотъ какого остроумія достаточно, чтобы зашвырнуть меня куда-то на кулички!..

Скоро встрѣтилъ Аквилонова, который не ругался и только сказалъ:

— Говорятъ, онъ такъ иногда командировъ назначаетъ. Поѣдемъ, посмотримъ, тамъ виднѣе будетъ!

Поѣхали, явились и были назначены — я на „Лейтенантъ Скуратовъ", онъ на „Лейтенантъ Овцынъ" — описные суда тоннъ по 400.

На этихъ судахъ производились дополнительныя съемки и промѣръ глубинъ,карты тѣхъ мѣстъ были еще очень „бѣлыя", а коммерческая дѣятельность съ каждымъ годомъ быстрѣе росла. Офицерскій составъ этихъ судовъ былъ изъ старыхъ служакъ Корпуса Флотскихъ Штурмановъ, такъ что мы съ Аквилоновымъ были „бѣлыми воронами". Сначала я работалъ по промѣру, но скоро меня попросили распоряжаться кораблемъ и тѣмъ освободить ихъ товарища отъ дежурства, который до меня долженъ былъ оставаться на кораблѣ. Этимъ я былъ очень доволенъ, т. к. съ непривычки дѣлалъ эту работу медленнѣе остальныхъ и тѣмъ, можетъ быть, ихъ задерживалъ. А эти старики были по цѣлымъ днямъ въ морѣ, являясь только къ обѣду и къ ужину съ наступленіемъ темноты. Жили они такой жизнью, отъ которой мы съ Аквилоновымъ каждый вечеръ убѣгали. А они вставали съ разсвѣтомъ и,выпивъ по стакану чая, уходили въ море. Въ 11 часовъ пріѣзжали обѣдать, — это почти всегда была запеканка, котору я такъ и не забылъ до сихъ поръ. Въ высокой мѣдной кастрюлѣ укладываются ровно и точно слои: слой картофеля, слой лука, слой отличной жирной трески, слой яицъ, слой помидоръ и опять картофель, лукъ, и т. д. до верха. Такая башня ставится въ печку, запекается и къ обѣду подается съ хрѣномъ послѣ обыкновенныхъ флотскихъ щей. Подъ это блюдо выпивали по 25 рюмокъ водки всѣ, кромѣ меня и одного капитана, который говорилъ, что ему совсѣмъ нельзя пить, и поэтому выпивалъ только 15 рюмокъ. Сейчасъ же ложились спать, чтобы въ 2 часа, какъ ни въ чемъ не бывало, отправиться въ море. Архангельскъ уже въ то время былъ очень дорогой городъ. Цѣны были сильно взвинчены иностранными купцами и нашими лѣсопромышленниками, такъ что мы съ Аквилоновымъ веселились чаще въ Морскомъ Собраніи, которое тамъ было довольно обширно и уютно и часто устраивало прекрасные музыкальные вечера и увеселительныя прогулки.

Въ Архангельскѣ я впервые понялъ интересъ торговли съ иностранцами — меня это тогда очень удивило. По какому-то случаю я что-то получилъ отъ Аквилонова въ подарокъ, и мнѣ нужно было отдарить. Спросилъ о какомъ-то магазинѣ у швейцара Собранія, а онъ мнѣ посовѣтовалъ поѣхать на отдаленный

поселокъ охотниковъ. Отправился и увидалъ тамъ горы драгоцѣнныхъ мѣховъ, даже соболя, которые быстро скупали англійскіе купцы для отправки въ Англію. Тамъ я купилъ очень большую, хорошо выдѣланную шкуру бѣлаго медвѣдя за 20 рублей и извозчикъ сказалъ, что это дорого. А въ Петербургѣ она стоила бы около 200 руб. Тогда я понялъ, чѣмъ живутъ пароходы и иностранные купцы.

Сейчасъ я совсѣмъ забылъ когда именно, но за время своего плаванія въ Бѣломъ морѣ я былъ на короткое время откомандированъ на должность адъютанта къ вновь назначенному губернатору Архангельской губерніи, контръ-адмиралу Римскому Корсакову. Съ нимъ былъ въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Кеми. Въ Соловецкомъ монастырѣ губернатору показывали ризницу, большую комнату, уставленную стеклянными шкафами и витринами съ историческими вещами. На нѣкоторыхъ старинныхъ облаченіяхъ были драгоцѣнные камни громадной стоимости. Тамъ же висѣли лохмотья знаменитыхъ старцевъ и отшельниковъ. Послѣ осмотра хозяйственныхъ построекъ и племенного скота намъ дали отличный обѣдъ съ тонкими винами. Въ Кеми я видѣлъ очень большой лѣсопильный заводъ съ большимъ, очень хорошо обставленнымъ клубомъ для рабочихъ и служащихъ. Въ этомъ клубѣ была очень хорошая и тщательно составленная библіотека какъ техническихъ, такъ и художественныхъ книгъ, а также хорошая столовая для всѣхъ.

Къ сожалѣнію, я тогда не заинтересовался этимъ, не осмотрѣлъ внимательно и теперь ничего не помню. Помню только, что эти поморы отлично жили.

Я очень смутно помню все это свое плаваніе въ Бѣломъ морѣ и только одно общее впечатлѣніе осталось въ памяти: я чувствовалъ себя тамъ какъ случайный посѣтитель и каждый день ждалъ извѣстій изъ Петербурга.

И вотъ, кажется въ началѣ сентября, я получилъ предписаніе немедленно отправиться въ Кронштадтъ для дальнѣйшего направленія. И тогда, когда я явился на броненосецъ „Побѣда", на который, какъ оказалось, я давно былъ назначенъ, я почувствовалъ настоящую службу и, какъ будто, свое призваніе, такъ понравился мнѣ корабль. Здѣсь я впервые сталъ на свое мѣсто и понялъ свою роль, хотя роль эта была еще такъ незначительна и подчиненна.

Эскадренный броненосецъ „Побѣда"

Эскадр. броненосецъ „Побѣда" былъ построенъ на Балтійскомъ заводѣ по русскимъ чертежамъ и только что вошелъ въ строй. Командиръ — Василій Максимовичъ Зацаренный, старшій офицеръ — „лейтенантъ на окладѣ" Александръ Адольфовичъ Реммертъ. Старшій артиллерійскій офицеръ — Владиміръ Александровичъ Любинскій, старшій минный офицеръ — Сергѣй Романовичъ Магнусъ, старшій штурманъ — Николай Николаевичъ Азарьевъ. Ревизоръ — лейтенантъ Боголюбовъ. Всѣ эти лица, а также часть специаль-

ной команды, служили на кораблѣ все время постройки. Не помню фамиліи старшаго инженеръ-механика, кажется, полковникъ Петровъ. Дальше слѣдовали — младшій артиллеристъ, лейт. Кирпичевъ, младшій минеръ — лейт. Коневскій, два младшихъ инженеръ-механика, два врача и судовой священникъ, іеромонахъ.Затѣмъ насъ, молодыхъ, я помню только четверыхъ: В. Шмиттъ, Флейшеръ, Бершадскій, Гернетъ. Кажется я забылъ двоихъ. Вся эта каютъ-компанія была очень дружна, хотя и находилась въ постоянныхъ, никогда не нарушаемыхъ, границахъ дисциплины. А. А. Реммертъ былъ человѣкъ уже немолодой, вообще очень серьезный и не веселый. По характеру своему не военный, а ученый (послѣ академіи онъ работалъ надъ какой-то электрической схемой), онъ заканчивалъ свой цензъ старшаго офицера и въ концѣ плаванія, сдавъ должность пріѣхавшему для этого лейтенанту Герасимову, уѣхалъ въ Россію. Его вліяніе на всю каютъ-компанію было сильно, непрерывно, но не тяжело — онъ былъ очень любезенъ и уменъ.

Самой большой симпатіей у всѣхъ пользовался Николай Николаевичъ Азарьевъ. Самый веселый и остроумный — Сергѣй Романовичъ Магнусъ. Самый страшный — ревизоръ Боголюбовъ — не дастъ жалованія впередъ, на берегъ не поѣдешь. Самый смѣшной — младшій докторъ; онъ, выпивъ лишнее, игралъ на піанолѣ Спящую Красавицу съ „выраженіемъ”. Самый элегантный — Кирпичевъ.

Мы, мичмана, были расписаны по старшимъ спеціалистамъ, какъ ученики и подручные. Счастливецъ Володя Шмиттъ попалъ къ Азарьеву, и отъ него принялъ все наиболѣе цѣнное, какъ по своей спеціальности, такъ и по общеморской.

А я, по своей лѣни, и здѣсь выбралъ — попалъ къ минеру, С. Р. Магнусу, у котораго было мало дѣла. Кромѣ того мы, молодые мичмана, учились у старшаго офицера рѣшительно всему своему дѣлу: вахта, приборка корабля, подъемъ шлюпокъ, провѣрка всѣхъ механизмовъ и приспособленій на верхней палубѣ — шпили, канаты, стопора, электрическія лебедки — все это постоянно провѣрялось. Каждый изъ насъ былъ постоянно занятъ, и мы, зато, могли гордиться своимъ кораблемъ. Именно это впечатлѣніе у меня осталось до сихъ поръ.

Послѣ безконечныхъ пріемокъ провизіи, матеріаловъ и угля мы, въ составѣ небольшого отряда, съ „Ретвизаномъ” во главѣ, вышли изъ Кронштадта и начали свое плаваніе на Дальній Востокъ. Къ сожалѣнію, не помню ни состава отряда, ни Адмирала — я его не видѣлъ на „Побѣдѣ”.

Впрочемъ, это плаваніе было сплошь настолько интересно, что оно могло бы быть хорошо описано только или въ запискахъ того времени или въ дневникѣ. А сейчасъ могу записать только два основныхъ впечатлѣнія — постоянное ощущеніе какъ будто праздничности и... какъ будто бы недостатокъ престижа, но объ этомъ дальше. Когда мы миновали холодные туманы и дожди Финскаго залива и Балтійскаго моря съ довольно свѣжими вѣтрами, прошли

уже въ лучшую погоду толчею Нѣмецкаго моря, побывали въ туманѣ Портланда, и въ этомъ же туманѣ повеселились въ Лондонѣ, мы, наконецъ, подошли къ мертвой зыби Атлантическаго океана — повѣяло тепломъ.

Но до Виго это было только плаваніе и мы жили заботами по кораблю: то нужно было что нибудь получше закрѣпить на верхней палубѣ (мы везли огромные ящики приданнаго нашей Великой Княгинѣ Еленѣ Владиміровнѣ въ Грецію), то какое нибудь особенное артиллерійское ученіе, напримѣръ, точное отраженіе минной атаки, то просто очень дурная погода. Но вотъ уже отъ береговъ Испаніи начался интересъ къ экзотическимъ развлеченіямъ. Въ Средиземномъ морѣ мы выкрасились въ бѣлый цвѣтъ, чуть ли не риполиномъ, и корабль сталъ роскошной яхтой. И „Ретвизанъ", и „Побѣда" давали большіе балы-пріемы въ отвѣтъ на приглашенія насъ береговыми властями въ портахъ. Такъ, напримѣръ, въ Алжирѣ мы танцовали съ Мадагаскарской королевой, очень похожей на обезьянку. „Ретвизанъ" угощалъ на славу, т. ч. ночевавшихъ подъ столомъ въ каютъ-компаніи зуавовъ пришлось утромъ увозить и сдавать въ портъ. Англичане же корректно утромъ присылали свою шлюпку за своими „спящими". „Побѣда", конечно, слѣдующимъ пріемомъ не уступала „Ретвизану". Словомъ, до Суэцкаго канала это были сплошные праздники европейскаго типа, намъ знакомые, но уже съ сильной примѣсью экзотики. Но Суэцкій каналъ далъ мнѣ нѣсколько иное впечатлѣніе.

Суэцкій каналъ полагалось проходить самымъ малымъ ходомъ, узловъ шесть, и безъ всякаго маневрированія, не вызваннаго поворотомъ канала. Поэтому, лучше всего было итти на буксирѣ спеціальныхъ катеровъ (англійскихъ). Но нашъ командиръ заупрямился — „буксиръ дорого стоитъ и мнѣ не нуженъ, „Побѣда" отлично слушается руля". Словомъ, мы пошли своими машинами и, конечно, вполнѣ точно и хорошо. Но тогда случилось другое недоразумѣніе. Извѣстно, что при прохожденіи канала нельзя ничего съ корабля бросать въ воду. И на случай, если что нибудь все же падаетъ, вродѣ папиросной или конфектной коробки, то это немедленно подбирается на плаву спеціальными маленькими плоскодонными шаландами съ двумя голыми, если не считать грязнаго пояса, африканцами. И вотъ мы идемъ, а впереди, у африканскаго берега, стоитъ такая шаланда. Какъ только мы ровняемся съ ней, ее отрываетъ отъ берега и бросаетъ къ нашему борту, на нашъ башмакъ сѣтъевого огражденія. Башмакъ переламываетъ накренившуюся шаланду, мусоръ изъ нея просыпается на воду, а африканцы въ два-три взмаха руками оказываются опять въ Африкѣ. Вотъ и все. Другая шаланда этотъ мусоръ подберетъ. Но оказалось, что это только начало. Въ Суэцѣ, какъ только мы встали на якорь, къ намъ пожаловалъ русскій консулъ и, пробывъ у командира съ полчаса, отказавшись за недосугомъ отъ приглашенія старшимъ офицеромъ въ каютъ-компанію, уѣхалъ. Потомъ за ужиномъ Реммертъ разсказывалъ, что консулъ сообщилъ командиру о требованіи администраціи канала заплатить за разбитую шаланду десять тысячъ рублей и что командиръ,

всегда спокойный и благодушный, раскричался на него и отказалъ. Въ первое же воскресеніе, когда приглашенный по традиціи командиръ пришелъ въ каютъ-компанію обѣдать, мы всѣ замѣтили, что онъ чѣмъ-то раздраженъ. Обыкновенно, послѣ закуски онъ начиналъ „кстати" разсказывать о какой нибудь своей археологической находкѣ (онъ былъ страстный археологъ). Теперъ же онъ, помолчавъ и вдругъ улыбнувшись, обратился къ ревизору:

— Какъ вы думаете, Н. А., сколько стоитъ та шаланда, которую мы разбили въ каналѣ... если бы должны были платить?

— А что же... если новую строить, около фунта вскочитъ, Василій Максимовичъ — отвѣтилъ Боголюбовъ.

— Ну, вотъ... я и предложилъ консулу сначала 5 рублей, потомъ 1 фунтъ, а онъ требуетъ тысячу фунтовъ... — засмѣялся командиръ.

— Главное, что вѣдь „Побѣда" тутъ ни въ чемъ не виновата — проговорилъ Реммертъ — она не могла ни останавливаться, ни поворачивать, если бы даже хотѣла. Шаландѣ нужно было крѣпче держаться.

— Консулъ меня тѣмъ и разсердилъ, что свалилъ все на возможность большаго, чѣмъ полагается, хода, — сказалъ командиръ.

Ну, на это у насъ есть документы — вахтенный и машинный журналы.

— Нѣтъ, нашъ-то консулъ... А!

— Причина всему, пожалуй, совсѣмъ иная, сказалъ Магнусъ, сидѣвшій рядомъ со старшимъ механикомъ.

— Какая же?

— Да вотъ, по газетамъ выходитъ, что наши отношенія съ Англіей портятся, сказалъ Магнусъ, читавшій всѣ иностранные газеты для „изученія языковъ".

Консулъ тоже что то въ этомъ родѣ хотѣлъ мнѣ сказать, но меня это сейчасъ не касается. Вотъ придемъ въ Портъ Артуръ и станемъ... поправлять отношенія, а въ походѣ трудно.

— Пожалуй, хорошо было бы... побольше престижа... Сказалъ Магнусъ.

— Вотъ, вотъ... — прохрипѣлъ старшій менханикъ и вылилъ въ стаканъ всю оставшуюся въ бутылкѣ марсалу.

— Что вы? — обратился къ нему Магнусъ.

— Да ничего. Пью, чтобы молчать. А молчу, потому что ни одного сколько нибудь цензурнаго слова по адресу этихъ господъ не могу придумать — и онъ выпилъ свой стаканъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Да. Престижъ, можетъ быть, будетъ, когда командовать такими кораблями какъ нашъ, будутъ... вотъ они... — и онъ показалъ въ нашу сторону, на „Камчатку", какъ называли конецъ стола, гдѣ сидѣли мичмана.

— А намъ, можетъ быть, придется этотъ престижъ зарабатывать — задумчиво закончилъ командиръ.

— И заработаемъ! — поставилъ точку Любинскій.

—o—

Мы шли Краснымъ моремъ, и жара съ непривычки казалась непереносимой. Но былъ почти штиль. Мы, дѣйствительно, какъ и разсчитывали, подходили въ Индійскій океанъ къ началу смѣны муссоновъ.

Когда пришли въ Аденъ, съѣхала небольшая группа офицеровъ на берегъ — команду не свозили — некуда. Только что мы вышли на берегъ у пустынной пристани, какъ были окружены рикшами — полуголыми красными людьми съ ихъ двуколками. И, чтобы отвязаться отъ ихъ назойливости, стали размѣщаться въ первыхъ попавшихся, но, какъ нарочно, для нашего опыта, подошелъ катеръ съ англійскаго крейсера и вышли три офицера въ шлемахъ, съ бамбуковыми палками. И всѣ рикши, какъ по командѣ, отскочили къ своимъ колякамъ. Только одинъ, замѣшкавшись, пробѣжалъ слишкомъ близко отъ англичанъ, за что получилъ бамбукомъ по головѣ.

Англичане спокойно смотрѣли, выбирали рикшъ, поманили ихъ пальцемъ и, сѣвъ, поѣхали.

— Вотъ это престижъ! — сказалъ одинъ изъ насъ, и мы тоже поѣхали.

Съ Адена началась экзотика для насъ. Раскаленный песокъ грѣетъ даже сквозь подошвы бѣлыхъ туфель. Голову надо хорошо накрывать. Даже по тѣневой стороны улицы окна домовъ наглухо закрыты, но въ магазинахъ темно и прохладно. Въ одномъ изъ нихъ я съ большимъ интересомъ разсматривалъ настоящій гонгъ — это бронзовая чашка съ падающимъ въ нее бузиновымъ шарикомъ... Звукъ, начиная съ піаниссимо, проходитъ черезъ сильное и протяжное фортиссимо и заканчивается неуловимо даже въ тишинѣ. Рисунки тканей сейчасъ повторяетъ французская живопись, иногда не совсѣмъ удачно. Продавецъ молчаливъ, спокоенъ и характерно красивъ. Изъ окна магазина видна галлерея, залитый расплавленнымъ золотомъ дворъ, источникъ, плотно закутанный узорнымъ шелкомъ человѣкъ. И онъ задумчивъ. Развѣ не странно, что въ такой яркой роскоши природы можетъ быть задумчивъ человѣкъ? Въ финскихъ шхерахъ молчаливъ человѣкъ, но не задумчивъ, онъ угрюмъ. Здѣсь задумчивъ. И только тотъ, кто эту природу видитъ, можетъ понять смыслъ ее и красоту. На фотографіяхъ и картинахъ это не передано даже частично — даже свой особый запахъ имѣетъ эта красота, какъ это не смѣшно. Здѣсь женщина до замужества, значитъ до семнадцати лѣтъ, — это великолѣпно созданная бронзовая статуэтка. Но послѣ замужества она носитъ на спинѣ или сбоку дѣтей и скоро превращается въ уродливое домашнее животное.

Въ Коломбо я, по совѣту консула, поѣхалъ нѣсколько километровъ лѣсомъ до почти закрытаго отъ океанскихъ волнъ заливчика. На берегу былъ располо-

женъ маленькій, но очень хорошо обставленный ресторанъ съ бассейномъ безъ акулъ, для купанія, и съ хорошо закрытой тентомъ террасой. Проѣзжая лѣсомъ, я видѣлъ хижины сингалезовъ и ужасныхъ женщинъ. Я выкупался, надѣлъ поданный мнѣ бѣлый халатъ и расположился у террасѣ у самой воды. Океанъ былъ совершеено спокоенъ, но дышалъ такъ, что было почти прохладно. Внизу о стѣнку разбивалась незамѣтная волна мертвой зыби, отчего брызги иногда долетали на нее. Чувство европейца ,такъ расположившагося за столикомъ подъ тентомъ на берегу Индійскаго океана, совершенно непередаваемо, но и незабываемо. И вдругъ около меня появилась и быстро усѣлась у ногъ бронзовая статуэтка. Она была прикрыта, но слабо. Разложила на каменной плитѣ открытки и браслеты и посмотрѣла на меня быстрымъ горячимъ взглядомъ черныхъ большихъ глазъ. Я съ минуту разсматривалъ ее, особенно ея прелестную голову съ прической, убранной бѣлымъ тюрбаномъ. Потомъ досталъ изъ костюма золотой фунтъ и далъ ей. Она схватила его, опять посмотрѣла на меня, но уже дольше, и застенчиво, чуть-чуть улыбнулась и, представьте, улыбнулась такъ же тонко, какъ улыбаются наши свѣтскія барышни. Но вотъ я хотѣлъ ее погладить и дотронулся до ея плеча — тогда она мгновенно вскочила и исчезла, оставивъ мнѣ свои открытки. Мнѣ было очень досадно — изъ-за своей неосторожности я потерялъ возможность любоваться замѣчательной красотой. Потомъ „стюартъ" мнѣ сказалъ, что за ласку бѣлаго дѣвушку могутъ убить. Природѣ нужно для чего-то нѣсколько сотъ милліоновъ одной расы, для этого она жертвуетъ половиной. Зачѣмъ? Тутъ легко сдѣлаться задумчивымъ.

Въ Коломбо нашъ командиръ тоже сдѣлался задумчивъ, но совсѣмъ по иному поводу. Мы шли туда дней десять, нашъ экономическій ходъ не превышалъ десяти узловъ. И вотъ, черезъ нѣсколько дней по приходѣ, командиръ получилъ почту, изъ которой узналъ, что десять тысячъ за инцидентъ въ Суэцкомъ каналѣ уплочено, хотя и не оспаривалась справедливость дѣйствій командира. Больше на эту тему Зацаренный ни съ кѣмъ не говорилъ въ каютъ-компаніи, да и всѣ молчали.

Въ Коломбо насъ постоянно и назойливо окружали „аламерщики", мальчишки сингалезы, орущіе á la mer, чтобы мы бросали въ море монету, которую они быстро и безошибочно ловили, ныряя иногда очень глубоко. Нашъ командиръ любилъ этимъ забавляться, выстраивая иногда мальчишекъ на своемъ вельботѣ и бросая шиллингъ. Это было довольно высоко, и мальчишкамъ приходилось нырять долго и глубоко, но я не помню неудачи.

Въ Коломбо мы даже принимали въ каютъ-компаніи дамъ нашего консула, Чокова, крупнаго чаеторговца. Это я помню, потому что одна изъ дамъ, выходя изъ катера, оступилась и шагнула мимо трапа въ воду, но, конечно, не успѣла погрузиться выше пояса — ее подхватили. На кораблѣ ей дали чей-то шелковый халатъ, въ которомъ она и обѣдала. А къ концу обѣда она уже могла переодѣться въ свое платье. На югѣ проще одѣваются.

Въ Коломбо постоянно заходили англійскіе корабли, и мы часто подолгу засиживались съ англійскими офицерами въ ресторанахъ. И вотъ, я хорошо помню, что это были наиболѣе расположенные къ намъ люди, между тѣмъ какъ французы, наши союзники, были всегда какъ то въ сторонѣ и чуждались. И если мы могли не вполнѣ довѣрять дружественности англичанъ, то ужъ никакъ не могли не довѣрять недружественности французовъ. И въ дальнѣйшемъ мы не ошиблись.

Изъ Коломбо начали спускаться къ экватору, на Сингапуръ. Здѣсь уже мы входили въ сферу англійскаго владычества. Въ этомъ районѣ Малакскаго архипелага встрѣчались почти исключительно англійскіе пароходы. Въ то время Англія владѣла 60% мірового тоннажа, и здѣсь все было англійскимъ. Изъ Сингапура, по пути въ Гонконгъ, мы заходили, кажется, въ Пулавей. Я помню, какой образцовый порядокъ былъ въ этой англійской колоніи. Напримѣръ, шоссейная дорога, по которой мы, какъ по асфалту, катились на легкихъ двуколкахъ.

Походъ въ Гонконгъ, почти на сѣверъ, уже бодрилъ. Ощущался конецъ плаванія. Надоѣло спать на ютѣ подъ тентомъ и просыпаться занесеннымъ сажей изъ трубъ, какъ будто тента и не было. Днемъ тентъ часто скачивали забортной водой, но онъ очень быстро высыхалъ. Словомъ, было нудно и жарко, и мы всѣ были рады, когда пришли въ Гонконгъ, а оттуда пошли въ Шанхай. На пути въ Шанхай насъ такъ качнуло, кажется въ Формозскомъ проливѣ, что обѣдали со „скрипками". И вотъ, по приходѣ въ Шанхай, то есть при проходѣ вверхъ по теченію Янцзы, я получилъ опять сильное впечатлѣніе, не забытое до сихъ поръ. Шанхай тогда былъ однимъ изъ самыхъ бойкихъ міровыхъ портовъ. Движеніе по Янцзы было очень большое — пароходы, пароходики, большія и малыя джонки, военные суда — все это сновало по рѣкѣ вдоль и поперекъ при сильномъ теченіи. Поэтому, входъ былъ вообще, съ непривычки, нелегкимъ, а тутъ еще въ кильватерномъ строю и небольшимъ ходомъ. Но самое трудное для насъ было то, что нашъ строй часто нарушали парусники, которымъ мы должны были давать дорогу. По международному морскому закону, паровое судно должно давать дорогу парусному. И вотъ, мы постоянно склонялись съ курса и даже, мѣняя скорости, часто нарушали строй. Кое какъ наконецъ дошли до заранѣе назначенныхъ бочекъ и стали, но, какъ оказалось, не совсѣмъ вѣрно, такъ что пришлось мѣнять мѣсто. Общая приборка, на вечернюю вахту вступилъ я. Въ Гонконгъ насъ, мичмановъ, сдѣлали вахтенными начальниками. Къ вечеру, стою я на мостикѣ, смотрю въ бинокль и вижу въ этой кашѣ рѣчного движенія показывается отрядъ англійскихъ легкихъ крейсеровъ, идущихъ большимъ ходомъ и безъ малѣйшихъ отклоненій отъ курса. Я далъ знать въ каютъ-компанію, и мы, какъ зачарованные, долго смотрѣли какъ они подошли, какъ развернулись и подошли къ бочкамъ и какъ одновременно стали. И все время ихъ маневра джонки и пароходы отъ нихъ шарахались, какъ отъ опасности, а они

шли спокойно и властно. Потомъ намъ объяснили, что англичане пріучили не попадаться подъ таранъ, такъ какъ преспокойно такихъ давили и ничего за это не платили. А къ намъ нѣкоторые умышленно шли на столкновеніе, разсчитывая на хорошій барышъ. И опять мы сказали себѣ: — „Вотъ это престижъ!" — И, странно, мы никогда въ нашей исторіи не зарабатывали подобнаго престижа, хотя и дѣлали большія дѣла. Видно это не въ нашемъ характерѣ. И, какъ это ни неумѣстно въ моемъ разсказѣ, но закончу такъ: Престижъ — это всегда результатъ несправедливаго насилія, и мы какъ-то не склонны къ нему.

Изъ Шанхая мы пошли въ Портъ Артуръ. Оглядываясь на пройденное полугодовое плаваніе, можно оцѣнить его, какъ рѣшающее для воспитанія морского офицера. Дѣйствительно, вѣдь насъ обучали рѣшительно всему. Кромѣ практическаго обученія по спеціальностямъ, Реммертъ обучалъ насъ спускать, отправлять и поднимать на корабль шлюпки, отправлять на берегъ людей, провѣрять все до мелочи — такъ какъ шлюпка и матросъ, это аттестатъ, визитная карточка корабля. Училъ насъ постоянно слѣдить за исправностью всего, чѣмъ каждый завѣдывалъ на кораблѣ. Училъ править вахту, какъ на ходу, такъ и на якорѣ. Училъ заботиться о людяхъ, внушивъ разъ навсегда чувство отвѣтственности за нихъ во всѣхъ случаяхъ жизни корабля. Расписанные по частямъ старшихъ спеціалистовъ, мы пристально всматривались во всѣ виды военнаго дѣла и даже педагогическую его часть. А наши старшіе спеціалисты были немного моложе Реммерта и товарищи его по прежнимъ плаваніямъ. Они были прекрасными офицерами, но каждый изъ нихъ еще былъ и влюбленъ въ свою часть. Поэтому между ними часто возникала борьба, въ которой, конечно, участвовали и мы, а это приводило насъ къ болѣе детальному ознакомленію со всѣми сторонами службы на кораблѣ. Такъ, напримѣръ, Боже сохрани въ чемъ нибудь обойти комендоровъ, — Любинскій на дыбы и требуетъ для нихъ всего, хотя бы за счетъ другихъ. Конечно, такъ же дѣйствуютъ и другіе — минеръ, электрикъ, штурманъ, механикъ. И вотъ тутъ выступаетъ фигура старшаго офицера, который, въ концѣ концовъ, за все отвѣчаетъ и поэтому всѣхъ долженъ и удовлетворить и примирить.

— Александръ Адольфовичъ, посмотрите-ка, да онъ не умѣетъ сигнала набрать — съ драматическимъ вздохомъ говоритъ командиръ, указывая на сигнальщика, что-то спутавшаго. И говоритъ не старшему штурману, имъ же очень уважаемому Н. Н. Азарьеву, а непременно Реммерту, — „вы ужъ тамъ разберитесь!", дескать. И мы на такихъ примѣрахъ начинали понимать, какова служба старшаго офицера и какъ важно ему быть отличнымъ и умнымъ человѣкомъ. Словомъ, для насъ, офицеровъ, это плаваніе было драгоцѣннымъ опытомъ.

Но были и отрицательныя стороны нашего опыта. Дѣло въ томъ, что читатель можетъ спросить о командѣ, какъ жила она и работала. Да, объ этомъ я не говорилъ, но вѣдь я обѣщалъ писать только о своихъ впечатлѣніяхъ,

а впечатлѣній о командѣ у меня немного, хотя я и былъ ротнымъ командиромъ.

Рота на кораблѣ — это понятіе чисто условное, хозяйственное и не имѣющее никакого содержанія въ строевой корабельной жизни. Тутъ начинается парадоксъ вреда нашего отличнаго корабельнаго устройства.

У насъ дѣятельность ротнаго командира сводилась, во первыхъ, къ полученію и раздачѣ всего, что полагалось матросу. Во вторыхъ, къ аккуратному храненію собственныхъ денегъ матроса. Въ третьихъ, къ защитѣ личныхъ и семейныхъ интересовъ матроса и къ полученію и раздачѣ почты. Но все это осуществлялось черезъ старшаго офицера и, слѣдовательно, носило всегда печать его воли, его характера. Въ особенности это касалось дисциплинарной и административной сторонъ жизни. Поэтому, естественно, что вся жизнь на кораблѣ была построена въ духѣ даннаго корабля, и индивидуальность младшаго начальника имѣла весьма малое значеніе.

А на нашемъ кораблѣ за все время плаванія ни одинъ матросъ не былъ отданъ подъ судъ, совершенно не помню ареста въ карцерѣ за какое нибудь преступленіе и ужъ, конечно, нечего говорить объ ударѣ, избіеніи и тому подобномъ.

Ни Зацареннаго, ни Реммерта просто нельзя было представить себѣ насильниками, или даже грубыми, а вѣдь „каковъ попъ, таковъ и приходъ", какъ говорится. Такъ что и намъ не приходилось проявлять какую нибудь грубость, если бы и хотѣли, — это было „не ко двору". Даже нецензурный лексиконъ у насъ не былъ распространенъ, если не считать района дѣйствій боцмана и машиннаго отдѣленія, гдѣ нашему старшему механику не было надобности терять время на подыскиваніе выраженій. Конечно, были и у насъ „преступники" среди болѣе чѣмъ шестисотъ человѣкъ команды. Какъ разъ помню случай въ моей ротѣ. Одинъ изъ матросовъ вернулся съ берега, взятый обходомъ, безъ голанки, — пропилъ. И даже старшій офицеръ видѣлъ это, фельдфебель это устроилъ по-своему.

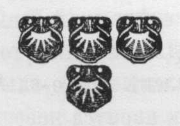
— Съ этакимъ человѣкомъ, Ваше Благородіе, и стыда не оберешься, — пойдутъ суды... допросы... — доложилъ онъ мнѣ. Я не докладывалъ дальше, а старшій офицеръ не спрашивалъ, такъ и прошло. Проспавшійся матросъ былъ потомъ „шелковымъ". Правда, такъ поступать можно было только потому, что это у насъ было рѣдкостью, а не обыкновеніемъ. Были у насъ неисправимые пьяницы, старшій офицеръ иногда ставилъ такихъ „подъ ружье", но это дѣлалось нечасто, — командиръ не любилъ, исходя изъ какихъ-то жизненныхъ правилъ.

Былъ у насъ постоянный скандалистъ на берегу и драчунъ, здоровенный гигантъ — командный кокъ. Но его команда ловко прятала, чтобы не попадался старшему офицеру на глаза. А боцманъ его уважалъ, какъ гордость корабля.
— Онъ дерется, это вѣрно, Ваше Благородіе, только не съ кѣмъ попало. Съ французомъ не дерется, у котораго не видать, гдѣ и душа то держится. А вотъ съ англичаниномъ, или, скажемъ, съ американцемъ, — это особь статья.

Такъ что ему подчасъ и надаютъ хорошо, но и онъ не задолжаетъ — будутъ помнить! — Такъ заступался за кока боцманъ и съ такой логикой даже Реммертъ ничего не могъ подѣлать. А такъ какъ англичане никогда не присылали оффиціальныхъ протестовъ (народъ понятливый, какъ говорилъ боцманъ), то и коку все сходило почти гладко, если не считать, какъ его ругалъ младшій докторъ, залѣчивая ему рожу.

Ротному командиру полагалось контролировать почту команды. Я этого не дѣлалъ и, кажется, никто не дѣлалъ, такъ какъ объ этомъ никогда никто не говорилъ. И, можетъ быть, напрасно, т. к. наряду съ письмами, адресованными: ,,уголъ Океана и Средиземнаго моря, въ Виго на броненосъ ,,Побѣда"... были и отлично на иностранномъ языкѣ адресованные письма, преимущественно въ машинную команду и фельдшерамъ. Словомъ, политическая часть у насъ была въ забросѣ и, можетъ быть, это единственная ошибка нашего командованія.

Окончаніе слѣдуетъ



КАСПІЙСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛІЯ 1918–1919.

ОПЕРАЦІЯ МЕЛКОСИДЯЩИХЪ КОРАБЛЕЙ и НАЧАЛО ЛИКВИДАЦІИ АНГЛИЧАНАМИ СВОЕЙ ФЛОТИЛІИ.

Окончаніе

2-го іюля, подъ брейдъ-вымпеломъ Начальника Флотиліи, чистенькій, выкрашенный въ шаровый цвѣтъ, вышелъ „Арагъ" въ море. 3-го онъ сталъ на якорь въ виду Бирюзяка, и Командующій съѣхалъ на берегъ для личнаго свиданія съ ген. Драценко. На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, „Арагъ" снялся съ якоря и вышелъ въ раіонъ Двѣнадцатифутового рейда съ цѣлью развѣдки. Море было мертво. Лишь невдалекѣ отъ о-ва Четырехбугорнаго на горизонтѣ показались два дыма, а затѣмъ и корпуса небольшихъ пароходовъ. Повидимому красные ничего не знали о появленіи вооруженныхъ кораблей у бѣлыхъ и подпустили „Арагъ" кабельтовыхъ на 30. „Арагъ", поднявъ стеньговые флаги, открылъ огонь, послѣ чего оба парохода, повернувъ обратно, полнымъ ходомъ бросились въ устье Волги. На выстрѣлы „Арага" они отвѣчали изъ своихъ кормовыхъ пушекъ. Дойдя до устья Волги, Мацылевъ повернулъ на Логань, гдѣ у входа въ каналъ, ничего не подозрѣвая, покачивался на якорѣ дозорный колесный пароходъ. Когда засвистѣли снаряды съ „Арага", красные поняли ошибку и, сдѣлавъ съ десятокъ безрезультатныхъ выстрѣловъ, поспѣшили скрыться за мысомъ въ Логани (въ это время она была занята красными). Вернувшись въ Бирюзякъ, „Аракъ" принялъ Командующаго и вышелъ на югъ къ острову Чечень, гдѣ попрежнему стояла англійская армада. На флагманскомъ кораблѣ Коммодора Норриса „Крюгерѣ" состоялось свиданіе послѣдняго съ кап. Ір. Сергѣевымъ, и передача флотиліи была рѣшена окончательно.

Вернувшись въ Петровскъ, Командующій объявилъ о пріемѣ въ первую очередь истребителей. Здѣсь только впервые мы познакомились съ этимъ новымъ оружіемъ въ морской войнѣ. Истребители, или какъ ихъ называли, „Семби" (отъ начальныхъ буквъ С.М.В. Coast Motor Boat) по внѣшнему виду напоминали лодки аппаратовъ-девятокъ. Они были снабжены авіаціонными моторами Фіатъ въ 250 HP и развивали скорость до 40 узловъ (размѣры ихъ: длина 36 фут., ширина до 6 фут., осадка 3 фута). Въ кормовой части,

въ особомъ желобѣ находилась мина Уайтхэда. Въ рукахъ смѣлаго командира и опытнаго моряка семби были страшнымъ оружіемъ.

Къ сожалѣнію, минами имъ почти не приходилось пользоваться, такъ какъ въ періодъ кампаніи большевики почти всегда маневрировали со своими многочисленными баржами на такомъ мелководьи, что не только глубина была недостаточна для миннаго выстрѣла (минимумъ 7 фут.), но и сами истребители проходили съ трудомъ.

Первая пара была принята 9-го іюля: № 1 (мичманъ Сеньковскій и м. мичманъ Эккъ) и № 2 (мичманъ Степановъ и и. м. Трейеръ). 12 іюля перешли къ намъ № 5 (мичманъ Скорописовъ и прап. Журавлевъ) и № 10 (мичманъ Лавровъ), 15 іюля — № 4 (мичманъ Павловъ, моторный ун. оф. Коваль), № 7 (мичманъ в. в. Завадовскій, подпоручикъ Сайгановъ), 18 іюля № 3 (лейт. Эльмановичъ) и № 6 (мичманъ в. в. Курицынъ).

Личный составъ энергично занялся изученіемъ „Семби" — выходили въ море, стрѣляли минами, производили эволюціи.

13 іюля на в-кр. „Азію" прибыли русскіе морскіе офицеры и команда астраханцы; англичане познакомили новыхъ хозяевъ съ конструкціей своихъ пушекъ и, выйдя въ море, произвели практическую и боевую стрѣльбы. 14-го они покинули корабль. „Азія", 2-хъ винтовой наливной пароходъ, водоизмѣщеніемъ тысячи въ двѣ тоннъ, имѣла 4 англійскихъ 4" пушки (Марка" 4") съ дальностью 48-50 кабельтовыхъ, расположенныхъ въ діаметральной плоскости, и была снабжена прожекторомъ, дальномѣромъ, переговорными трубами и радіотелеграфомъ. Машины находились въ исправности, но котлы и питательный трубопроводъ текли.

„Азію" получилъ въ командованіе кап. 2 р. Пышновъ. Судовые офицеры: мичмана — Милькомановичъ, Мичуринъ, Омосовъ, Масловъ, инж. мех. мичманъ Литвинюкъ, мичманъ в. в. Ющенко, Цвѣтковъ и машинный кондукторъ Терентьевъ.

15 іюля пришли изъ Баку колесные пароходы „Надежда" Sistership „Арага" и („Ленкоранецъ" Sistership „Кизиль-Агага"). Они были въ буквальномъ смыслѣ выкрадены оттуда наспеціализировавшимся по этой части прапорщикомъ Пузанковымъ (онъ же привелъ первую группу). На „Надеждѣ" немедленно приступили къ установкѣ 2-хъ 4" пушекъ и одного помъ-пома (зенитной 40 мм.). Командиромъ „Надежды" назначили лейт. Р. Э. Виренъ и перевели на нее мичмана Вильгельминина, инж. мех. мичмановъ Колесникова и Фроуда и мичмана в. в. Яхимовича.

16 іюля отъ англичанъ приняли базу истребителей, большой наливной пароходъ „Каму" (1 — 75 мм. и 1 помъ-помъ), на которую немедленно подняли истребители № 1 и № 2. „Каму" и дивизіонъ истребителей (12 штукъ) получилъ въ командованіе лейтенантъ Страутингъ, судовыми офицерами — поручикъ п/А. Матвѣевъ, подпоручикъ п/А. Мартенсонъ, мичманъ в. в. Александровъ, штурманъ коммерческаго флота Столяровъ.

Вернувшись изъ перваго похода, „Арагъ" былъ сданъ лейтенантомъ Мацылевымъ мичману Сукину. За эти же дни на „Арагѣ" вмѣсто 75 мм. были установлены двѣ 4" пушки.

По готовности кораблей, сухопутнымъ и морскимъ командованіемъ рѣшено было, высадивъ, при поддержкѣ судовой артиллеріей, дессантъ, овладѣть Логанью.

15 іюля вспом. крейс. „Азія", пос. суд. „Доброволецъ" и транс. „Кизилъ-Агачъ" съ дессантомъ вышли въ операцію. У Бирюзяка къ нимъ присоединился „Арагъ". Огибая отмели и банки, отрядъ двигался миляхъ 30-40 отъ берега, съ расчетомъ подойти потомъ съ Нордъ-Оста къ Логани. Одновременно съ высадкой дессанта съ большихъ кораблей на Логань должна была быть произведена атака партизанскимъ отрядомъ изъ астраханскихъ рыбаковъ подъ командой капитана Склянина (широко извѣстный въ сѣверной части моря богатый рыбопромышленникъ). „Склянинцы" двигались на мелкихъ рыбницахъ подъ самымъ берегомъ, имѣя, въ качествѣ охраны, катеръ „Ретвизанъ" съ пулеметами. Ниже приводится отрывокъ изъ дневника участника этой экспедиціи. Вотъ, что онъ пишетъ:

„19 іюля нашему „Ретвизану" выпала почетная роль буксировать подчалки (парусныя шлюпки), числомъ около 30. Невольно возникало сомнѣніе, справится ли онъ съ этой задачей, имѣя машину 18 HP.

Вышли изъ Бирюзяки въ 6 вечера. Идемъ, какъ и ожидалось, черепашьимъ ходомъ. Въ 7 ч. 30 м. Склянинъ, организаторъ всего похода, замѣтилъ на горизонтѣ дымъ и сразу же просилъ командира „удариться въ Черни" (на астраханскомъ жаргонѣ — мелководье), считая, что показался большевикъ. Вблизи опознали „Крѣпыша". Послѣ 12 ч. ночи вѣтеръ настолько засвѣжелъ, что „Ретвизанъ" почти не двигался впередъ.

Полагая, что мы уже недалеко отъ Логани и находимся со стороны Мангута, Склянинъ приказалъ встать на якорь. Каждый сдѣлался нѣсколько растропнѣе и внимательнѣе. Шапошниковъ забезпокоился о пулеметѣ. Къ разсвѣту надвинулся сильный туманъ. Гдѣ мы находимся? Команда пріуныла, предчувствуя что-то неладное.

„Вчера вѣтеръ не пущалъ, сегодня туманъ не пущаетъ" ропотали слабые. Вскорѣ потянуло съ моря, и туманъ началъ разсѣиваться... въ морѣ показались силуэты неизвѣстныхъ судовъ. Кто-то радостно кричитъ: „Арагъ!", я отлично знаю, что это „Арагъ".

Но сомнѣніе закрадывается у многихъ и вопросъ: — свои ли? мелькаетъ и сверлитъ мозгъ.

— Странно что-то онъ маневрируетъ — замѣчаетъ кто-то.

—Эхъ, запустилъ бы хоть одну!.. Послушали... — тоскливо вырывается у астраханца партизана.

Да, хочется чтобы скорѣе ухнуло орудіе, тогда отпадутъ всѣ сомнѣнія. Вѣдь большевики уже видятъ насъ съ вышки. Я стараюсь вѣрить, что эти темные силуэты — свои.

Остановили шедшій съ сѣвера подчалокъ, и старикъ рыбакъ сообщилъ, что среди красныхъ въ Логани большое смятеніе. Въ 6 ч. 30 м. дали ходъ. Склянинцы взобрались на мачты рыбницъ, и увѣренность, что въ морѣ крейсируютъ „Арагъ" и „Азія", все растетъ.

Команда повеселѣла. Въ 8 ч. 20 м. вернулся подчалокъ съ развѣдчиками, и окончательно установлено, что корабли въ морѣ — наши. Съ „Арага" на подчалкѣ намъ прислали фельдшера съ медикаментами. Въ 8 ч. 40 м. первые подчалки высадили дессантъ. Идутъ въ водѣ, разсыпавшись цѣпью. Настроеніе серьезное, вдумчивое.

Изъ Логани пока не стрѣляютъ. „Крѣпышъ" первымъ входитъ въ Мангутскій каналъ, за нимъ движемся мы, имѣя 15 подчалковъ на буксирѣ. На горизонтѣ „Арагъ", „Кизиль-Агагъ" и еле-еле видна „Азія". Пролетѣли два нашихъ аэроплана. Хочется вѣрить, что все продумано и дѣйствія частей согласованы.

Цѣпи вышли на берегъ. Около 11 ч. проходимъ мимо промысловъ. Большевистская застава, бывшая здѣсь, бѣжала. Показались какіе-то всадники. „Крѣпышъ" обстрѣлялъ ихъ — они скрылись... Въ 11 ч. 15 м. мы вошли въ Логань. Въ селѣ началась сильнѣйшая ружейная стрѣльба. Заработалъ пулеметъ съ „Крѣпыша". А вотъ, съ сѣвера показался въ каналѣ „Арагъ", и съ него блеснули первыя вспышки. На гребнѣ холма, гдѣ только что была видна перебѣжка красныхъ цѣпей, взметнулись столбы бураго дыма. Залпъ легъ очень удачно. Далѣе снаряды „Арага" рвутся у вышки съ краснымъ флагомъ, а нѣсколько угодило въ промыселъ. Въ 11 ч. 45 м. „Арагъ" въ каналѣ у самой Логани! „Крѣпышъ", выйдя на открытое мѣсто, стрѣляетъ какъ бѣшеный изъ своего пулемета. Несомнѣнно одно, что Никифоровъ хочетъ отличиться. Снаряды съ „Арага" легли около склянинскихъ цѣпей, и среди нихъ поднялась паника. Въ полдень „Крѣпышъ" вернулся къ намъ, отъ „Арага" отдѣлился подчалокъ. Стрѣльба затихла, и распространился слухъ, что Логань взята. Въ 12 ч. 35 м. снова заработалъ въ селѣ пулеметъ и немедленно грохнули пушки „Арага".

Я рѣшилъ выкупаться, пока „Ретвизанъ" стоитъ на рейдѣ безъ дѣла. Только что подплылъ я къ берегу, какъ въ 25 саженяхъ разорвался снарядъ. Черезъ минуту второй ударилъ въ холмъ, гдѣ стоялъ нашъ пулеметъ. Застава съ холма отошла къ берегу. Кто-то передалъ, что показались пароходы красныхъ. Думаю — фантазія. Просто стрѣляетъ трехдюймовка изъ Логани.

Около 3-хъ кабельтовъ, у борта „Арага" вдругъ вижу громадные всплески отъ паденія тяжелыхъ снарядовъ. Это уже не фантазія. Съ „Арага" сигналъ — „шлюпкамъ вернуться". Кто стрѣляетъ, откуда — неизвѣстно. „Кизилъ-Агачъ" въ дыму... „Арагъ" снимается съ якоря и направляется къ выходу изъ

канала, противъ котораго показались силуэты пароходовъ красныхъ. „Арагъ" весь покрытъ всплесками отъ разрывовъ снарядовъ и бѣшено отстрѣливается. Наконецъ, слава Богу, ему удалось выскочить изъ канала. Въ морѣ слышна канонада...

На берегу сильная ружейная стрѣльба, работаютъ пулеметы... Немного спустя появились отходящіе къ подчалкамъ склянинцы. Операція не удалась. Склянинъ приказалъ отходить. Огонь большевики перенесли по намъ, но къ счастью попаданій не было...

Въ морѣ во время высадки склянинцевъ происходило слѣдующее: „Арагъ" и „Кизилъ-Агачъ" подошли уже вплотную къ Логани, когда съ „Азіи", крейсировавшей на глубинѣ 12 фут. (при осдкѣ въ 10 ф.), замѣтили на Нордъ баржу съ 6" пушками и пароходы.

Красные шли на Логанъ и вскорѣ открыли огонь по „Арагу". Послѣднему срочно пришлось выходить изъ канала, чтобы не быть отрѣзаннымъ вовсе. „Азія", видя тяжелое положеніе нашихъ кораблей у Логани, пошла на сближеніе. Съ 70 каб. баржа открыла огонь по „Азіи", держа послѣднюю все время въ накрытіи. Дойдя до предѣльной глубины, когда винты уже заработали въ илѣ, „Азія" повернула. Нѣсколько залповъ съ нее дали громадные недолеты до красныхъ. Отъ сотрясенія корпуса течь въ котлахъ и трубопроводѣ настолько усилилась, что изъ подъ обстрѣла ей пришлось выходить трехузловымъ ходомъ. По счастью, ни одного попаданія въ нее не было. Отрядъ изъ подъ Логани направился къ о-ву Тюленьему, гдѣ „Азія" занялась починкой поврежденнаго трубопровода. „Кизилъ-Агачъ" ушелъ въ Бирюзякъ и высадилъ тамъ дессантъ. Черезъ двое сутокъ „Азія" вышла на Нордъ въ раіонъ Двѣнадцатифутового рейда для крейсерства въ ожиданіи прихода „Европы" съ 6" артиллеріей.

Англичане передали „Европу" 18-го іюля. Это былъ наливной пароходъ тысячи на три тоннъ, двухвинтовой, съ ходомъ до 12 узловъ. Въ ту пору „Европа" была вооружена двумя разстрѣлянными 6" пушками устарѣвшаго типа, съ дальностью около 70 каб. Имѣлся прожекторъ, радіотелеграфъ, дальномѣръ, перегозорныя трубы. Мостикъ былъ защищенъ отъ осколковъ. Командовалъ „Европой" лейт. Мацылевъ, а на судовыя ваканціи расписали слѣдующихъ офицеровъ: лейт. Дукшъ-Дукшинскій, мичманы — Ламсаковъ, Павловъ, Янковичъ, Соколовъ, механикъ кап. п/А. Косовъ, механикъ коммерч. флота Яксичъ, мичманы в. в. Костюченко, Шитцъ, Ющенко и капитанъ дальнего плаванія Кулисъ.

Вслѣдъ за передачей „Европы" англичане покинули и остальные корабли, стоявшіе теперь недвижимыми у стѣнки въ Петровскѣ. Если бы большевики только знали, что въ морѣ они могли встрѣтить одну „Азію" и „Арага", возможно, что тогда исторію Каспійской Флотилии пришлось бы закончить настоящей страницей.

Канонерская лодка „НАДЕЖДА".

17-го іюля мы приступили къ работамъ по крѣпленію корпуса для двухъ 4" пушекъ и одной 40 мм. зенитки (Пом-пом), а 1-го августа, опробовавъ артиллерію, установивъ прожекторъ и дальномѣры, выкрасившись въ шаровый цвѣтъ, вышли въ свой первый походъ на смѣну „Арага". Тяжело приходилось послѣднему. Въ раіонъ Логани онъ сдерживалъ натискъ красныхъ колесныхъ пароходовъ, пытавшихся блокировать и обстрѣливать флангъ арміи и самую Логань, взятую уже къ тому времени казаками ген. Драценко и превращенную въ базу всего астраханскаго фронта. Постоянныя схватки, а главное полная оторванность отъ остальныхъ большихъ кораблей (не имѣвшихъ возможности подойти ближе 15-20 миль къ раіону Логани) и угроза быть окруженными, порядочно выматывала личный составъ. Передъ самымъ нашимъ приходомъ, „Арагъ" какимъ-то чудомъ выскочилъ безъ всякихъ потеръ изъ Логанскаго канала, гдѣ, въ туманѣ, къ нему подошли штукъ пять пароходовъ и, захвативъ его въ полукольцо, принялись съ небольшой дистанціи разстрѣливать его изъ всей своей артиллеріи.

Итакъ, мы были готовы и съ „Арагомъ" образовали второй отрядъ такъ называемыхъ „мелкосидящихъ кораблей". Вдвоемъ мы уже являлись серьезной угрозой для тучи вооруженныхъ волжскихъ пароодовъ, и только баржи съ ихъ дальнобойными тяжелыми пушками могли не особенно считаться съ нашимъ присутствіемъ. Нельзя сказать, что въ открытомъ морѣ въ свѣжую погоду мы чувствовали себя очень комфортабельно на нашемъ плоскодонномъ дреднаутѣ съ пятифутовой осадкой. Но, къ счастью, наши опасенія перевернуться или потерять колесо такъ и не оправдались. Да и корпусъ оказался въ отличномъ состояніи (на „Надеждѣ" даже палуба была желѣзная).

По началу намъ все благопріятствовало. Шлепая лопастями колесъ и плавно покачиваясь на мертвой зыби, мы печатали свои семъ узловъ, имѣя все время слѣва въ виду пустынный и низменный берегъ. Прошли о-въ Чечень, заглянули въ раіонъ Бирюзяка и наконецъ, около о-ва Тюленьяго, розыскали Бориса Михайловича Пышнова на „Азіи" и „Каму" съ истребителями. Съ часу на часъ ждали появленія „Европы". „Азія" приняла радіо изъ Логани съ запросомъ, гдѣ же „Надежда". Ген. Драценко извѣщалъ, что въ раіонѣ Логани около 11 пароходовъ красныхъ и красные обстрѣливаютъ селеніе. На слѣдующій день, 3-го августа, во исполненіе приказа ген. Драценко, мы вышли съ „Европой" на сѣверъ. Часа въ три пополудни, когда по счисленію мы были недалеко отъ цѣли, „Европа" дошла до предѣльныхъ глубинъ и, имѣя подъ килемъ одинъ футъ воды, застопорила машины.

Распрощавшись съ ней, мы легли на Логань и довели ходъ до полнаго. Вскорѣ показался церковный куполъ, а затѣмъ и узенькая полоска берега. Къ нашей радости флотилія красныхъ ушла. Я повторяю, къ радости, ибо

отъ встрѣчи съ 11-ю пароходами никто ничего хорошаго не ждалъ. Вдругъ, справа по носу на горизонтѣ появился силуэтъ однотрубнаго корабля, и въ дальномѣръ мы отчетливо увидѣли на мачтѣ громадный красный флагъ. „Надежда" приготовилась къ бою.

Разстояніе уменьшалось медленно и врагъ казался недвижимъ. Все на „Надеждѣ" затихло и лишь отчетливо вырывалось наружу равномѣрное дыханіе машины. Люди впились глазами въ маленькій черный корабликъ, откуда вотъ-вотъ должны будутъ блеснуть яркія вспышки пушечныхъ выстрѣловъ. Даже „вольный" механикъ, взобравшись на кожухъ машины, съ какимъ-то недоумѣніемъ смотрѣлъ то на мостикъ, то на приближавшихся красныхъ. Команда жалась другъ къ другу, нѣкоторые инстинктивно старались укрыться за палубными надстройками. А около пушекъ уже лежали груды лидитныхъ снарядовъ и сами они казались живыми. Открытыя жерда орудій безшумно и жадно слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ врага, ежесекундно готовыя со страшнымъ ударомъ судорожно рвануться назадъ, ослѣпивъ на мгновеніе и ударивъ въ лицо струей раскаленнаго газа, послать свой фугасный гостинецъ.

Все мое вниманіе на дальномѣрѣ. Вѣдь сейчасъ будетъ экзаменъ!.. И въ мысляхъ мелькаютъ отрывки изъ „правилъ стрѣльбы". — Вилка, накрытіе и залпы на пораженіе — планъ ясенъ и простъ. Только не подвели бы астраханцы... Разстояніе уже 50 каб., и я передаю командиру. Въ машинѣ звонокъ. Мы убавили ходъ. „Ну, сейчасъ начинается!"... — „Открывайте огонь!" — кричитъ мнѣ Виренъ, — „мы на курсовомъ углѣ". Кое-кто изъ матросовъ, зажавъ уши, пригнулся. „ЗАЛПЪ!"... передаетъ въ переговорныя трубы команду матросъ астраханецъ. Рѣзкій ударъ заставилъ все заходить ходуномъ на палубѣ, и на секунды горизонтъ изчезъ за облакомъ раскаленнаго воздуха.

Недолетъ ясно виденъ. А вотъ и отвѣтъ съ краснаго, и двѣ вспышки сверкнули на немъ, а секундъ черезъ 25 столбы воды за нашей кормой указали, куда легли оба снаряда. Нервы сразу стали спокойны, непріятнаго чувства подъ ложечкой какъ не бывало. Мы оказались счастливѣе, и третій или четвертый залпъ былъ явнымъ накрытіемъ. Я забылъ о своемъ твердомъ рѣшеніи стрѣлять, конечно, только залпами, заоралъ „бѣглый огонь" и впился въ бинокль.

Какъ стрѣляли большевики, право, не помню. Знаю, что попаданій въ насъ не было. А офицеры „Европы", наблюдавшіе на горизонтѣ картину боя и не зная, въ какомъ числѣ непріятель, потомъ увѣряли, что не думали, что „Надежда" вернется, ибо такъ энергично „гвоздилъ" по намъ невидимый врагъ и мы, въ свою очередь, открыли такую пальбу, что можно было подумать, что передъ нами весь красный флотъ (выпустили 90 снарядовъ). Бой былъ коротокъ. Вскорѣ мы сбили съ краснаго мачту, умолкло одно изъ орудій и съ креномъ онъ началъ ложиться обратно, но, развернувшись, остался недвижимъ, повидимому выкатившись на банку. Стрѣльба прекратилась, и отъ него отдѣлилась шлюпка. Скомандовавъ „дробь" своимъ плутонгамъ, мы легли

прямо на пароходъ, но обнаруживъ справа въ морѣ присутствіе еще четырехъ кораблей, повернули къ „Европѣ", дабы въ темнотѣ насъ не окружили превосходными силами.

Казаки и штабъ, наблюдавшіе съ берега за всѣми перепетіями боя были въ восторгѣ, и радіостанція „Европы" приняла телеграмму ген. Драценко, въ теплыхъ выраженіяхъ благодарившаго командира и личный составъ канонерки. Мы были горды первымъ успѣхомъ. 4-го августа, вмѣстѣ съ „Европой", мы держались въ раіонѣ Двѣнадцатифутового рейда. 5-го, выйдя на сѣверъ, встрѣтили на широтѣ Логани два парохода (вооруженныхъ каждый 2-мя 75 мм.) и послѣ короткой перестрѣлки прогнали ихъ въ Волгу. Въ ночь на 6-ое стало свѣжѣть отъ Нордъ-Веста. Вѣтеръ вскорѣ дошелъ до силы шторма — море ревѣло. Пришлось срочно уходить на югъ, т. к. вода быстро спадала. Слѣдующій день мы отстаивались на обоихъ якоряхъ. 7-го стихло, и „Европа" приняла телеграмму о приходѣ транспорта „Кизилъ-Агачъ", котораго надлежало проконвоировать до самой Логани. 8-го мы вышли навстрѣчу и миляхъ въ 30 южнѣе Логани, опознавъ транспортъ, передали по семафору вступить тамъ въ кильватеръ.

Палуба „Кизилъ-Агача" была полна офицеровъ, казаковъ и кромѣ того на фронтъ пробирался какой-то госпиталь, о чемъ можно было судить по группамъ сестеръ милосердія. На буксирѣ транспорта шло штукъ пять рыбницъ, на предметъ высадки пассажировъ. Подходя къ Логани мы усмотрѣли три дыма, и затѣмъ показались еще два. Передавъ на „Кизиль-Агачъ" итти къ берегу и срочно приступить къ высадкѣ пассажировъ, направляя всѣ рыбницы въ Мангутскій проливъ, мы приготовились къ бою и съ Андреевскимъ флагомъ на стеньгѣ полнымъ ходомъ пошли прямо на красныхъ. Увидя „Надежду" (а вдали еще одинъ силуэтъ), три первыхъ парохода, шедшихъ въ кильватеръ на югъ, повернули на 8 румбовъ вправо. Въ наши расчеты не входило ввязываться въ бой съ пятью; необходимо лишь было отвлечь вниманіе врага отъ начавшейся выгрузки съ транспорта, и потому, покатившись влѣво, мы легли на параллельный курсъ. Такъ и шли малымъ ходомъ, медленно сближаясь, но не открывая огня.Два другихъ парохода, повидимому съ малыми пушками, держались поодаль. Наконецъ „Кизиль-Агачъ" закончилъ свою операцію, и въ бинокль мы увидѣли, что послѣдній подчалокъ скрылся въ Мангутѣ.

Р. Э. Виренъ приказалъ итти на сближеніе. На предѣльной дистанціи мы разрядили по краснымъ кормовое орудіе (кабельтовыхъ на 7 дальнобойнѣе носового). Два парохода начали намъ отвѣчать, давая все время небольшіе недолеты. Когда наши залпы дали накрытіе, красные повернули на сѣверъ. Но и мы, въ свою очередь, при появленіи на горизонтѣ баржи съ 6" пушками, отошли подъ прикрытіе „Европы".

На слѣдующій день ген. Драценко вызвалъ насъ снова къ Логани, сильно пострадавшей отъ артиллерійскаго огня большевистской флотиліи. Телеграммой онъ приказалъ намъ „потонуть, но не покидать больше Логани...". На

этотъ разъ мы подошли къ вечеру 9-го сентября и притомъ появились послѣ заката солнца въ темной Вестовой части горизонта. Три большевистскихъ корабля, расположившихся прямо у входа въ каналъ, повидимому насъ замѣтили лишъ тогда, когда горизонтъ освѣтился залпомъ четырехдюймовокъ. Управлять огнемъ было трудно, и думаю, что красные отдѣлались больше испугомъ. Развивъ предѣльную скорострѣльность, мы заставили своими залпами большевиковъ въ паникѣ заметаться по рейду, а затѣмъ броситься наутекъ въ Волгу. Въ результатѣ этого боя пароходы больше не показывались въ раіонѣ Логани, и мы провели на якорѣ относительно спокойныхъ два дня.*) 11-го, къ великому ликованію, пришелъ изъ Петровска „Арагъ" и сталъ рядомъ на якорь. 12-го, по распоряженію ген. Драценко, мы вышли на сѣверъ. Въ устьѣ Волги мы встрѣтили два дозорныхъ колесныхъ парохода, которые послѣ перваго же накрытія отошли вверхъ по рѣкѣ.

Слѣдуя за ними „Арагъ" и „Надежда" достигли широты деревни Вахромеевой (миль 10-15 отъ устья) и такимъ образомъ позволили сухопутнымъ частямъ занять о. Четырехбугорный. Вернувшись, мы получили предписаніе снова итти на слѣдующій день въ Волгу, подняться верстъ на сорокъ (повидимому въ штабѣ считали, что разъ на картѣ все закрашено синей краской, значитъ нѣтъ причинъ, почему бы корабль не могъ пройти) и тамъ, на поворотѣ Волги, помогая войскамъ, сбить какую-то батарею и держаться впредь до распоряженій. Отъ деревни Вахромеевой до указаннаго поворота можно было пройти только узкимъ и извилистымъ фарватеромъ, на которомъ всѣ знаки были сняты. Наши рыбаки категорически отказывались вести такой корабль какъ „Надежда" — нуженъ былъ опытный лоцманъ. Кромѣ того, въ 8 верстахъ отъ цѣли похода находилась вся красная флотилія in corpore Штабъ утѣшалъ, что по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного парохода въ устьѣ рѣки. Обѣщали даже выслать аппаратъ. Но, даже предположивъ, что все правда и никто намъ не будетъ мѣшать заниматься промѣромъ (карты фарватера не было) и мы доберемся до поворота, все же было неясно, какъ вырваться обратно подъ огнемъ всего краснаго флота (большевики также могли обойти насъ и по десяткамъ боковыхъ протоковъ). Командиръ, прочитавъ предписаніе, просилъ лишь, чтобы на походъ былъ данъ опытный лоцманъ и на „Надеждѣ" отправился кто-нибудь изъ чиновъ штаба. И то и другое намъ обѣщали. Конечно, къ моменту отхода никто не явился, ни видали также и аэроплана. Прождавъ часа два, „Надежда" и „Арагъ" снялись и вышли къ Четырехбугорному.

Далѣе, въ вахтенномъ журналѣ на 14-ое августа 1919 г. записано:

10.25 ам. Въ каналѣ появились два парохода. Боевая тревога. „Арагу"

---

*) 10-го, какой-то пролетавшій аппаратъ, повидимому свой, сбросилъ въ насъ бомбы.

семафоръ: „держитесь въ морѣ и наблюдайте за боковыми каналами".

11.05	Разстояніе по дальномѣру 10 500 ярдовъ (52 каб.). Красные открыли огонь, недолеты 5 кабельтовыхъ. Идемъ на сближеніе.
11.10	Разстояніе 9 500 ярд. Открыли огонь изъ кормового орудія.
11.12	Слѣва показался третій пароходъ.
11.15	Красный пароходъ въ накрытіи, уходитъ вверхъ. Бѣглый огонь.
11.16	Разстояніе уменьшается — 9 000 ярдовъ. На максимальномъ углѣ возвышенія открыли огонь изъ носового орудія.
11.17	Поврежденіе въ машинѣ. Нѣтъ хода. Развернуло теченіемъ и сноситъ на банки. Кормовое орудіе въ мертвомъ углѣ. Носовое не можетъ стрѣлять, т. к. створится со штагомъ фокъмачты и катъ-балки. Семафоръ „Арагу" — „Имѣю поврежденіе въ машинѣ,вступите въ бой".
11.19	Мы въ накрытіи. „Арагъ" идетъ полнымъ ходомъ.
11.21	Залпы красныхъ недолеты 1 — 1.5 кабельтова.
11.30	„Арагъ" подошелъ и открылъ огонь по краснымъ.
11.32	Исправили поврежденіе. Дали малый ходъ. Открыли огонь изъ обѣихъ орудій.
11.34	Дали накрытіе по краснымъ.
11.35	Красные уходятъ къ Норду. Кормовое орудіе не накатывается.
11.37	Кормовое орудіе исправили и открыли огонь.
11.38	Заклинился замокъ носового орудія.
11.40	Разстояніе увеличилось до 10 000 ярд. Красные прекратили огонь.
11.41	„Дробь" кормовому орудію. Дали ходъ и пошли на сближеніе.
11.42	Справа показался четвертый пароходъ и слѣва виденъ дымъ пятаго.
11.44	Открыли огонь изъ кормового орудія.
11.47	Кормовое орудіе не накатывается. Красные маневрируютъ на фарватерѣ къ Норду отъ деревни Вахромеевой.
11.50	Исправили носовое орудіе и на дистанціи 9 000 ярдовъ открыли огонь.
11.56	Носовое орудіе даетъ недолеты. „Дробь".
11.57	Разстояніе увеличивается. Исправили кормовое орудіе и открыли огонь.
12.00	Разстояніе по дальномѣру 10 200 ярдовъ. Прекратили огонь.
12.01 pm.	Семафоръ „Арагу" — „Имѣю неисправными обѣ пушки и поврежденіе въ машинѣ. Слѣдовать за мною.

12.08 Легли на обратный курсъ по каналу.

12.30 Отбой боевой тревоги. Выпущено изъ носового орудія 34 снаряда, изъ кормового — 65 снарядовъ.

Оставивъ „Арагъ" въ раіонѣ Логани, мы вышли прямо въ Петровскъ пополнить запасъ снарядовъ и привести въ порядокъ артиллерію и машину.

Въ морѣ мы встрѣтили „Дмитрія Донского" подъ командой кап. 2 р. Бушенъ. Въ Петровскѣ носовое орудіе замѣнили англійской четырехдюймовкой послѣдняго типа съ дальностью 68 кабельтовыхъ. Когда всѣ работы подходили къ концу, въ Петровскъ привезли тѣла прапорщика Подлуцкаго и трехъ матросовъ, убитыхъ при взрывѣ „Арага", наскочившаго на мину загражденія и погибшаго въ раіонѣ Логани. Раненъ былъ также инж. мех. мичманъ Зубковъ.

Взводы съ „Надежды" проводили четыре гроба на мѣстное кладбище.

Въ началѣ сентября мы снова вышли въ море и на Двѣнадцатифутовомъ рейдѣ встрѣтили 5 или 6 большихъ кораблей (это, кажется, были: „Дмитрій Донской", „Слава", „Америка", „Кама" и „Волга") и маленькій „Доброволецъ" съ канонерской лодкой „Опытъ" (1 — 4" старой системы и 1 — 75 мм).

10 сентября съ отряда былъ замѣченъ дымъ на горизонтѣ, и „Надежда" получила приказъ выяснить, кто въ морѣ.

Вскорѣ мы увидели корпусъ небольшого парохода съ громаднымъ краснымъ флагомъ на мачтѣ. Послѣ перваго залпа съ „Надежды" красные бросились полнымъ ходомъ уходить къ Четырехбугорному. Минутъ 20 гнались мы за большевикомъ, время отъ времени посылая въ догонку снаряды изъ носового орудія.

„Баржа на насъ держитъ!"

Этотъ возгласъ сигнальщика отвлекъ наше вниманіе отъ парохода. Слѣва на горизонтѣ еле-еле обрисовывалась темная полоска чьей-то палубы, а рядомъ труба и мачта парохода. Разстояніе по дальномѣру было болѣе 90 кабельтовыхъ, когда на горизонтѣ блеснули двѣ вспышки. Черезъ полминуты съ гудѣніемъ пронеслись надъ нами два 6" снаряда и разорвались въ кабельтовыхъ трехъ. Слѣдующій залпъ — перелетъ полъ кабельтова, осколки засвистѣли надъ палубой. Виренъ застопорилъ машину, и большевики дали недолетъ въ одинъ кабельтовъ.

Къ этому времени показалась вторая баржа, и мы, отойдя на предѣльную дистанцію артиллерійскаго огня баржъ, въ теченіи часа изображали плавучій щитъ для красныхъ комендоровъ.

13-го сентября въ раіонѣ Логани обнаружили 5 пароходовъ и 2 баржи. Суда красныхъ держались внѣ досягаемости пушекъ „Надежды". Баржи стрѣляли по намъ съ предѣльныхъ дистанцій, но безъ всякаго результата. Весь день мы держались въ виду большевиковъ на предѣлѣ ихъ артиллерійскаго огня.

14-го сентября тотъ же отрядъ появился въ морѣ и кан. лодка „Надежда" опять въ теченіе дня отвлекала на себя вниманіе и огонь красныхъ.

15-го сентября у Логани, съ разстоянія 85 каб., мы опять были обстрѣляны съ баржи. Въ тотъ же день, около 2-хъ часовъ дня, „Надежда", „Опытъ" и „Доброволецъ" встрѣтили 5 пароходовъ и баржи, шедшіе прямо на Логань. Мы приняли на себя огонь баржъ и отвлекли красныхъ отъ обстрѣла селенія. Часа три отрядъ ходилъ параллельными курсами съ красными, стараясь держаться на предѣлѣ огня. Въ это время большевики методично выпускали по намъ залпъ за залпомъ.

16-го сентября красные показались въ виду нашихъ большихъ кораблей, и бой завязался между отрядомъ кап. 2 р. Пышнова, въ составѣ „Донского", „Славы" и „Америки", и двумя баржами (красные пароходы, 5 штукъ, никакого участія не принимали). Стрѣляли только 6", и разстояніе боя было около 85 каб. На этотъ разъ красные проявили упорство, и огонь съ обоехъ сторонъ былъ интенсивенъ и точенъ. Залпы красныхъ порой ложились въ саженяхъ въ 10 и у самыхъ бортовъ, обдавая водой стоявшихъ на палубахъ. Но нашъ отрядъ шелъ словно заколдованный, и у красныхъ не было ни одного прямого попаданія. Мы же, воспользовавшись боемъ большихъ кораблей, вышли баржамъ на пересѣчку курса и поймали одинъ пароходъ, шедшій впереди остального отряда. Этотъ пароходъ былъ жестоко обстрѣлянъ и, давъ полный ходъ, спасся подъ защитой баржъ. Во время боя мы подошли къ этимъ послѣднимъ на 65 каб. и открыли огонь, когда 6" снарядъ съ „Донского", угодивъ въ одну изъ нихъ и окутавъ все бурымъ дымомъ разрыва, вывелъ ее совершенно изъ строя. Большевики сейчасъ же повернули обратно.

18-го сентября въ 11 ч. утра появился въ первый разъ красный аппаратъ, сбросившій съ высоты 500 метровъ 6 бомбъ на отрядъ.

Въ тотъ же день „Надежда" имѣла послѣдній свой бой съ красными. Вотъ выписки изъ вахтеннаго журнала:

10.10 ам.	Курсъ Нордъ Остъ 68°. Слѣва, на курсовомъ углѣ 40°, два дыма.
10.30	Боевая тревога. Разстояніе по дальномѣру 13 000 ярдовъ.
10.35	Открылъ огонь изъ носового орудія на разстояніи 12 500 ярдовъ.
10.40	Съ краснаго парохода залпъ изъ трехъ пушекъ. Паденіе непріятельскихъ снарядовъ перелетъ 2-3 каб., по цѣлику правильно. Опознали пароходъ типа „Князь Косожскій" (вооруженъ тремя русскими морскими 100 мм. пушками, ходъ 9 узловъ).
10.41	Легли на Нордъ.
10.45	Продолжая стрѣлять по непріятелю, исправили цѣликъ. Разстояніе 10 000 ярд. Красные въ накрытіи.
10.46	Ввели кормовое орудіе.
10.47	Снова по краснымъ накрытіе.

10.48 Курсъ Нордъ-Вестъ 80°. Красные дали по намъ накрытіе. (два недолета у борта, одинъ перелетъ). Полный ходъ.

10.49 Залпъ красныхъх легъ въ кильватерную струю въ разстояніи 1 каб. Разстояніе 11 000 ярд. Кормовому орудію — „дробь". Курсъ Зюйдъ-Остъ 50°.

11.15 Курсъ Остъ. Разстояніе 12 500 ярд.

11.20 Залпы красныхъ ложатся у борта „Надежды".

11.24 Курсъ Вестъ. Разстояніе 12 000 ярд.

11.36 Курсъ Нордъ-Остъ 50°. Разстояніе уменьшается.

11.37 Разстояніе 12 000 ярд. Красный пароходъ въ накрытіи. Наши снаряды рвутся подъ носомъ и кормой.

11.38 Красные поворачиваютъ и уходятъ на Нордъ.

11.38 Курсъ Нордъ.

11.45 Разстояніе 12 500. Снаряды „Надежды" рвутся вблизи краснаго парохода.

11.52 Красные уходятъ въ Волгу. Пробили отбой. Легли на Зюйдъ-Вестъ 30°.

12.00 Показалась баржа на Нордъ-Остъ.

12.35 рм. Пролетѣлъ непріятельскій гидропланъ (Нордъ--Нордъ-Остъ). Легли на эскадру.

Въ послѣдующіе дни красные особенной активности не проявили за исключеніемъ воздушныхъ атакъ.

18-го вечеромъ были сброшены 3 бомбы.

20-го утромъ 2 бомбы и вечеромъ 6 бомбъ.

21-го утромъ 4 бомбы и вечеромъ 5 бомбъ.

22-го сентября большевики снова появились въ морѣ, и на встрѣчу имъ вышли „Надежда" и „Опытъ". Находясь на широтѣ Логани, „Надежда" попала на минное загражденіе, взорвалась и затонула. Всѣ были спасены шлюпками съ „Опыта". Ранены были двое — кап. 1 р. Марковъ, прибывшій незадолго до похода на канонерку для изученія театра войны и знакомства съ отрядомъ, и командиръ лейт. Виренъ. Оба тяжело. Кап. 1 р. Марковъ впослѣдствіе долженъ былъ бы принять постъ Начальника Штаба Флотиліи.

„Надеждѣ" не повезло, ибо въ тотъ же день на большевистскомъ парусникѣ была захвачена „Америкой" карта минныхъ загражденій. „Америка" вышла въ крейсерство къ форту Александровскому и на разсвѣтѣ, въ раіонѣ 12-ти футового рейда, обнаружила на горизонтѣ парусникъ, который ст. лейт. Вакс-

мутъ рѣшилъ осмотрѣть. Когда „Америка" подошла къ борту послѣдняго, вся команда еще спала. Обыскъ по началу ничего не далъ, обратили на себя лишь вниманіе „рыбаки", видъ которыхъ внушалъ подозрѣніе. Повторный осмотръ далъ неожиданные результаты. Подъ килемъ былъ укрѣпленъ минный аппаратъ съ миной Уайтхэда, готовой къ выстрѣлу. Экипажъ былъ сплошь старые матросы коммунисты, получившіе громадные деньги за попытку атаковать какой-либо изъ нашихъ кораблей. Судомъ на эскадрѣ они всѣ, за исключеніемъ лишь одного человѣка, были приговорены къ разстрѣлу, и приговоръ привели въ исполненіе въ день гибели „Надежды".

Весной 1906 года выпускъ изъ Морского Корпуса былъ произведенъ не въ Мичманы, а въ Корабельные Гардемарины, вновь утвержденное званіе, права и обязанности котораго въ началѣ не были точно опредѣлены.

Лѣтомъ 1906 г., послѣ подавленія Свеаборгскаго возстанія, на лин. кор. „Слава" прибылъ Финляндскій Генералъ Губернаторъ, чтобы поблагодарить личный составъ отряда судовъ, принимавшаго участіе въ бомбардировкѣ крѣпости.

Встрѣченный съ соотвѣтствующими почестями, Генералъ Губернаторъ, обойдя фронтъ офицеровъ и поздоровавшись съ ними, приблизился къ фронту Корабельныхъ Гардемаринъ.

— А кто это такіе? — спросилъ Губернаторъ сопровождавшаго его Адмирала X.

— Это — Корабельные Гардемарины, пояснилъ Адмиралъ — съ ними громко не здороваются, но руки не подаютъ...

Контръ-адмиралъ Ю. К. Старкъ.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІИ 1921 – 1922 ГГ.

Продолженіе.

Борьба съ красными въ тыловомъ раіонѣ.

Въ тыловомъ раіонѣ, подвѣдомственномъ мнѣ, весь сентябрь и начало октября велась упорнѣйшая борьба съ красными. Въ противуположность многимъ минувшимъ періодамъ борьбы съ большевиками, мы на этотъ разъ, имѣя совершенно ничтожный гарнизонъ во Владивостокѣ, очень мало безпокоились за безопасность его, хотя было извѣстно, что возстаніе во Владивостокѣ было бы очень на руку большевикамъ. Дѣло было въ томъ, что въ случаѣ захвата большевиками Владивостока извнѣ по праву войны, поднимался вопросъ о правѣ ихъ на захватъ военныхъ грузовъ. По отзывамъ иностранной прессы, захватъ Совѣтской Россіей такого громаднаго количества запасовъ вооруженія представлялся Державамъ, еще не признавшимъ тогда большевиковъ, опаснымъ и могъ поэтому пріобрѣсти международное значеніе. Большевикамъ было бы кстати разрѣшить этотъ вопросъ путемъ внутренняго переворота во Владивостокѣ, чтобы поставить иностранцевъ передъ фактомъ паденія Бѣлаго правительства по волѣ самаго революціоннаго народа. Но ихъ организаціи во Владивостокѣ были слишкомъ слабы. Населеніе, относившееся пассивно къ факту возможнаго завоеванія, не склонно было помогать большевикамъ. Благодаря хорошо поставленному дѣлу контръ-развѣдки мы были освѣдомлены о каждомъ ихъ собраніи, каждомъ рѣшеніи и движеніи въ городѣ. Въ этомъ отношеніи моя освѣдомленность какъ Начальника Тыла базировалась, главнымъ образомъ, на свѣдѣніяхъ полученныхъ контръ-развѣдкой флотиліи, работа начальника коей, шт. кап. по Адмиралтейству Федуленко, была по истинѣ мастерской.

Зато въ остальныхъ раіонахъ тыла было крайне неспокойно. Даже Посьетскій раіонъ, до тѣхъ поръ считавшійся образцовымъ, началъ причинять мнѣ крупныя безпокойства. Съ уходомъ японцевъ съ охраны Уссурійской дороги, таковая охранялась только нашими частями, главныя силы которыхъ были оттянуты на фронтъ. Это вызвало рядъ взрывовъ партизанами желѣзнодорож-

ныхъ мостовъ, порчу пути, а затѣмъ, убѣжденные въ своей относительной безопасности, партизаны начали просачиваться къ югу отъ жел. дороги съ цѣлью грабежа еще достаточно богатаго Посьетскаго раіона. Это вызвало настоящую панику въ населеніи и могло бы закончиться переходомъ значительной части корейскаго населенія раіона на сторону красныхъ, что составляло угрозу тылу арміи тѣмъ болѣе, что масса корейцевъ имѣли оружіе, выданное имъ противохунхузнической организаціей Янковскихъ.

Въ первый моментъ для борьбы съ распространеніемъ партизанъ, появившихся около 6 сентября въ видѣ отряда въ 90 чел. при пулеметѣ, я могъ двинуть только сборный дессантный отрядъ изъ матросовъ ремонтирующихся судовъ около 60 шт., каковой и былъ высаженъ въ тотъ же день въ Сидими. Задержавъ дальнѣйшее распространеніе партизанъ и убѣдившись, что ни изъ гарнизона Владивостока, ни изъ арміи я не могъ получить подкрѣпленія, я поручилъ полковнику Вишневскому сформировать партизанскій русско-сербскій отрядъ. Этотъ офицеръ оказался очень энергичнымъ человѣкомъ и въ недѣльный срокъ собралъ больше 25 добровольцевъ сербовъ и русскихъ и 12 сентября былъ высаженъ съ отрядомъ въ Сидими на подмогу отряду матросовъ.

Партизаны, не принявъ боя, ушли къ сѣверу въ направленіи къ китайской границѣ.

Ожидая ихъ новаго появленія, я уговорилъ Начальника Резерва Рати, мнѣ неподчиненнаго, дать въ мое распоряженіе 100 чел. отъ Урало-Егерьскаго отряда (единственная боевая часть во Владивостокѣ), а также уже ввидѣ личной услуги выпросилъ у правофланговой группы войскъ (ген. лейт. Глѣбовъ) конный взводъ казаковъ въ 20 чел.

Когда, 20 сентября партизанскій отрядъ уже въ количествѣ 200 чел. съ пулеметами вновъ появился въ раіонѣ Сидими, всѣ эти силы были при помощи ледокола „Байкалъ" и пос. суд. „Стражъ" переброшены на западный берегъ Амурскаго залива. Правда, партизанамъ благодаря оплошности Начальника Своднаго Отряда удалось ускользнуть отъ преслѣдованія, но послѣ этого они перестали тревожить Посьетскій раіонъ, который я опять былъ вынужденъ оставить безъ защиты.

Борьба за охрану побережья Татарскаго пролива продолжалась непрерывно, отвлекая на себя почти что всѣ силы флотиліи.

Предполагавшееся въ концѣ августа окруженіе красныхъ въ раіонѣ б. Терней при помощи отряда ген. Пепеляева не удалось вслѣдствіе нерѣшительности послѣдняго. Командиръ к-л. „Илья Муромецъ" производившій развѣдку для этого отряда, имѣя мои инструкціи по выполненіи операціи у Тернія, слѣдовалъ на сѣверъ для установленія связи съ к-л. „Улиссъ" и гарнизономъ Императорской гавани и по отбытіи отряда ген. Пепеляева 1 сентября вышелъ изъ б. Джигитъ на сѣверъ. 2-го сентября „Илья Муромецъ" встрѣтилъ „Улисса" около Самарги. Выяснилось, что отрядъ партизана Колесниченко, выбитый въ началѣ августа изъ Императорской гавани, послѣ дол-

гихъ скитаній по лѣсамъ спустился на югъ и занялъ не охранявшуюся нами б. Гросевича (80 миль къ югу отъ Импер. гавани).

Командиръ к-л. „Илья Муромецъ", стар. лейт. Буцкой, коему моимъ приказомъ были временно предоставлены права Начальника Экспедиціоннаго Отряда, рѣшилъ снять гарнизонъ изъ Самарги и совмѣстно съ „Уллисомъ" выбить партизанъ изъ б. Гросевича. Въ полночъ на 3-е сентября суда подошли къ б. Гросевича.

Первая попытка высадки была отбита партизанами, съ потерями для насъ — убитъ 1 матросъ, раненъ 1 офицеръ и 4 стрѣлка. Перемѣнивъ нѣсколько мѣсто, произвели высадку вторично и на этотъ разъ удачно. Деревня Гросевича была занята нами. Развѣдка донесла, что отрядъ Колесниченко, сильно уменьшенный численностью, отправился вдоль берега на югъ съ цѣлью соединиться съ отрядомъ Назаренко, двинувшимся изъ Тернія на сѣверъ. 4 партизана изъ отряда Колесниченко сдались добровольно Начальнику Гарнизона б. Гросевича.

Оставивъ гарнизонъ въ б. Гросевича, к-л. „Илья Муромецъ" вышла во Владивостокъ для доставки раненыхъ. Такимъ образомъ, раіонъ побережья, находившійся подъ нашей охраной, вновь сократился и простирался теперь отъ б. Гросевича на сѣверъ до мыса Сизиманъ, гдѣ начиналась зона японской оккупаціи.

Изслѣдовавъ создавшееся положеніе я пришелъ къ заключенію, что при данномъ соотношеніи силъ я не могъ расчитывать въ короткій срокъ изгнать партизанъ съ побережья. Въ то же время, учитывая начинавшуюся на фронтѣ рѣшительную борьбу, я полагалъ необходимымъ сохранить болѣе или менѣе широкую базу на побережьѣ съ тѣмъ, что, въ случаѣ благопріятнаго для насъ исхода борьбы на фронтѣ, эта база послужила бы исходной для предпринятія операцій въ болѣе широкомъ масштабѣ. Достигнуть этого было возможно только при использованіи нашей сильной стороны —быстроты передвиженія на корабляхъ при примѣненіи системы нанесенія короткихъ ударовъ съ общей задачей привязать партизанъ къ извѣстнымъ пунктамъ и затруднить ихъ продвиженіе на сѣверъ. Необходимо отмѣтить, что вслѣдствіе плохихъ отношеній, установившихся къ этому времени между Правителемъ и японцами, полученіе нами боевыхъ припасовъ къ орудіямъ изъ нашихъ складовъ въ Минномъ городкѣ стало для насъ совершенно невозможнымъ, и мы принуждены были оперировать, имѣя по 100-150 патроновъ на винтовку и по 15-20 снарядовъ на орудіе, безъ всякой надежды на пополненіе.

Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній я, собравъ всѣ резервы какіе еще могъ выжать изъ батальона морскихъ стрѣлковъ, выслалъ ихъ на к. л. „Діомидъ" на подкрѣпленіе. Командиру к. л. „Діомидъ", кап. 2 р. Кореневу, назначенному мною Начальникомъ всего экспедиціоннаго отряда, была дана инструкція пройти прямо въ Императорскую гавань гдѣ, соединившись съ главными силами отряда, посадить дессантъ на „Діомидъ" и „Улиссъ" и,

оставивъ небольшой гарнизонъ для охраны базы, выйти на югъ, войти въ соприкосновеніе съ главными силами партизанъ и заставить ихъ броситься на югъ въ раіонъ Ольга-Тетюхи. Черезъ нѣсколько дней я предполагалъ выслать на подкрѣпленіе отряда еще п. с. „Аяксъ".

„Діомидъ" вышелъ изъ Владивостока 10-го сентября, имѣя еще побочную задачу конвоировать п. х. Добровольнаго Флота „Монгугай", на которомъ слѣдовала изъ Владивостока на различные пункты побережья лѣсоустроительная комиссія, назначенная распоряженіемъ Правителя.

„Діомидъ" вслѣдствіе шторма и плохого состоянія механизмовъ прибылъ въ Императорскую гавань лишь 16-го сентября.

17-го сентября „Діомидъ" и „Улиссъ" прибыли въ б. Гросевича, гдѣ были сосредоточены главныя силы батальона. Убѣдившись, что отрядъ Колесниченко, потрепанный въ предыдущій походъ к. л. „Илья Муромецъ" и „Улиссъ" продолжалъ держаться у Гросевича и только теперь тронулся па югъ, командиръ „Діомида" рѣшилъ найти и окружить его. 18-21 сентября продолжалась безрезультатная охота за маленькимъ отрядомъ Колесниченко, который благодаря отличному знанію мѣстности и привычкѣ къ тайгѣ ускользнулъ отъ преслѣдованія, уйдя затѣмъ на югъ, и оставивъ раіонъ Гросевича Императорская гавань навсегда.

21 сентября отрядъ вышелъ на югъ для отысканія главныхъ силъ партизанъ. 22-го, подойдя къ Самаргѣ и убѣдившись, что селеніе занято красными, кап. 2 р. Кореневъ высадилъ отрядъ въ 12 верстахъ сѣвернѣе, въ дер. Адеми. Выяснилось, что Самарга занята отрядомъ въ 120 чел. при 20 конныхъ и пулеметѣ. Нашъ отрядъ состоялъ изъ 112 чел. при одномъ пулеметѣ. На разсвѣтѣ 23 сентября наши, при поддержкѣ кораблей, атаковали Самаргу. Красные боя не приняли, но отступили не на югъ вдоль берега, какъ этого хотѣлось намъ, а вглубь страны, гдѣ въ нѣсколькихъ верстахъ находилась прекрасно оборудованная и снабженная продовольствіемъ японская концессія. Оставалось пожалѣть, что отрядъ потерялъ нѣсколько дней на охоту за ничтожнымъ отрядомъ Колесниченко. Теперъ нашъ отрядъ оказался въ невыгодномъ положеніи. Растянутый на большомъ участкѣ, противъ равнаго въ силахъ противника, съ малымъ комплектомъ патроновъ, онъ былъ вынужденъ или обороняться, оглядываясь на корабли, которые не всегда могли стоять на якорѣ у открытаго берега Самарги, или атаковать противника, за сѣвшаго въ лѣсистой мѣстности, лучше насъ вооруженнаго и обмундированнаго.

Воспользовавшись прибытіемъ посланнаго на подкрѣпленіе п. с. „Аяксъ", кап. 2 р. Кореневъ выслалъ к. л. „Улиссъ" во Владивостокъ съ донесеніемъ о создавшемся положеніи и съ просьбой объ усиленіи отряда. Нервное настроеніе отряда усилилось подъ впечатлѣніемъ извѣстія объ эвакуаціи японцами Николаевска и устьевъ Амура и о занятіи этого раіона красными, что теоре-

тически обнажало нашъ сѣверный флангъ и давало въ руки красныхъ выходъ къ морю и морскую базу.

К. л. „Улиссъ" 26 сентября прибыла во Владивостокъ. Занятый въ это время операціями въ Посьетскомъ районѣ, я почти ничего не могъ выслать на подмогу кап. 2 р. Кореневу. Все же, заключивъ изъ его донесенія, что въ отрядѣ наблюдается усталость, нервность и упадокъ духа, я рѣшилъ поддержать его чѣмъ могъ.

Мною было приказано немедленно посадить на корабль формировавшійся для побережья отрядъ милиціи, о которомъ я упоминалъ выше, и выслать его въ Самаргу. Отрядъ этотъ къ тому времени состоялъ изъ 40-50 чел., вооруженныхъ берданками, но надежныхъ по настроенію людей, большей частью бывшихъ солдатъ и офицеровъ. Хотя они не были вполнѣ боевымъ элементомъ, они могли быть предназначены для несенія гарнизонной службы въ спокойныхъ районахъ, что освободило бы отъ этихъ обязанностей боевую часть отряда.

27 сентября, т. е. черезъ сутки послѣ прихода „Улисса", к. л. „Илья Муромецъ" съ отрядомъ милиціи и съ пополненіемъ запаса патроновъ для отряда кап. 2 р. Коренева вышла на сѣверъ на соединеніе съ отрядомъ и 29 сентября, т. е. черезъ 4 дня послѣ ухода „Улисса" изъ Самарги, была на мѣстѣ. Но уже 27 сентября Самарга была оставлена нашимъ отрядомъ. Произошло слѣдующее:

26 сентября нашъ отрядъ рѣшилъ атаковать красныхъ, не ожидая подкрѣпленія. Атака была отбита, причемъ мы потеряли двухъ стрѣлковъ убитыми и одного раненымъ. Одновременно были получены свѣдѣнія о присоединеніи къ партизанамъ отряда Колесниченко. Въ этомъ неудачномъ для насъ бою отрядъ разстрѣлялъ значительное количество патроновъ изъ нашего болѣе чѣмъ скуднаго запаса. Кап. 2 р. Кореневъ, при такихъ условіяхъ, а также ввиду появленія признаковъ шторма, который по его мнѣнію лишилъ бы гарнизонъ помощи кораблей, рѣшилъ очистить Самаргу и отойти опять въ районъ б. Гросевичъ-Императорская гавань. Несомнѣнно была проявлена излишняя поспѣшность и нервность, т. к. черезъ полторы сутокъ, съ приходомъ к. л. „Илья Муромецъ", обстановка значительно измѣнилась въ нашу пользу. Штормъ также не могъ быть настолько опасенъ, т. к. въ 10-12 миляхъ къ сѣверу отъ Самарги, у мыса Сюфренъ, есть хорошая якорная стоянка, укрытая отъ самаго опаснаго въ это время года Нордъ Остоваго шторма. Туда же берегомъ могъ въ случаѣ надобности отступить и сухопутный отрядъ.

Командиръ к. л. „Илья Муромецъ", прибывшей 29 сентября въ Самаргу, уже занятую красными, наблюдалъ спокойную высадку рабочихъ китайцевъ и японцевъ съ п. х. Добровольнаго Флота на берегъ и самъ безпрепятственно простоялъ у Самарги весь день.

Такъ или иначе, нашъ отрядъ вернулся 28 сентября въ исходное положеніе въ б. Гросевича. Къ Начальнику отряда, перешедшему въ Императорскую гавань, присоединился к. л. „Илья Муромецъ" съ отрядомъ милиціи.

Къ этому моменту составъ отряда былъ: к. л. „Діомидъ", „Илья Муромецъ", п. с. „Аяксъ", катеръ „Рында", батальонъ (2 роты мор. стрѣлковъ и рота Егерей) около 180 шт. при двухъ пулеметахъ и отрядъ милиціи 40-50 чел. Получивъ съ „Ильей Муромцемъ" подтвержденіе моего приказа атаковать партизанъ у Самарги во что бы то не стало, Начальникъ Отряда рѣшилъ однако произвести предварительную развѣдку участка побережья къ сѣверу отъ Императорской гавани для выясненія активности красныхъ въ Николаевскѣ на Амурѣ, пославъ для этого к. л. „Илья Муромецъ" съ командиромъ батальона и частью стрѣлковъ.

Между тѣмъ, мною былъ полученъ приказъ ген. Дитерихса возвратить экспедиціонный батальонъ къ 10 октября во Владивостокъ. Ввиду необходимости послать съ этимъ приказаніемъ корабль, не имѣя точныхъ свѣдѣній о движеніи отряда и полагая, что онъ находится неподалеку отъ Самарги, я рѣшилъ использовать оставшійся до 10 октября срокъ для того, чтобы, нанеся ударъ партизанамъ у Самарги, навѣрняка заставить ихъ отступить на югъ и получить возможность удерживать сѣверный районъ Гросевичъ-Императорская гавань одной милиціей и кораблями. Въ это время изъ ремонта вышла к. л. „Патроклъ" и вслѣдствіе временнаго затишья въ Посьетскомъ районѣ освободился русско-сербскій отрядъ (около 50 шт.). Поэтому мною было приказано к. л. „Патроклъ", готовившейся къ походу съ особымъ порученіемъ, принять на себя русско-сербскій отрядъ и пополненіе милиціи и выйти къ Самаргѣ и далѣе на сѣверъ, до соединенія съ отрядомъ кап. 2 р. Коренева.

Одновременно мною былъ назначенъ новый Начальникъ Экспедиціоннаго отряда кап. 1 р. Соловьевъ, который долженъ былъ при встрѣчѣ съ отрядомъ кап. 2 р. Коренева его смѣнить и вступить въ командованіе отрядомъ. Кап. 1 р. Соловьеву было приказано, собравъ всѣ силы, обрушиться на партизанъ у Самарги и заставить ихъ броситься на югъ. Послѣ этого два корабля, „Патроклъ" и „Аяксъ", и милиція должны были остаться въ распоряженіи кап. 1 р. Соловьева, а два другихъ корабля, „Діомидъ" и „Илья Муромецъ", съ батальономъ и русско-сербскимъ отрядамъ должны были вернуться во Владивостокъ къ 10 октября.

3 октября „Патроклъ" съ новымъ Начальникомъ Отряда, имѣя на борту русско-сербскій отрядъ вышелъ на сѣверъ. 5 октября вечеромъ „Патроклъ" подошелъ къ Самаргѣ, но не нашелъ тамъ нашего отряда. Начальникъ Отряда, не задерживаясь, вышелъ дальше и 6 октября встрѣтился въ Императорской гавани съ к. л. „Діомидъ" и п. с. „Аяксъ".

Ввиду отсутствія к. л. „Илья Муромецъ", высланной кап. 2 р. Кореневымъ на сѣверъ въ развѣдку, кап. 1 р. Соловьевъ, вынужденный его дожидаться, не могъ расчитывать выполнить во-время приказъ о нападеніи на партизанъ сосредоточенными силами и рѣшилъ исполнить вторую часть приказа, говорившую о возвращеніи экспедиціоннаго батальона во Владивостокъ къ 10 октября.

Поэтому онъ приказалъ к. л. „Діомидъ", взявъ наличныхъ стрѣлковъ изъ Императорской гавани, выйти во Владивостокъ, что и было исполнено. Несеніе охраны побережья отъ б. Гросевича до м. Сиземана было возложено на милицію, поддержанную кораблями и взводомъ (20 чел.) стрѣлковъ.

10 октября к. л. „Діомидъ" и „Илья Муромецъ" съ экспедиціоннымъ батальономъ и русско-сербскимъ отрядомъ вернулись во Владивостокъ.

Такимъ образомъ была закончена операція, начатая нами еще въ концѣ іюля. Правда, оставленныя нами въ районѣ побережья силы были недостаточны, чтобы удержать красныхъ въ случаѣ ихъ дальнѣйшего продвиженія изъ Самарги къ сѣверу, но, во первыхъ, они такого движенія до самой нашей эвакуаціи не обнаружили, а, во вторыхъ, наша слабость могла быть только временной, т. к. въ случаѣ успѣха на главномъ фронтѣ мы бы, съ уходомъ японцевъ, получили въ свое распоряженіе неисчерпаемый запасъ снарядовъ, орудій и большой запасъ патроновъ и вернулись бы на поборежье въ гораздо большихъ силахъ, а наступавшая зима ставила партизанъ, совершавшихъ переходы главнымъ образомъ пѣшкомъ, въ невыгодное положеніе по отношенію къ намъ, владѣвшимъ кораблями и ледоколами. Владѣніе красными Николаевскомъ на Амурѣ также не составляло для насъ угрозы, по крайней мѣрѣ до весны, т. к. въ началѣ ноября устье Амура обычно замерзало; у красныхъ же въ Николаевскѣ не было ни одного ледокола.

Такъ или иначе, операція дала намъ очень много.

1). Мы получили нѣсколько сотенъ тысячъ іенъ, что составило вмѣстѣ съ деньгами, внесенными концессіонерами лѣсопромышленниками во Владивостокѣ, около одной двѣнадцатой всего годового бюджета нашего государства.

2). Эти же деньги были отобраны у красныхъ, которые иначе обратили бы ихъ на борьбу противъ насъ.

3). Флотилія, не потребовавъ никакихъ дополнительныхъ расходовъ на свое содержаніе отъ государства и, наоборотъ, принеся ему существенный доходъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подкрѣпилась во всѣхъ отношеніяхъ. Конечно, снабженіе кораблей и состояніе ихъ механизмовъ были далеки отъ совершенства, но все же, послѣ цѣлаго лѣта непрерывныхъ походовъ, корабли, за малымъ исключеніемъ, были въ лучшемъ состояніи чѣмъ весной.

Личный составъ также далеко шагнулъ впередъ въ смыслѣ обученія своему дѣлу, привычки къ морю и общей сплаванности. То, что я засталъ во Владивостокѣ въ 1921 г., когда я принялъ командованіе, и то, что было въ моемъ распоряженіи къ осени 1922 г., ни по размѣрамъ, ни по качеству не могло быть сравниваемо.

Чтобы закончить обзоръ этой продолжительной операціи, необходимо указать на нѣсколько столкновеній съ японцами, происшедшихъ на побережьѣ на почвѣ усиленной дѣятельности нашихъ кораблей.

Японскіе промышленники, привыкшіе за 1920 и 1921 годы къ почти полному отсутствію государственной власти на побережьѣ, начали считать

себя полными хозяевами. Единственно, съ кѣмъ имъ приходилось считаться — это были партизаны, но послѣдніе, не будучи освѣдомлены въ законахъ, приходили всегда къ быстрому соглашенію съ японцами, и конечно къ выгодѣ послѣднихъ.

Наши корабли, имѣя на борту чиновниковъ соотвѣтствующихъ учрежденій, быстро вводили въ законное русло порядокъ взиманія правительственныхъ сборовъ въ районахъ, находившихся подъ нашей охраной. Это иногда вызывало сопротивленіе со стороны японцевъ, и нѣсколько разъ приводило къ столкновеніямъ. Такъ была нами опечатана японская береговая радіостанція на лѣсной концессіи въ Самаргѣ. Тамъ же былъ отобранъ складъ винтовокъ. Только послѣ того, какъ японцы согласились допустить постоянное присутствіе нашего радіотелеграфиста на радіостанціи и представили намъ безплатно право пользованія ею, мы открыли станцію. Были случаи обстрѣла катеровъ, не желавшихъ остановиться при встрѣчѣ съ нашими кораблями въ морѣ, арестовъ капитановъ пароходовъ, отбираніе судовыхъ документовъ и проч. Японское Морское Командованіе сначала вмѣшивалось въ эти дѣла, даже одинъ разъ послало крейсеръ „Ниссенъ" по мѣстонахожденія нашего отряда, чтобы протестовать противъ суроваго обращенія съ ихъ поддаными, но убѣдившись, что мы стояли на законной почвѣ и что японскіе промышленники въ массѣ нарушали законъ, установивъ вакханалію хищническаго разграбленія русскихъ богатствъ, махнули на все рукой. Но наконецъ два случая съ к. л. „Илья Муромецъ" вновь обратили на себя ихъ вниманіе.

Первый случай имѣлъ мѣсто 29 сентября у Самарги, когда преслѣдуя япнскій катеръ, не останавливавшійся несмотря на сигналы, „Илья Муромецъ" обстрѣлялъ его и попалъ однимъ снарядомъ въ катеръ, гдѣ, по словамъ японцевъ, былъ убитъ одинъ изъ команды; въ другомъ случаѣ командиръ той же к. л. „Илья Муромецъ", Стар. лейт. Буцкой, испытывая недостатокъ угля, рѣшилъ пополнить его часто практиковавшимся нашими кораблями способомъ, т. е. путемъ покупки съ японскаго парохода. Это было 5 октября у мыса Сюркумъ. Капитанъ парохода сначала согласился дать уголь, но по подходѣ к. л. къ борту въ рѣзкой формѣ отказалъ, отдавъ швартовы „Ильи Муромца". Тогда командиръ, основываясь на ст. 338-й Морского Устава, взялъ 20 тоннъ угля силой, заплативъ за него по высокой оцѣнкѣ.

Оба эти случая вызвали визитъ Японскаго Командующаго эскадрой во Владивостокъ ко мнѣ на „Манджуръ". Японскій адмиралъ въ очень вѣжливой, но настойчивой формѣ просилъ произвести разслѣдованіе этихъ случаевъ при участіи въ комиссіи японскихъ представителей. Я отказалъ въ участіи японцевъ въ комиссіи и обѣщалъ на спеціальномъ суднѣ выслать русскую слѣдственную комиссію на мѣсто для разбора дѣла.

Японцы удовлетворились. Слѣдственная комиссія на п. с. „Фарватеръ" вышла изъ Владивостока 7 октября, успѣла вернуться и сдѣлать мнѣ краткій докладъ о первомъ случаѣ на Самаргѣ, согласно которому командиръ „Ильи

Муромца" оказался совершенно правъ. Въ эти же дни Императорскую гавань посѣтилъ японскій крейсеръ „Чихайя", посланный японскимъ правительствомъ для разслѣдованія случая съ катеромъ въ Самаргѣ.

Начальникъ отряда кап. 1 р. Соловьевъ, прибывшій на крейсеръ по приглашенію командира, сказавшагося больнымъ, былъ встрѣченъ со всѣми почестями и вызовомъ караула. Въ дальнѣйшемъ, въ бесѣдѣ съ кап. 2 р. Іодохара онъ сказалъ, что онъ уполномоченъ заявить отъ имени правительства, что японское правительство и общественное мнѣніе Японіи очень недовольны репрессіями, примѣняемыми нами на побережьѣ. Освѣдомленный по радіо изъ Владивостока о выходѣ нашей слѣдственной комиссіи, онъ этимъ ограничился. Нужно отдать справедливость чинамъ японскаго флота: какъ въ это время, такъ и впослѣдствіе они всегда относились къ намъ съ отмѣнной вѣжливостью и корректностью.

Кромѣ вышеупомянутыхъ операцій, флотилія за тотъ же періодъ выполнила рядъ другихъ. К. л. „Магнитъ" и „Свирь" находились въ плаваніи у береговъ Камчетки. К. л. „Батарея" находилась въ плаваніи въ водахъ Охотскаго моря въ распоряженіи генерала Пепеляева и вернулась во Владивостокъ около 10 октября. Зафрахтованные флотиліей п. х. Д. Флота „Томскъ", „Защитникъ", доставивъ эшалоны отряда ген. Пепеляева въ Аянъ, вернулись во Владивостокъ.

Блокада бухтъ залива Петра Великаго къ востоку отъ Владивостока поддерживалась п. с. „Фарватеръ" и м-цемъ „Инж. Мех. Анастасовъ" посмѣнно.

По требованію Штаба Арміи были сдѣланы двѣ экспедиціи на катерахъ флотиліи. Задачей первой экспедиціи была поддержка нашего крайняго лѣвого фланга, упиравшегося въ берегъ озера Ханка. 20 сентября въ эту экспедицію были посланы 2 моторныхъ катера, посланные по жел. дор. до ст. Халкедонъ. Дальше они должны были двигаться, около 150 верстъ, частью по проложенной командами катеровъ дековилькѣ, частью по перепруженной плотинамии порогами р. Лефу и по мелководнымъ озерамъ Лебехэ и Ханка. Потративъ недѣлю на этотъ переходъ, катера благополучно прибыли по назначенію и участвовали въ нѣсколькихъ мелкихъ экспедиціяхъ на озерѣ Ханка. Въ началѣ октября, при спѣшномъ отступленіи нашей арміи, удалось вывезти во Владивостокъ только моторы, корпуса же катеровъ были сожжены.

Вторая экспедиція состояла въ попыткѣ навести плавучій мостъ черезъ р. Суйфунъ у Раздольнаго. Эта работа, бывшая совершенно не по нашимъ средствамъ, была все таки предпринята по категорическому повторному требованію Штаба Арміи. Въ экспедицію былъ посланъ одинъ маленькій паровой катеръ порта, одинъ моторный катеръ и двѣ баржи Инженернаго Вѣдомства. Послѣднее поддерживало требованіе Начальника Штаба Рати и доносило, что задача осуществима. Только по прибытіи экспедиціи на мѣсто представитель Инженернаго Вѣдомства убѣдился, что черезъ Суйфунъ существуетъ бродъ

и что подбуксировать баржи къ предполагаемому мѣсту постройки моста невозможно изъ-за мелководья. Одновременно съ этимъ войска Дальневосточной казачей группы, стоявшіе на охранѣ переправы, ушли, получивъ другую задачу, и охрана доставленнаго имущества и самой переправы была возложена на команду катеровъ, вопреки доклада Начальнику Экспедиціи, мичмана Сенкевича о томъ, что въ районѣ изобилуютъ партизаны и что команда числомъ 7 человѣкъ обречена на гибель. Когда я получилъ во Владивостокѣ донесеніе мичмана Сенкевича о его безвыходномъ положеніи, было уже поздно отзывать его: катера подверглись ночной атакѣ красныхъ, часть команды была перебита, остальные ранены, въ томъ числѣ и Начальникъ Экспедиціи, и взяты въ плѣнъ.

Этотъ періодъ работы Сибирской флотиліи омрачился еще однимъ печальнымъ случаемъ. 8 сентября злоумышленниками была взорвана машина тр. „Охотскъ" и транспортъ вышелъ изъ строя на все остальное время. Подобныхъ покушеній за время моего командованія было зарегистрировано нѣсколько, но всѣ они были своевременно раскрыты и предотвращены контръ-развѣдкой флотиліи. Найти участиков преступленія не удалось, но все же, благодаря принятымъ мѣрамъ, этотъ случай остался единственнымъ удавшимся покушеніемъ на порчу кораблей за время моего командованія флотиліей.

Въ самомъ разгарѣ вышеописанной работы флотиліи она была прервана стремительно наступившимъ крахомъ всей нашей государственности.

Крушеніе государства.

13-14 октября опредѣлился крутой поворотъ въ исторіи Приамурской государственности. Въ эти дни наша армія потерпѣла пораженіе. Правителемъ было принято рѣшеніе прекратить вооруженную борьбу съ большевиками и вывести остатки бойцовъ изъ подъ ударовъ красныхъ заграницу.

13 октября, получивъ по телеграфу Указъ Правителя, отмѣняющій всѣ исключительныя мѣры, принятыя мною во Владивостокѣ, я послалъ ген. Дитерихсу письмо, въ которомъ указывалъ, что въ тотъ критическій моментъ, который мы переживали, спасеніе всего дѣла заключалось лишь въ строго послѣдовательномъ проведеніи Властью рѣшительныхъ и суровыхъ мѣръ, въ успѣхѣ коихъ я не сомнѣвался, что обстановка во Владивостокѣ мнѣ, какъ начальнику Тыла, ближе и виднѣе и что я нуждаюсь въ извѣстной свободѣ дѣйствій, вытекающей изъ объема правъ, предоставленныхъ мнѣ по Указу самого Правителя, коимъ я былъ назначенъ Начальникомъ Тыла.

Въ тотъ же день изъ Мукдена прибылъ во Владивостокъ Управляющій Внѣшними Дѣлами Н. Д. Меркуловъ. Изъ бесѣды съ нимъ я выяснилъ, что отношеніе Правителя трехъ восточныхъ провинцій Китая (Маньчжуріи) Чжанза-лина къ намъ неизмѣнно благопріятное, что всѣ сношенія могутъ дать реальные результаты очень крупнаго масштаба, но что для достиженія ихъ надо сумѣть продержаться во Владивостокѣ болѣе или менѣе продолжительный

срокъ послѣ полной эвакуаціи города японцами. Эта эвакуація была объявлена на 22 октября.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Н. Д. Меркуловъ сообщилъ мнѣ о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ бесѣдъ съ Правителемъ и командирами корпусовъ. Суммируя его данныя, можно было заключить, что бор.ба на фронтѣ еще далеко не проиграна, что недостатокъ патроновъ самое больное мѣсто арміи, но что духъ еще не сломленъ и если удастся продержаться до 22 числа, когда несомнѣнно получимъ патроны, то вся картина можетъ рѣзко измѣниться въ нашу пользу.

Въ ожиданіи отвѣта Правителя на мое письмо, Н. Д. Меркуловъ предложилъ мнѣ свое сотрудничество по гражданской части во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ укрѣпленіемъ базы борющейся арміи. Нами былъ намѣченъ рядъ мѣръ въ развитіе тѣхъ моихъ приказовъ, которые за 24 часовой срокъ своего дѣйствія успѣли уже дать значительный результатъ.

14 октября я получилъ послѣдовательно рядъ извѣстій изъ Никольска-Уссурійскаго, сообщавшихъ о присшедшей на фронтѣ катастрофѣ.

Той же ночью я получилъ собственноручную записку ген. Дитерихса отъ 14 октября слѣдующаго содержанія:

„Дорогой Юрій Карловичъ. Указъ мой сегодняшняго числа и дополнительная къ нему телеграмма исчерпываютъ въ сущности отвѣтъ на Ваше письмо. Съ сегодняшняго дня Вы являетесь хозяиномъ полуострова. Изъ золотого запаса Вы дайте сумму Членамъ Правительства и Совѣта, дабы они имѣли возможность, въ крайности, спасти свои головы. Преданный Вамъ, Мих. Дитерихсъ".

На слѣдующій день былъ полученъ приказъ Правителя о прекращеніи борьбы.

Ко времени полученія всѣхъ этихъ извѣстій обстановка во Владивостокѣ была слѣдующая:

1). Всѣ Правительственныя Учрежденія распорядительнаго характера продолжали еще работать нормальнымъ порядкомъ, за исключеніемъ Высшихъ Коллегіальныхъ Инстанцій, гдѣ царилъ хаосъ. Эти высшія учрежденія, съ уменьшеніемъ территоріи до размѣровъ полуострова Муравьевъ-Амурскій, теряли всякій смыслъ существованія.

2.) Большевики въ городѣ совершенно притихли, и по свѣдѣніямъ, получавшимся мною изъ первоисточника, мѣсные большевики не ожидали быстраго паденія города.

3). Населеніе, напуганное надвигавшимися событіями, не имѣло никакого цѣльнаго настроенія и явно выжидало поступковъ Власти.

4). Въ моемъ распоряженіи во Владивостокѣ находились: Урало-Егерьская бригада, офицерскій батальонъ, батальонъ Морскихъ Стрѣлковъ, Русско-Сербскій отрядъ и друг. болѣе мелкія части, не считая флотиліи, общей численностью около 2.000 чел. подъ командованіемъ ген. маіора Д. А. Лебедева,

и кромѣ того опредѣлилось, что вся Дальневосточная группа, численностью около 3.000 шт. и сабель, отходитъ не на Посьетъ, а на Владивостокъ.

Эти силы могли оказаться недостаточными для оказанія сопротивленія, но надо принять во вниманіе что: а) — красные, вообще не слишкомъ многочисленные, вынуждены были бы выдѣлить сильную группу для преслѣдованія главныхъ силъ Арміи, отступавшихъ на Посьетъ. б) — мѣстность на подступахъ къ Владивостоку предствляла собой рядъ неприступныхъ позицій. в) — вся линія наступленія красныхъ на городъ должна неминуемо была проходить по желѣзной дорогѣ, которая расположена на самомъ берегу Амурскаго залива и находится подъ ударами съ моря, гдѣ мы являлись полными хозяевами. г) — Владивостокъ съ его 200.000 населеніемъ имѣлъ огромный запасъ живой силы. д) — 22-го числа, послѣ ухода японцевъ, мы получили большой запасъ патроновъ и неограниченное количество тяжелой артиллеріи, до этого же числа красные не могли бы войти въ городъ, ибо туда ихъ не пустили бы японцы, и наконецъ, е) — японцы были застигнуты врасплохъ стремительностью нашей катастрофы. Въ ихъ расчеты совершенно не входила та унизительная для нихъ обстановка ухода изъ Владивостока, при которой они его покидали послѣ нашей эвакуаціи. Самъ Правитель считалъ, на основаніи повидимому бесѣдъ съ представителями Высшаго Японскаго Командованія, что планы японцевъ могутъ еще измѣниться. По всему прежнему поведенію японцевъ можно было заключить, что, въ случаѣ задержки нами наступленія красныхъ, они эвакуируютъ Владивостокъ 22 октября, въ случаѣ же нашего пораженія, они уйдутъ только послѣ нашей эвакуаціи. Нельзя только было сказать, что они станутъ дѣлать, если мы отойдемъ во Владивостокъ и всетаки будемъ настаивать на продолженіи борьбы. Возможность измѣненія плановъ японцевъ явствовала изъ телеграммы нашего представителя въ Токіо ген. Андогорскаго. Эта телеграмма, посланная черезъ Морского Агента, адмирала Дудорова мнѣ для передачи Правителю, гласила:

„Правителю. Министръ Инострандѣлъ вчера запросилъ Владивостокъ устойчивости Правительства. Рѣшеніе Кабинета ожидается вторникъ семнадцатаго. Ожидаю Вашего рѣшенія. Неизвѣстностью затрудняются переговоры. Выѣзжаю 20. Токіо 15 октября. Андогорскій. Дудоровъ 949".

Учитывая всѣ эти соображенія, для меня становилось яснымъ, что при уходѣ или неуходѣ японцевъ намъ оставались еще шансы сохранить за собой Владивостокъ во всякомъ случаѣ еще на нѣкоторое время.

Слова Правителя: „Вы являетесь полнымъ хозяиномъ на полуостровѣ", приказъ его о прекращеніи имъ борьбы и заключительныя слова этого приказа: „Я лично во Владивостокъ и вообще туда, гдѣ японцы, не пойду", развязывали мнѣ руки. Я принялъ рѣшеніе не уходить безъ боя. Переговоривъ съ Н. Д. Меркуловымъ, я поручилъ ему сформированіе временнаго гражданскаго аппарата и подготовку всѣхъ декларацій и распоряженій по гражданской части

въ связи съ рѣшеніемъ о продолженіи борьбы. Приглашенные мною генералы Лебедевъ и Глѣбовъ выразили готовность продолжать сопротивленіе. Я приказалъ изъять отовсюду, гдѣ онъ былъ полученъ, Приказъ Правителя № 54. Это было необходимо даже въ случаѣ отказа отъ активнаго плана, т. к. приказъ этотъ невозможно было опубликовать во флотиліи, коей самимъ Правителемъ поручалась задача эвакуированія войскъ и ихъ семей.

Предположительный планъ дѣйствій въ общихъ чертахъ намѣчался слѣдующій:

1). Не допускать красныхъ до города съ тѣмъ, чтобы послѣ 22 числа, по полученіи оружія, закрѣпиться прочно и перейти въ наступленіе.

2). Использовать свободу дѣйствій и установившуюся связь съ Чжан-зо-линомъ, передавъ ему часть огромныхъ запасовъ вооруженія, какъ предполагалось на сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей, получить средства на продолженіе борьбы и имѣть возможность осуществить мобилизацію.

3). Въ случаѣ полной невозможности удержать Владивостокъ, постараться задержаться настолько, чтобы быть въ состояніи погрузить на корабли самое цѣнное изъ имущества, находившагося подъ охраной японцевъ, и тѣмъ пріобрѣсти средства на помощь всѣмъ эвакуированнымъ, а можетъ быть и фондъ на продолженіе борьбы изъ-за границы, въ томъ или иномъ видѣ.

Какъ однимъ изъ исходовъ въ этомъ случаѣ рисовалась возможность перейти съ частью войскъ и флотиліей въ Петропавловскъ на Камчаткѣ, гдѣ по времени года и вслѣдствіе нашего перевѣса на морѣ можно было расчитывать продержаться еще довольно долго. Какъ разъ въ эти дни было закончено формированіе 3-ей роты Морскихъ Стрѣлковъ, предназначенной на Камчатку. Правителемъ былъ назначенъ новый губернаторъ Камчатки генералъ-маіоръ Ивановъ-Мумжіевъ, подчиненный мнѣ какъ Начальнику Тыла. Онъ отбылъ въ Петропавловскъ со всѣмъ Штабомъ управленія и съ запасами продовольствія на п-х. „Сишанъ". 3-тю роту я задержалъ ввиду моего намѣренія сохранить Владивостокъ.

Весь день 15 октября я не могъ связаться съ Правителемъ по телеграфу, почему предполагалъ на слѣдующій день приступить къ выполненію своего плана и уже вечеромъ подписалъ рядъ приказовъ, которые должны были быть опубликованы утромъ 16-го.

Была составлена отвѣтная телеграмма въ Токіо генералу Андогорскому, указывавшая, что я намѣренъ продолжать борьбу и что во Владивостокѣ спокойно.

Совершенно неожиданно ночью мною были получены свѣдѣнія, что поѣздъ Правителя слѣдуетъ во Владивостокъ и что онъ задержанъ на ст. Сѣданка японцами. Я приказалъ докладывать мнѣ о движеніи поѣзда Правителя и вскорѣ, провѣривъ, что Правитель, вопреки своимъ прежнимъ намѣреніямъ, возвращается въ зону оккупаціи японцевъ, разославъ въ типографіи прика-

заніе пріостановить печатаніе моихъ приказовъ, отмѣнилъ посылку телеграммы ген. Андогорскому и самъ отправился на вокзалъ встрѣчать Правителя.

Правитель не одобрилъ моего плана: онъ пребывалъ въ твердомъ убѣжденіи, что намъ остается только спѣшно эвакуироваться. На мой вопросъ, имѣетъ ли онъ какіе нибудь дальнѣйшіе планы по отношенію къ флотиліи, онъ еще разъ подтвердилъ то мнѣніе, которое онъ мнѣ высказывалъ раньше и которое онъ поручилъ находившемуся при его Штабѣ для связи кап. 2 р. Четверикову передать мнѣ. Мнѣніе это было таково, что по выполненіи эвакуаціи Владивостока флотилія должна самостоятельно избирать свои пути, т. к. борьба кончена и ни на какую дальнѣйшую поддержку его со стороны флотиліи онъ расчитывать не можетъ. Я указалъ на возможность перехода части флотиліи послѣ эвакуаціи на Камчатку въ случаѣ, если къ тому будутъ благопріятныя обстоятельства, на что ген. Дитерихсъ еще разъ отвѣтилъ мнѣ, что я воленъ поступать съ флотиліей самостоятельно.

Едва я вернулся послѣ этого свиданія къ себѣ домой, какъ вслѣдъ мнѣ былъ посланъ слѣдующій Указъ Правителя:

Указъ № 66 Правителя Земскаго Края.

16 октября 1922 г. — г. Владивостокъ.

Прибывъ въ г. Владивостокъ ПОВЕЛѢВАЮ: Адмиралу СТАРКЪ обратиться къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей по командованію флотомъ.

Управляющимъ Вѣдомствами имѣть у меня непосредственные доклады.

Ввиду чрезвычайныхъ обстоятельствъ Земской Думѣ прервать съ сего числа свои занятія.

П. П. Правитель Земскаго Приамурскаго Края
Мих. Дитерихсъ.

Этимъ указомъ мои обязанности какъ Начальника Тыла кончались юридически, но по существу они могли быть съ меня сняты, т. к. ген. Дитерихсъ не считалъ нужнымъ оставаться во Владивостокѣ до конца и руководить эвакуаціей во всемъ ея объемѣ, въ какомъ случаѣ только я могъ разсматривать свою задачу сведенной къ командованію флотиліей. Ген. Дитерихсъ сообщилъ что онъ останется во Владивостокѣ очень недолго, только чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія, а затѣмъ выйдетъ со Штабомъ въ Посьетъ, предоставивъ мнѣ закончить эвакуацію.

Такое положеніе, когда мнѣ предстояло закончить эвакуацію начинавшуюся внѣ моего контроля, окончательно уничтожило всякую планомѣрность роботы. Послѣ отъѣзда Правителя, когда я опять получилъ власть въ свои руки, все въ городѣ оказалось въ полномъ параличѣ. Высшія Правительственныя учрежденія были расформированы распоряженіемъ Правителя, въ низшихъ же, оставшихся безъ руководства, царила паника. Служащіе большинства Правительственныхъ учрежденій просто разбѣжались.

Продолженіе слѣдуетъ.

Я. К. Тумановъ.

КЪ СТОЛѢТІЮ КРЫМСКОЙ КАМПАНІИ.

Въ дополненіе къ разсказанному мною о вычитанномъ въ приложеніи къ журналу L' Illustration за 1854 годъ, мнѣ хочется подѣлиться съ читателями „Морскихъ Записокъ" эпизодомъ, лично мною пережитомъ и имѣющимъ прямое отношеніе къ этому историческому событію — Крымской кампаніи.

Въ 1913-мъ году, канонерская лодка „Хивинецъ", хорошо уже знакомая читателямъ „Морскихъ Записокъ" по моимъ разсказамъ — былямъ, возвращаясь изъ Средиземнаго моря въ Балтику, зашла въ Алжиръ, гдѣ отпраздновали 300-лѣтній юбилей дома Романовыхъ.

Въ этомъ интересномъ и живописномъ городѣ мы, офицеры „Хивинца", въ числѣ пріобрѣтенныхъ знакомствъ, познакомились съ группой офицеровъ имѣвшаго въ томъ году — а можетъ быть и понынѣ — стоянку въ Алжирѣ 1-го полка Зуавовъ. Обмѣниваясь визитами, мы побывали въ офицерскомъ собраніи полка, въ самой живописной арабской части города. Гостепріимные хозяева, въ числѣ прочаго, достойнаго вниманія, познакомили насъ съ полковымъ музеемъ. Въ числѣ многочисленныхъ экспонентовъ, рисующихъ богатое боевое прошлое зуавовъ, мы обратили вниманіе на лежащій на отдѣльномъ столикѣ альбомъ, заполненный фотографіями офицеровъ какого-то русскаго армейскаго полка. На нашъ недоумѣнный вопросъ — что это за реликвія, удостоившаяся попасть въ ихъ музей, намъ было разсказано слѣдующе:

Когда Севастополь праздновалъ 50-лѣтнюю годовщину славной обороны, делегація полка посѣтила этотъ историческій городъ и приняла участіе въ торжествахъ на томъ основаніи, что именно ихъ полкъ — 1-й полкъ зуавовъ — штурмовалъ Малаховъ Курганъ и первымъ взошелъ на него. Со стороны русскихъ, защищавшихъ Курганъ былъ Брестскій пѣхотный полкъ и зуавы, во время пребыванія своего въ Севастополѣ на юбилейныхъ торжествахъ, были его гостями. При прощаніи, офицеры русскаго полка поднесли имъ альбомъ со своими фотографіями.

И вотъ, сравнивая вновь „вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій", невольно задумываешься: есть ли хоть какое-нибудь вѣроятіе, что въ 1995 году Берлинъ будетъ праздновать 50-лѣтіе славной обороны отъ совѣтскихъ войскъ, что на эти торжества пріѣдутъ внуки маршала Жукова и будутъ тепло и гостепріимно встрѣчены внуками повѣшаннаго маршала Іодла?

Конечно, никакого вѣроятія. Когда во Франціи былъ король, а въ Россіи — царь, война была рыцарскимъ поединкомъ. Совсѣмъ другое дѣло — война двухъ соціалистическихъ республикъ! Какъ говоритъ И. Л. Солоневичъ въ 6-й части своей книги „Народная Монархія": — „ни на одномъ участкѣ второй Міровой войны не было проявлено такой безграничной ненависти, такого презрѣнія къ такъ называемымъ законамъ войны, такой страсти къ уничтоженію и истребленію, такого разбоя и грабежа, пытокъ и убійствъ, какія были проявлены на фронтѣ, гдѣ германская соціалистическая республика воевала противъ союза совѣтскихъ соціалистическихъ республикъ..."

———o———

Капитанъ I-го ранга
Инженеръ-Механикъ
В. П. Орловъ-Діаборскій.

ГИБЕЛЬ ТРАЛЬЩИКА № 7

(Незабвенной памяти Вице Адмирала А. И. Непенина, моряка съ офицерскимъ сердцемъ, и моего начальника, посвящаю настоящія строки).

Скверная осень была въ 1915 году. Частые штормы. А, главное — такъ остро болѣзненно переживались неудачи на Западномъ фронтѣ.

Ревель. Конецъ ноября. Послѣ жесточайшаго Зюйдъ-Веста была мразь, грязь, сѣялъ холодный дождичекъ... На душѣ скверно.

Въ одинъ изъ этихъ дней, какъ то послѣ завтрака, вызываетъ къ себѣ Начальникъ Службы Связи Адріанъ Ивановичъ Непенинъ, въ Штабѣ котораго я состоялъ Флагманскимъ Инженеръ-Механикомъ. Прихожу. Онъ мрачнѣе тучи... Ходитъ изъ угла въ уголъ своего кабинета, пепельницы заполнены окурками. Адріанъ Ивановичъ имѣлъ такое обыкновеніе — закурить, сдѣлаетъ двѣ-три затяжки и броситъ недокуренную папиросу.

Скверно, думаю, штормуетъ мой адмиралъ балловъ на одиннадцать.

Пробурчалъ что то въ отвѣтъ на мое привѣтствіе, отрѣзалъ — „садись, возьми твою сигарку и молчи".

„Ну", думаю, „плохи, плохи дѣла"...

На письменномъ столѣ карты островов Эзеля и Даго съ массой помѣтокъ карандашами различныхъ цвѣтовъ. Карандаши эти разбросаны по столу, тутъ же резинки, стаканъ недопитаго чая и окурки, окурки...

Адмиралъ ходитъ мрачно. Иногда нервно барабанитъ пальцемъ по стеклу барометра, иногда вызываетъ Начальника Южнаго Района Службы Связи Капитана 2-го ранга А. Ковальскаго и рѣзко приказываетъ ему справиться о состояніи моря и обстановкѣ у маяка Фильзандъ, что стоитъ на островѣ того же имени къ Весту отъ Эзеля.

Наконецъ, сочно выругавшись, обращается ко мнѣ:

„Нѣтъ гербовой, пиши на простой" и, со свойственной его натурѣ откровенностью, сильно, сильно высыпаетъ крѣпко соленыя слова по адресу Командующаго Флотомъ Адмирала Канина и его Оперативнаго отдѣла.

„Володька", говоритъ онъ мнѣ, „что дѣлать? Нѣтъ подъ рукой надежныхъ людей. Такъ вотъ что: гони ты въ Балтійскій Портъ на тральщикъ № 7 и передай его командиру конвертъ отъ нашихъ турецкихъ святыхъ (такъ именовались у насъ въ Службѣ Связи чины Шифровальнаго Отдѣла, который умѣлъ разгадывать любую телеграмму непріятеля, какимъ бы шифромъ она ни была бронирована). „Самъ же ты", продолжаетъ адмиралъ, „будешь моимъ окомъ. Дѣло въ томъ, что, по моему глубокому убѣжденію, нѣмцы поставили минное загражденіе къ Весту отъ маяка Фильзандъ. Командиру тральщика будутъ даны инструкціи опредѣлить границы этого загражденія. Ты же строго замѣть пеленга и мѣсто. А главное, чтобы это было сдѣлано съ умомъ. По моимъ свѣдѣніямъ это загражденіе поставлено противъ нашихъ подлодокъ и миноносцевъ, а въ Штабѣ объ этомъ не думаютъ. Ты можешь вмѣшиваться, въ мою голову, въ распоряженія командира если онъ „замудритъ" или „не домудритъ". Такъ, значитъ, я на тебя надѣюсь. Выходи въ море возможно раньше. Если же будетъ свѣжо, командиру будутъ даны инструкціи какъ дѣйствовать. Но помни — границы загражденія должны быть опредѣлены точно".

„Есть", отвѣчаю.

Вечеромъ уже былъ на тральщикѣ съ пакетомъ. Завалился въ каютъ-компаніи на койку и проснулся только когда эту старую посудину начало валять какъ „Ваньку-Встаньку". Время тянулось долго, долго... день нащупывался сѣрый, дождливый, съ большой мертвой зыбью отъ Зюйдъ-Веста.

Прошли Дагерортъ. Опредѣлились по Фильзанду и выкинули тралы.

Командиръ, молодой лейтенантъ, бравый и не плохой морякъ. Это сразу видно по его управленію и дѣйствіямъ. У него былъ желторотый мичманъ свѣжаго производства, горящій желаніемъ помочь и потому неустанно пеленговавшій берега. Пожилой прапорщикъ по морской чести, старый „морской волкъ" изъ запаса, исполнялъ должность штурмана.

Удалось сразу же, въ квадратѣ „X" опредѣлить линіи минъ, а тамъ пошло „какъ по маслу", несмотря на жестокую качку.

Прапорщикъ заявилъ, что опять будетъ штормъ съ „мордоколомъ".

И вѣрно. Начало уже задувать.

Но все кончается. Кончилась и наша задача.

Здѣсь-то меня и попуталъ „водяной": а не пройтись ли намъ поближе къ Фильзанду.

Сказано, сдѣлано — положили руля и покатились подъ вѣтеръ. Всѣ офицеры на мостикѣ съ биноклями. Командиръ приказалъ убрать тралы и повернуть на Нордъ — домой.

Вѣтеръ крѣпчаетъ, уже срываетъ гребни волнъ, уже видна бѣлизна буруна у берега. Неприлично тяжело на сердцѣ. Тральщикъ валяетъ, но онъ пока уходитъ отъ волны...

И, вдругъ, страшное сотрясеніе. Подъ кормой огромный взрывъ, столбъ воды и всѣ мы за бортомъ.

Ничего не чувствую кромѣ сильнаго потрясенія и боли въ головѣ. Борьба нечеловѣческая. Выбрался на поверхность: вижу форштевень тральщика поросшій травой — онъ задрался вверхъ на мгновеніе, и теперь медленно уходитъ въ воду. Чьи то крики. Смотрю — шлюпка на водѣ и за нее цѣпляются люди. Плыву къ ней, — бѣда: всѣ пытаются влѣзть въ нее съ одного борта, она опрокидывается. Подплываю къ другому борту, призываю къ себѣ людей, общими усиліями, ставимъ ее въ нормальное положеніе и по одному взбираемся. Чѣмъ попало выкачиваемъ воду. Работа спорится и черезъ нѣкоторое время тѣло нѣсколько согрѣвается. Слава Богу — весла на мѣстахъ. Подобрали прапорщика и мичмана. Никого больше не видно. Смеркается. Засѣли въ весла и приналегли, взявши курсъ на берегъ. За рулемъ сидѣть невозможно — ужъ очень сильный холодъ начинаетъ одолѣвать. Голова болитъ (потомъ оказалось вдавленіе темянной кости, контузія). Всевышній помоги! Раненыхъ нѣтъ. Одно сознаніе у всѣхъ — скорѣе на берегъ. Сильно наваливаются на весла. А у меня все въ туманѣ. Прошу прапорщика дать мнѣ возможность согрѣться-погрести. Мѣра оказывается хорошей, начинаю согрѣваться.

Но наплываетъ туманъ, лѣзетъ настойчиво и уже не видно берега. Гребемъ сильно — надо добраться до темноты.

Прапорщикъ кричитъ: „по носу бурунъ". Приналегли и выскочили на плиту. Кричу: — „съ новой волной всѣ въ воду и помочь волнѣ выкинуть насъ подальше на берегъ". Соскочили и насъ вынесло далеко на берегъ. Но волны все лѣзутъ. Ноютъ ноги. Вѣтеръ свѣжѣетъ. Темнота. Бѣгаемъ, чтобы согрѣться. Намѣтили мѣсто — дотащимъ туда шлюпку съ помощью прибойной волны. Но шлюпка, зацѣпившись за камень, опрокидывается. И начинается Голгофа. Зыбь усилилась и мы уже не можемъ выскочить изъ ея прибоя: откатываясь она увлечетъ насъ обратно въ море. Остается всѣми силами держаться за крѣпко засѣвшую шлюпку, которая, какъ ни какъ, защищаетъ отъ буруна, хотя онъ и перекатывается черезъ нее и заливаетъ насъ ледяной водой. А за шлюпкой ужасъ: тамъ грохочетъ прибой и кипитъ вода.

Тянется долгая, долгая ночь. Медлитъ разсвѣтъ. Обезсилившіе люди разжимаютъ руки и ихъ уноситъ въ бездну. Страшно сознаніе своего безсилія помочь гибнущему. Страшно чувствовать какъ неумолимый ходъ времени поглощаетъ теплоту твоего тѣла. И грезится, что хорошо тому, кто уже ушелъ въ лучшій міръ. Воспоминанія объ этомъ кошмарѣ жутки до сихъ поръ. Можетъ быть хорошо, что въ памяти бываютъ провалы.

Очнулся на кухнѣ. Вижу надо мной склонился смотритель маяка, Г-нъ Томъ*) и говоритъ: „литръ коньяку не помогъ... все отдалъ назадъ. А вотъ теплая вода помогла".

Думаю: „что за чушь? Гдѣ же я?"

Оказывается на полу въ кухнѣ съ жарко растопленой плитой. Рядомъ лежатъ прапорщикъ и мичманъ до невѣроятія заваленые одѣялами и обложенные бутылками съ горячей водой въ ногахъ. У меня отчаянная головная боль и я въ полусознаніи.

Окончательно я очнулся въ Ревелѣ, въ гостиницѣ Эстонія. Тамъ я пролежалъ четыре недѣли. Адріанъ Ивановичъ приказалъ срочно перевезти насъ въ Ревель, что и было исполнено докторомъ С. Кистяковскимъ.

Въ тотъ же вечеръ адмиралъ былъ у меня. Его первый вопросъ былъ не о здоровьи. „Что вы нашли и гдѣ?" спросилъ онъ. И, получивъ нужныя свѣдѣнія Адріанъ Ивановичъ сказалъ:

„Спасибо, дорогой дружище. Поправляйся. Очень сожалѣю, что я причина твоей Одиссеи".

Сначала онъ бывалъ у меня ежедневно, приносилъ всякіе деликатессы, а потомъ присылалъ за мною автомобиль и я ѣздилъ къ нему завтракать.

Мое сердце выдержало — послѣдствій не было. Но кошмарные крики четырехъ матросовъ унесенныхъ бурунами слышатся мнѣ и до сихъ поръ.

---

*) Смотритель Фильзандскаго маяка г. Томъ добровольно остался на немъ во время всей войны и, неся наблюдательную службу, оказалъ неоцѣнимыя услуги Первой Воздушной Станціи Кильcондъ, помогая наблюдать за моремъ и вылетавшими на развѣдку гидроаэропланами. По моему представленію былъ награжденъ Георгіевской медалью за помощь въ морѣ одному вынужденно сѣвшему тамъ летчику.

Контръ-Адмиралъ Б. Дудоровъ

Д. М. Красовскій

ПЕРВАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ ШКОЛА ВЪ РОССІИ

Начало военно-морского образованія обычно связывается съ 1701 годомъ, когда въ Москвѣ, въ Сухаревой башнѣ была основана Петромъ Великимъ Школа математическихъ и навигацкихъ наукъ.

Между тѣмъ, на основаніи вновь обнаруженныхъ въ СССР архивныхъ документовъ оказывается, что такая школа была основана въ 1698 году въ Азовѣ.

Стольникамъ, посланнымъ Петромъ въ 1697 году заграницу „для ученія морского дѣла", вмѣнялось также въ обязанность нанимать на русскую службу моряковъ-иноземцевъ. И вотъ, въ январѣ 1698 г. въ Посольскій Приказъ въ Москвѣ явились Матвѣй Меланковичъ и Иванъ Кучица. Первый показалъ, что онъ 20 лѣтъ служилъ капитаномъ въ венеціанскомъ флотѣ, что онъ желаетъ служить въ русскомъ флотѣ и что онъ „морской воинскій ходъ совершенно знаетъ и можетъ де онъ тому и иныхъ научить".

По указу „Великаго Государя" эти иностранцы были отправлены въ Володимерскій судный приказъ, вѣдавшій въ то время дѣлами флота и, въ частности, „морскими иноземцами". Тамъ они подтвердили (11 января 1698 г.), что „корабли де снастить и парусъ устроить они умѣютъ и морской воинскій корабельный ходъ онъ, Матвѣй, знаетъ и въ школѣ учениковъ картамъ и компасомъ научить можетъ".

Возглавлявшій Приказъ „адмиралтеецъ" Протасьевъ особенно заинтересовался Меланковичемъ и предпринялъ попытку организовать морскую школу въ Россіи; Меланковичъ въ „договорныхъ статьяхъ" заявилъ, что согласенъ обучать 10 учениковъ „корабельному морскому ходу и картѣ и кумпасу (!) и что на кораблѣ воинскова всякова строенія и какъ корабль на морѣ править и оснастить и какіе къ нему надобны быть струменты".

Сначала (Указъ 21 января 1698 г.) по какимъ то соображеніямъ было рѣшено „выбрать изъ иноземцевъ исъ какихъ чиновъ пристойно десять человѣкъ добрыхъ и человѣчныхъ, грамотѣ умѣющихъ", но вскорѣ было вынесено другое рѣшеніе (23 февр. 1698 г.), что „морскому воинскому ходу и картѣ и компасомъ" приказано было обучать русскихъ людей: Петръ „указалъ для ученія карабельному (!) морскому воинскому ходу и картѣ и компа-

самъ (!) выбрать изъ московскихъ чиновъ десять человѣкъ добрыхъ и человѣчныхъ и грамотѣ умѣющихъ и о выборѣ и о присылкѣ ихъ въ Володимерскій судный приказъ"... Около 1 апрѣля 1698 г. были закончены переговоры съ Меланковичемъ и назначено мѣсто, гдѣ должно было происходить ученіе: Меланковича направить „для строенія на рѣкѣ Міусѣ карабелной (!) пристани морского каравана, а учениковъ морского воинскаго ходу и картѣ и компасомъ учить подъ Азовомъ".

По смыслу „отписокъ" Володимерскаго суднаго приказа можно понять, что „ученіе морскому ходу" началось во второй половинѣ апрѣля 1698 г. сначала не въ Азовѣ, а въ Москвѣ. 7 мая изъ Володимерскаго суднаго приказа ученикамъ былъ данъ указъ, чтобы быть имъ „въ наукѣ морского воинскаго ходу и картѣ и компасомъ... у Матвѣя Меланковича подъ Азовомъ и чтобъ они въ поѣску (!) для той науки готовились и въ Володимерскій судный приказъ являтца имъ по вся дни, а безъ указу Великаго Государя съ Москвы имъ никуда не съѣзжать". Въ 20-хъ числахъ мая 1698 г. ученики были отправлены съ Меланковичемъ подъ Азовъ. Туда же позднѣе были направлены и „сысканные отлучники отъ школьнаго ученія" (т. е. бывшіе въ бѣгахъ).

Срокъ обученія вѣроятно не былъ длительнымъ и само обученіе носило преимущественно практическій характеръ.

Въ документахъ послѣдующихъ лѣтъ, въ архивныхъ матеріалахъ Оружейной Палаты, Володимерскаго суднаго, Адмиралтейскаго и др. приказовъ объ Азовской школѣ нигдѣ не упоминается, но можно предполагать, что она продлжала существовать и далѣе, т. к. потребность въ морскихъ кадрахъ была велика.

Окончившіе Азовскую школу поступали на корабли Азовскаго флота, для надобностей котораго эта школа и была учреждена. Нѣкоторые изъ этихъ учениковъ, будучи на военно-морской службѣ, были посланы вмѣстѣ съ окончившими позднѣе Школу математическихъ и навигацкихъ наукъ въ Англію „для совершеннаго наученія мореходства.

(Составлено по статьѣ А. Е. Сукновалова „Первая въ Россіи военно-морская школа" въ 42 томѣ „Историческихъ записокъ", изд. Академіи наукъ, 1953 г.).

40 ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ. „ЗАВОЕВАНІЯ РЕВОЛЮЦІИ"

Ниже сего приводится приказъ по Флоту и Морскому Вѣдомству, рисующій развалъ морскихъ командъ флота въ первые мѣсяцы послѣ революціи.

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ, АВГУСТА 5 ДНЯ 1917 ГОДА, № 504.

30-го іюля сего года при подходѣ шедшаго со мною и съ командующимъ Балтійскимъ флотомъ миноносца къ пристани батереи въ раіонѣ острова Оландъ, миноносецъ, несмотря на предупрежденіе, не былъ встрѣченъ ни офицеромъ, ни командою батареи. Пройдя на батарею, мы застали ее въ ужасающемъ, по содержанію, безпорядкѣ, съ наваленными около самыхъ орудій кучами мусора и камней, мѣшающихъ дѣйствію орудій. Матросъ, неопрятнаго вида и безъ винтовки, заявилъ на вопросъ Командующаго, что он часовой, и сразу не могъ даже объяснить, что онъ тутъ дѣлаетъ. Приказъ Командующаго флотомъ дать боевую тревогу былъ выполненъ только послѣ многократнаго повторенія, но оказалось, что телефонъ на батарею не дѣйствуетъ. Посланный на батарею матросъ изъ команды вернулся съ отвѣтомъ, что часть команды батареи еще спитъ, хотя было уже около 10 часовъ утра, а остальные заявили, что на боевую тревогу они не выйдутъ, потому что никто съ ними предварительно не переговорилъ. Такимъ образомъ, приказъ о боевой тревогѣ выполненъ не былъ. Далѣе выяснилось, что боевыя занятія на батареѣ, вслѣдствіе нежеланія команды, не производились.

Подобное преступное настроеніе команды батареи и отказъ ея исполнять боевую работу даже на столь отвѣтственномъ передовомъ пунктѣ, охраняющемъ подходы къ нашимъ берегамъ, есть прямая измѣна дѣлу революціи.

Часъ спустя посѣщенія мною батареи, на вражеской минѣ, поставленной какъ разъ въ томъ раіонѣ, который обязана была защищать эта батарея, погибъ нашъ миноносецъ „Лейтенантъ Бураковъ" и вмѣстѣ съ нимъ погибли офицеръ и 22 матроса.

Позорное отношеніе команды батареи къ своимъ прямымъ обязанностямъ и предательское нарушеніе ею товарищескаго долга особенно выдѣляются на фонѣ смерти 23 истинныхъ защитниковъ Родины и потери боевой единицы флота.

Команда батареи расформировывается. Надъ дѣйствіями командира батареи предлагаю произвести судебное слѣдствіе для привлеченія виновныхъ къ законной отвѣтственности.

Тяжелый и позорный, произошедшій въ нашей морской семьѣ, случай этотъ, я вѣрю, будетъ послѣднимъ. Русскій флотъ долженъ сознавать тажелое положеніе и ту опасность, которая угрожаетъ свободѣ и дѣлу революціи и быть проникнутымъ духомъ защиты изнемогающей Родины. Товарищескимъ воздѣйствіемъ, вмѣстѣ съ рѣшительными мѣрами командного состава, онъ не допуститъ повтореній подобнаго безобразія и съ корнемъ ликвидируетъ преступные непорядки, являющіеся слѣдствіемъ опредѣленной агитаціи изъ тыла.

Подписалъ: Управляющій Морскимъ Министерствомъ **Вл. Лебедевъ.**

———0———

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ, АВГУСТА 5 ДНЯ 1917 ГОДА, № 505.

Во исполненіе приказа Военнаго и Морского Министра изъ Кронштадта должны были быть выведены для отправки на фронтъ 1-я и 2-я роты временно-пребывающихъ 1-го Балтійскаго экипажа. Въ этихъ ротахъ по спискамъ значилось около 400 матросовъ, но на лицо оказалось всего 173.

Приказъ Морского Министра былъ приведенъ въ исполненіе 4-го сего августа, при чемъ выяснилось, что при полученіи въ Кронштадтѣ извѣстія объ этомъ приказѣ около 100 матросовъ, подлежащихъ отправленію на фронтъ, немедленно же дезертировали и скрылись изъ Кронштадта и только 72 человѣка выступили на защиту Родины.

Такимъ образомъ, тѣ самые люди, которые только что на собраніяхъ и митингахъ выносили постановленія о необходимости защиты свободы Родины отъ угрожающаго ей непріятеля, лишь только понадобилось доказать свою преданность дѣлу революціи, постыдно дезертировали, какъ послѣдніе трусы и негодяи.

Къ розыску этихъ измѣнниковъ и предателей Родины приняты самыя энергичныя мѣры и они по суду понесутъ тяжкое наказаніе за свое гнусное поведеніе, такъ какъ очевидно, что мѣсто имъ не тамъ, гдѣ очистившаяся отъ темныхъ вліяній безотвѣтственныхъ лицъ наша доблестная Армія кровью защищаетъ будущность Россіи и спасаетъ судьбу революціи.

Подписалъ: Управляющій Морскимъ Министерствомъ **Вл. Лебедевъ.**

Черноморъ

ДОСАДНОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ

Осенью 191х года происходили обычные маневры Балтійскаго флота. На время этихъ маневровъ по судамъ было распредѣлено, для ознакомленія съ морской службой и дѣйствіями флота, весьма значительное число офицеровъ арміи — членовъ Общества Ревнителей Военныхъ Знаній, во главѣ съ нѣсколькими весьма извѣстными, почтенными генералами. На флагманскомъ линейномъ кораблѣ Бригады кораблей находились въ качествѣ гостей два заслуженныхъ полныхъ генерала, изъ коихъ одинъ занималъ раньше одинъ изъ высшихъ постовъ въ военномъ вѣдомствѣ. Адмиралъ — Начальникъ бригады кораблей — предложилъ этому старшему генералу свою каюту, и на протесты генерала, что онъ не желаетъ стѣснять любезнаго хозяина, адмиралъ отвѣтилъ, что все равно, ему придется все время быть наверху и помѣщаться въ ходовой рубкѣ, а потому Его Высокопревосходительство никого не стѣснитъ. Маневры, подъ руководствомъ такого Командующаго, какъ незабвенный Адмиралъ Н. О. Эссенъ, проходили энергично, оживленно и интересно. Гости — сухопутные офицеры, тоже находились цѣлый день, а иногда и часть ночи, на мостикахъ судовъ, всѣмъ живо интересуясь. Въ одну изъ первыхъ ночей, около полночи, бригада кораблей стала на якорь на №-скомъ рейдѣ. Всѣ за день очень устали, легли спать и скоро уснули.

Черезъ нѣкоторое время на рейдѣ появился неутомимый Адмиралъ — Командующій. Адмиралу не понравилось почему-то мѣсто стоянки флагманскаго линейнаго корабля и онъ поднялъ этому кораблю сигналъ: — Перемѣнить мѣсто. — Разобравъ сигналъ, вахтенный начальникъ немедленно послалъ вахтеннаго доложить Адмиралу и Командиру объ этомъ сигналѣ. И вотъ, вахтенный унтеръ-офицеръ, забывъ что Адмиралъ спитъ у себя въ рубкѣ, по привычкѣ отправился внизъ — въ адмиральское помѣщеніе. Дверь въ адмиральскую спальню изъ салона была открыта, а потому вахтенный, постучавъ для приличія въ дверь, громкимъ голосомъ доложилъ: — Ваше Превосходительство, такъ что приказано перемѣнить мѣсто.

Разбуженный приходомъ вахтеннаго и разобравъ его громкій докладъ, почтенный генералъ сначала опѣшилъ, а затѣмъ, быстро начавъ одѣваться, старческимъ, недовольнымъ голосомъ произнесъ: — Вотъ, говорилъ же я адмиралу, — не надо мнѣ этой каюты, а теперь изволь мѣнять мѣсто; и куда я теперь дѣнусь ночью.

Пока это досадное недоразумѣніе выяснилось и Генералу были принесены соотвѣтствующія, самыя искреннія извиненія, прошло нѣкоторое время, и сонъ генерала былъ нарушенъ.

И долго еще, кряхтя и ворочаясь на адмиральской койкѣ, Генералъ старчески ворчалъ: — Охъ, ужъ эта мнѣ морская служба.

ИЗДАНІЯ

ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ ОБЩЕСТВА ОФИЦЕРОВЪ РОССІЙСКАГО ИМПЕРАТОРСКАГО ФЛОТА ВЪ АМЕРИКѢ

ИМѢЮЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ ДЛЯ ПРОДАЖИ:

Цѣны съ пересылкой

1.	„Съ береговъ Америки". Юбилейный историческій сборникъ О-ва б. Р. М. О. А., 1923-1938 распроданъ.	
2.	„Морскія Записки", томъ I, 1943 — распроданъ.	
3.	„Морскія Записки", томъ II, 1944	4.00
4.	„Морскія Записки", томъ III, 1945	4.00
5.	„Морскія Записки", томъ IV, 1946 — отдѣльные номера только	
6.	„Морскія Записки", томъ V, 1947	4.00
7.	„Морскія Записки", томъ VI, 1948 — распроданъ	
8.	„Морскія Записки", томъ VII, 1949 — распроданъ	
9.	„Морскія Записки", томъ VIII, 1950	4.00
10.	„Морскія Записки", томъ IX, 1951 — осталось лишь нѣсколько номеровъ	
11.	„Морскія Записки", томъ X, 1952	4.00
12.	„Морскія Записки", томъ XI, 1953	3.00
13.	„Морскія Записки", томъ XII, 1954	3.00
14.	„Юбилейный выпускъ", къ 20-лѣтію О. б. Р. М. О. А. 1923-1943	1.50
15.	„Морской Корпусъ за четверть вѣка" А. Тарсаидзе, 1925. Осталось лишь нѣсколько номеровъ	1.50
16.	„Описаніе дѣйствій Гвард. Экипажа на сушѣ и морѣ въ войну 1914-1917". Ст. лейт. баронъ Г. Н. Таубе	0.50
17.	„Колыбель Флота" — 1701-1951 г. Къ 250-ти лѣтію со дня основанія школы математическихъ и навигаціонныхъ наукъ	3.65

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на „МОРСКІЯ ЗАПИСКИ" на 1955 г.

Цѣна $ 3.00 съ пересылкой.